

ISSN 1999-625X

№ 1 (92)

**март
2024**

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ОМСКОЙ АКАДЕМИИ МВД РОССИИ

В НОМЕРЕ:

- 70-летию профессора Б. Б. Булатова посвящается
- Пределы понимания сущности уголовного права
- Теория особых производств в уголовном процессе: методологические основы исследования
- Ведущая роль государства в решении глобальных экологических проблем: философский аспект

Научно-практический журнал
Научный вестник
Омской академии МВД России
Том 30

№ 1(92) январь – март 2024 г.

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

---

*Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора
наук по следующим научным направлениям (по отраслям наук):
юридические науки, философские науки*

**Scientific bulletin of the Omsk Academy
of the Ministry of the Interior of Russia
Volume 30**

No. 1(92) january – march 2024

Has been published quarterly since June 1995

---

*The journal is included into the list of peer-reviewed scientific periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation for the publication
of main results of PhD and doctoral theses on the following sciences:
juridical sciences, philosophical sciences*

Редакционный совет:

- Б. Б. Булатов**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
С. К. Буряков, кандидат политических наук
(Омск, Россия)
В. В. Векленко, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
Л. М. Прокументов, доктор юридических наук,
профессор (Томск, Россия)
А. Е. Чечётин, доктор юридических наук, профессор
(Барнаул, Россия)

Редакционная коллегия:

- В. А. Азаров**, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
О. В. Арефьева — *ответственный секретарь*
(Омск, Россия)
А. А. Аубакирова, доктор юридических наук,
профессор (Алматы, Республика Казахстан)
В. В. Бабурин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия)
О. И. Бекетов, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. А. Болдырев, доктор юридических наук, доцент
(Санкт-Петербург, Россия)
М. А. Бучакова, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук,
профессор (Краснодар, Россия)
Ю. В. Герасименко, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. В. Головкин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Т. Е. Грязнова, доктор юридических наук, доцент (Омск, Россия)
В. А. Гусев, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
А. С. Дежнёв, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
Л. В. Денисова, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)

- А. М. Джоробекова**, доктор юридических наук, профессор
(Бишкек, Киргизская Республика)
М. С. Десятов, доктор юридических наук, доцент
(Омск, Россия)
О. А. Дизер, доктор юридических наук, доцент
(Белгород, Россия)
М. А. Кожевина, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
В. И. Красиков, доктор философских наук, профессор
(Москва, Россия)
В. И. Кудашов, доктор философских наук, профессор
(Красноярск, Россия)
К. Ляковская, доктор юридических наук, профессор
юридических наук (Белосток, Республика Польша)
В. Ф. Луговик, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Я. М. Мазунин, доктор юридических наук, профессор
(Омск, Россия)
Н. И. Мартишина, доктор философских наук, профессор
(Новосибирск, Россия)
Т. С. Масловская, кандидат юридических наук, доцент
(Минск, Республика Беларусь)
М. А. Михайлов, кандидат юридических наук, доцент
(Симферополь, Россия)
А. А. Нечепуренко, доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
Д. В. Попов, доктор философских наук, доцент
(Омск, Россия)
Ю. Е. Пудовочкин, доктор юридических наук, профессор
(Москва, Россия)
Д. С. Рудьман, кандидат юридических наук, доцент —
главный редактор (Омск, Россия)
Г. Ч. Синченко, доктор философских наук, профессор
(Омск, Россия)
А. А. Турышев, кандидат юридических наук, доцент —
заместитель главного редактора (Омск, Россия)
В. В. Хиллута, доктор юридических наук, доцент
(Гродно, Республика Беларусь)
В. В. Чешев, доктор философских наук, профессор
(Томск, Россия)
Ф. Р. Шарифзода, доктор юридических наук, доцент
(Душанбе, Республика Таджикистан)

Вниманию подписчиков!

41927 — в Объединенном каталоге «Пресса России». Том I Газеты и журналы

Учредитель — федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования
«Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Главный редактор **Д. С. Рудьман**

Редактирование **О. В. Арефьева**

Корректур **Л. И. Замулло**

Компьютерная правка и верстка **П. В. Ярославцева**

Перевод **Ю. И. Алфёрова**

Авторы эмблем **Е. В. Сырвачева, А. Н. Разумова, А. Е. Макогонова, О. В. Куц**

Адрес издателя, редакции и отделения полиграфической и оперативной печати (типографии):

Россия, 644092, г. Омск, пр-т Комарова, 7, ОМА МВД России.

Цена свободная.

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Реестровая запись ПИ № ФС77-74598 от 14 декабря 2018 г.

Выход в свет: 29.03.2024. Тираж 100 экз. Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 10,2. Заказ № 79.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Омская академия МВД России, 2024

The editorial council:

- B. B. Bulatov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
S. K. Buryakov, PhD in Political Sciences
(Omsk, Russia)
V. V. Veklenko, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
L. M. Prozumentov, Doctor of Law, Professor
(Tomsk, Russia)
A. Ye. Chechetin, Doctor of Law, Professor
(Barnaul, Russia)

The editorial board:

- V. A. Azarov**, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
O. V. Arefeva — *assistant editor* (Omsk, Russia)
A. A. Aubakirova, Doctor of Law, Professor
(Almaty, Kazakhstan)
V. V. Baburin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
M. V. Bavsun, Doctor of Law, Professor
(St. Petersburg, Russia)
O. I. Beketov, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
V. A. Boldyrev, Doctor of Law, Associate Professor
(St. Petersburg, Russia)
M. A. Buchakova, Doctor of Law, Associate Professor
(Omsk, Russia)
K. V. Vishnevetsky, Doctor of Law, Professor
(Krasnodar, Russia)
Yu. V. Gerasimenko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
V. V. Golovko, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
T. Ye. Gryaznova, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
A. S. Dezhnyov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk,
Russia)
L. V. Denisova, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
A. M. Dzhorobekova, Doctor of Law, Professor
(Bishkek, Kyrgyz Republic)

- Desyatov M. S.**, Doctor of Science in Law, Associate-Professor
(Omsk, Russia)
O. A. Diser, Doctor of Law, Associate Professor
(Belgorod, Russia)
M. A. Kozhevina, Doctor of Law, PhD in Historical Sciences,
Associate Professor (Omsk, Russia)
V. I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor
(Moscow, Russia)
V. I. Kudashov, Doctor of Philosophy, Professor
(Krasnoyarsk, Russia)
K. Laskowska, Dr hab (Law), Professor
(Bialystok, Poland)
V. F. Lugovik, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Ya. M. Mazunin, Doctor of Law, Professor
(Omsk, Russia)
N. I. Martishina, Doctor of Philosophy, Professor
(Novosibirsk, Russia)
T. S. Maslovskaya, PhD in Law, Associate Professor
(Minsk, Belarus)
M. A. Mikhaylov, PhD in Law, Associate Professor
(Simferopol, Russia)
A. A. Nechepurenko, Doctor of Law, Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
D. V. Popov, Doctor of Philosophy, Associate Professor
(Omsk, Russia)
Yu. Ye. Pudovochkin, Doctor of Law, Professor
(Moscow, Russia)
D. S. Rudman, PhD in Law, Associate Professor —
editor-in-chief (Omsk, Russia)
G. Ch. Sinchenko, Doctor of Philosophy, Professor
(Omsk, Russia)
A. A. Turyshev, PhD in Law, Associate Professor —
deputy chief editor (Omsk, Russia)
V. V. Khilyuta, Doctor of Law, Associate Professor
(Grodno, Belarus)
V. V. Cheshev, Doctor of Philosophy, Professor
(Tomsk, Russia)
F. R. Sharifzoda, Doctor of Science in Law, Associate Professor
(Dushanbe, the Republic of Tajikistan)

For Subscribers

41927 — in Unified catalogue «Russia's Press». Vol. I Newspapers and Journals

Founder — Federal State Public Institution of Higher Education
«Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation»

Editor-in-chief *D. S. Rudman*

Editing and Proofreading *O. V. Arefeva*

Proofreading *L. I. Zamullo*

Desktop publishing *P. V. Yaroslavtseva*

Translation *Yu. I. Alferova*

Authors of the Emblems *E. V. Syrvacheva, A.N. Razumova, A. E. Makagonova, O. V. Kuts*

Address of the publisher, editorial office and department of graphic arts printing and small offset printing (printing house):

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 7 Komarov pr., Omsk, 644092, Russia

Price not fixed.

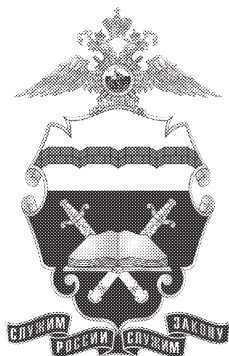
Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Media.

Registration entry PI No. FS77-74598 dated December 14, 2018.

Issued: 29.03.2024. Circulation 100 items. Published sheets 9,5. Printed sheets 10,2. Order No. 79.

When reprinted reference to the Journal is mandatory.

© Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 2024

№ 1 (92) НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

2024

Омской академии МВД России

научно-практический журнал

Издается с июня 1995 г. Выходит четыре раза в год

В НОМЕРЕ:

Поздравляем с юбилеем	•	Congratulations on the Jubilee
Буряков С. К. 70-летию профессора Б. Б. Булатова посвящается	5	Byryakov S. K. Devoted to 70 th Jubilee of Professor B. B. Bulatov
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ	•	LEGAL SCIENCES
Противодействие правонарушающему поведению	•	Counteracting Delinquent Behaviour
Ларичев В. Д., Панкратьев А. Н. Учет налоговых преступлений на современном этапе	8	Larichev V. D., Pankratiev A. N. Registration of Tax Crimes at the Present Stage
Попов И. В. Хищение лесных насаждений путем рубки	14	Popov I. V. Theft of Forest Plantations by Felling Trees
Шайденко Д. А. Многозначность термина «задержание» по российскому законодательству	20	Shaidenko D. A. Polysemy of the term «detention» according to the Russian legislation
Бондарева А. А. Особенности производства осмотра, обыска и выемки при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства	25	Bondareva A. A. Specifics of Observation, Search and Seizure in the Investigation of Criminal Violations of Migration Laws
Право и государство	•	Law and State
Хилыута В. В. Пределы понимания сущности уголовного права	31	Khilyuta V. V. Limits to Understanding the Essence of Criminal Law
Симоненко Д. А. Проблемы правовой регламентации защиты государством лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям	37	Simonenko D. A. Problems of Legal Regulation of the State Protection of Persons providing Confidential Assistance to Operational Units
Быданцев Н. А. Законность в уголовном процессе как антиаксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 2)	42	Bydantsev N. A. Legality in Criminal Proceedings as an Antiaxiom evolving with the Law and the Legal Positions of the Highest Judicial Bodies (Part 2)
Слышалов И. В., Андреев Е. Э. Правовые позиции международных органов по вопросам применения силы в ходе проведения специальных полицейских операций и их влияние на национальное законодательство	49	Slyshalov I. V., Andreev E. E. Legal Positions of International bodies on the Use of Force in Special Police Operations and their Impact on National Legislation
Герасименко Ю. А. Толкование юридических норм-оговорок: теория, практика, техника	54	Gerasimenko Yu. A. Interpretation of Legal Norms-Reservations: Theory, Practice, Technique
Юридические ретроспективы	•	Juridical Retrospect
Васильченко Д. А. Деятельность подразделений, специализировавшихся на раскрытии преступлений, в период становления абсолютизма при Петре I	59	Vasilchenko D. A. Activity of Units Specializing in Crime Detection during period of Absolutism under Peter the Great
Никитчик А. А. Принципы права как фактор развития системы права в трудах российских юристов конца XIX — начала XX вв.	67	Nikitchik A. A. Principles of Law as a Factor in the Development of the System of Law in the works of Russian Jurists of the late 19 th — early 20 th centuries
Диссертационный процесс	•	Dissertation Process
Пупышева Л. А. Теория особых производств в уголовном процессе: методологические основы исследования	71	Pupysheva L. A. Theory of Special Proceedings in Criminal Procedure: Methodological Foundations of the Research
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ	•	PHILOSOPHICAL SCIENCES
Философский инструментарий	•	Philosophical Toolkit
Рочняк Е. В. Ведущая роль государства в решении глобальных экологических проблем: философский аспект	77	Rochnyak E. V. The Leading Role of the State in Solving Global Environmental Problems: Philosophical Aspect
Религия и общество	•	Religion and Society
Данилов В. Л., Зайцев П. Л. Бюрократия и веротерпимость: трансформация государственно-конфессиональных отношений в России во второй половине XIX — начале XX вв.	82	Danilov V. L., Zaitsev P. L. Bureaucracy and Religious Tolerance: Transformation of State-Confessional Relations in Russia in the second half of the 19 th — early 20 th centuries
Информация для авторов	87	Information for Authors

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ CONGRATULATIONS ON THE JUBILEE

70-летию профессора Б. Б. Булатова посвящается Devoted to 70th Jubilee of Professor B. B. Bulatov

31 января 2024 года отметил свое 70-летие доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации Борис Борисович Булатов. От всего коллектива Омской академии МВД России и от себя лично сердечно поздравляю Бориса Борисовича с этим знаменательным событием. Эта дата по праву может считаться особым днем для нашего учебного заведения, поскольку биография юбиляра неразрывно связана с его историей.

Б. Б. Булатов родился 31 января 1954 года в г. Богдановиче Свердловской области. В 1971 году, после окончания средней школы, поступил в Омскую высшую школу милиции МВД СССР (далее — ОВШМ), с первых дней обучения в которой зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны, поскольку ответственно относился к учебному процессу: «Учился только на «отлично», принимал активное участие в общественной жизни коллектива» (являлся заместителем секретаря комсомольской организации вуза),

успешно выполнял обязанности заместителя командира учебной группы.

Сегодня, по прошествии нескольких десятилетий, можно с уверенностью сказать, что именно учеба в ОВШМ сформировала в молодом сотруднике предпосылки становления будущего ученого и успешного управленца: на старших курсах он всерьез увлекся наукой, проходил стажировку в проблемной научно-исследовательской лаборатории при НИ и РИО ОВШМ, занимался исследованиями по изучению личности и практики назначения наказаний ворами-рецидивистам. За активное участие в научной деятельности неоднократно поощрялся руководством школы.

После окончания с отличием ОВШМ Б. Б. Булатов был рекомендован для дальнейшей работы в качестве преподавателя на кафедре уголовного процесса, а в 1977 году направлен для поступления в целевую адъюнктуру при Московской высшей школе милиции МВД СССР. Первый серьезный научный триумф — защита кандидатской диссертации — произошел в октябре 1980 года, после чего он вернулся в родную alma-mater, где продолжил работу на кафедре уголовного процесса. Уже в следующем году был назначен на должность старшего преподавателя Тюменского факультета ОВШМ. Серьезным шагом в карьере стало его назначение на должность доцента и присвоение первого ученого звания (1984–1985 гг.).

В 1985 году Б. Б. Булатов был переведен для исполнения обязанностей начальника кафедры общеправовых дисциплин и общественных наук Пермских высших курсов МВД СССР, с которыми связана вся его последующая деятельность вплоть до назначения на должность начальника Омской академии МВД России. Именно здесь он прошел все этапы профессионального и научно-педагогического роста, приобрел необходимый для руководителя образовательного учреждения опыт.

В апреле 2004 года Б. Б. Булатов был назначен на должность руководителя Омской академии МВД России. С первых дней работы в качестве начальника одного из известнейших в системе МВД России вуза определил в качестве приоритетных направлений его деятельности совершенствование образовательного процесса, повышение научного кадрового потенциа-

ла, укрепление учебно-материальной базы академии, взаимодействие академии с другими образовательными организациями, органами законодательной и исполнительной власти, правоохранительными органами Омской области и территориальными органами внутренних дел.

С 2012 года, после реформирования системы МВД России, по инициативе Б. Б. Булатова академия сохранила за собой функции учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений уголовного розыска», что потребовало организовать на новом уровне тесное взаимодействие академии с Главным управлением уголовного розыска МВД России по вопросам подготовки кадров, учебно-методической и научно-исследовательской работы. Так, на базе Омской академии МВД России регулярно стали проходить заключительные этапы всероссийских конкурсов профессионального мастерства среди сотрудников уголовного розыска на звание «Лучший по профессии».

Проводимая Б. Б. Булатовым работа, направленная на повышение качества образовательной деятельности, позволила приумножить количество реализуемых в академии образовательных программ, что в свою очередь послужило основой для существенного увеличения числа комплекующих академию органов внутренних дел, для которых вуз готовил специалистов с высшим образованием. Все эти факторы, несомненно, повлияли на укрепление престижа Омской академии МВД России как опорного вуза по подготовке кадров для правоохранительных органов Сибирского, Уральского, Дальневосточного и Приволжского федеральных округов.

Отдельного внимания заслуживает плодотворная деятельность Б. Б. Булатова по организации международного сотрудничества и взаимодействию с образовательными организациями правоохранительных органов стран ближнего и дальнего зарубежья: во-первых, произошло существенное увеличение количества иностранных специалистов, обучающихся по программам высшего образования — программам специалитета и подготовки научно-педагогических кадров в адъюнктуре (Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Монголия), во-вторых, были открыты новые специальности для обучения на факультете заочного обучения, переподготовки и повышения квалификации академии (Исламская Республика Афганистан, Республика Узбекистан, Республика Казахстан, Республика Армения, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь), в-третьих, на базе академии впервые были организованы языковые стажировки для сотрудников Милиции общественной безопасности Китайской На-

родной Республики, Министерства внутренних дел и коммунального хозяйства земли Северный Рейн-Вестфалия (Германия).

Безусловно, в рамках короткого поздравления описать становление юбиляра как педагога и наставника можно только «широкими мазками». Вместе с тем нельзя не вспомнить о том, что профессор Б. Б. Булатов — один из известнейших ученых-процессуалистов в России, занимающийся вопросами государственного принуждения в уголовном процессе, не отразить его вклад в научную копилку академии и юридической науки в целом.

Как отмечают современники, на всех этапах становления как ученого Б. Б. Булатова отличали академический склад ума, научная смелость, широта научной и методической мысли. Такие качества закономерно привели его к научному достижению в сфере уголовного процесса: в феврале 2004 года он успешно защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук, а уже в ноябре 2005 года ему было присвоено ученое звание профессора.

В период руководства Б. Б. Булатова новый импульс получила деятельность по изданию академией научно-практических журналов «Научный вестник Омской академии МВД России», «Психопедагогика в правоохранительных органах», «Законодательство и практика», «Оперативно-розыскная деятельность». Два из них были включены в перечень ведущих рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, в них публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

В это же время были созданы необходимые условия для воспитания и подготовки в нашем вузе собственных научно-педагогических кадров. В качестве научного руководителя и научного консультанта Б. Б. Булатов подготовил девять кандидатов и двух докторов юридических наук. То, что и в настоящее время Омская академия МВД России продолжает оставаться вузом, в котором успешно открываются и работают новые диссертационные советы по различным научным направлениям (одним из которых он продолжает руководить в качестве председателя), во многом является его личной заслугой.

За высокие достижения в научной и педагогической деятельности Указом Президента Российской Федерации Б. Б. Булатову присвоено почетное звание «Заслуженный юрист Российской Федерации» (1999 год), он награжден медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени (2004 год), орденом Почета (2011 год), медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» I степени (2017 год), нагрудным знаком «Почетный сотрудник МВД» и ведомственными медалями.

И сегодня Б. Б. Булатов в авангарде уголовно-процессуальной науки: на его счету более 150 научных работ, в том числе монографии, учебники и учебные пособия, комментарии к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации, которые широко используются в образовательном процессе юридических вузов. Он активно публикуется на страницах ведущих научно-практических журналов, таких как «Российская юстиция», «Российский следователь», «Уголовное право», «Уголовный процесс», «Научный вестник Омской академии МВД России».

Юбилейная дата Б. Б. Булатова объединила ученых-процессуалистов со всех уголков нашей необъятной Родины и ближнего зарубежья (Республики Казахстан, Республики Беларусь, Кыргызской Республики) на международной научно-практической конференции «Правовые и гуманитарные пробле-

мы уголовно-процессуального принуждения», которая состоялась в Омской академии МВД России 16 февраля 2024 года. Принимавшие участие в работе конференции ведущие ученые-процессуалисты, выступившие с интереснейшими докладами, отмечали существенный вклад юбиляра не только в доктрину уголовно-процессуального принуждения, но и в научную судьбу каждого из них. Очевидно, что такие научно-представительские мероприятия способствуют плодотворному научному сотрудничеству, вдохновляют как уже состоявшихся, так и молодых ученых верно служить юридической науке, делу укрепления законности и правопорядка в государстве.

Поздравляю Бориса Борисовича Булатова с юбилеем, желаю крепкого здоровья и научного вдохновения.

*Начальник Омской академии МВД России
кандидат политических наук
генерал-майор полиции
Сергей Константинович Буряков*

УДК 343.79

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-8-13

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Учет налоговых преступлений на современном этапе

Василий Дмитриевич Ларичев

Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник НИЦ № 3¹, ✉ larichev48@mail.ru

Анатолий Николаевич Панкратьев

кандидат юридических наук, начальник отдела по борьбе с налоговыми правонарушениями²,
✉ a.pankratev@gmail.com

¹ ВНИИ МВД России (Москва, Россия),

² ГУЭБиПК МВД России (Москва, Россия)

В статье раскрываются вопросы государственного единого статистического учета преступлений, описывается порядок учета, отмечается, что до 9 марта 2022 г. в карточке на выявленное преступление указывался, как правило, правоохранительный или следственный орган, выявивший данное преступление. С изменением порядка принятия процессуальных решений по фактам совершения налогового преступления в правоохранительной практике по-разному указывается орган или подразделение, по материалам которых возбуждено уголовное дело. В связи с этим осуществлен опрос сотрудников Следственного комитета Российской Федерации, которые расследуют уголовные дела по налоговым преступлениям.

Ключевые слова: статистический учет, налоговые преступления, возбуждение уголовного дела, органы внутренних дел, Следственный комитет РФ

Для цитирования: Ларичев В. Д., Панкратьев А. Н. Учет налоговых преступлений на современном этапе // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 8–13.

Registration of Tax Crimes at the Present Stage

Vasily D. Larichev

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Science (in Law), Professor, senior researcher of the 3rd Scientific Research Centre¹,
✉ larichev48@mail.ru

Anatoly N. Pankratiev

Candidate of Science (in Law), Chief of Tax Crime Department², ✉ a.pankratev@gmail.com

¹ All-Russian Research Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia),

² Main Directorate of Economic Security and Combating Corruption of the Russian Ministry of Internal Affairs (Moscow, Russia)

The article explains the issues of state unified statistical registration of crimes, describes the order of registration. It is noted that until 9 March 2022 the card on the revealed crime, as a rule, had contained information about law enforcement or investigative body that revealed the crime. With the change in the procedure for making procedural decisions on the facts of a tax offence in law enforcement practice the body and unit on the materials of the criminal case are indicated differently. In this regard, a survey of investigative bodies of the Investigative Committee of the Russian Federation, whose officers investigate tax crimes, was carried out.

Keywords: statistical register, tax offences, initiation of a criminal case, Internal Affairs' bodies, Investigative Committee RF

Citation: Larichev V. D., Pankratiev A. N. Registration of Tax Crimes at the Present Stage. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 8–13 (In Russ.).

Любая общественно полезная деятельность под-
лежит оценке и учету. В целях обеспечения инфор-
мационных потребностей государства и общества
в полной, достоверной, научно обоснованной офици-
альной статистической информации о социальных,
экономических, демографических, экологических
и других общественных процессах в России разрабо-
тан Федеральный закон «Об официальном статисти-
ческом учете и системе государственной статистики
в Российской Федерации»¹.

Статистический учет осуществляется путем доку-
ментирования информации о количественной стороне
социальных, экономических, демографических и дру-
гих общественных процессов в Российской Федерации
субъектами официального статистического учета, к ко-
торым относятся федеральные органы государствен-
ной власти, Центральный банк Российской Федерации
(Банк России) и другие органы, осуществляющие фор-
мирование официальной статистической информации
в установленной сфере деятельности.

Для формирования статистического учета ис-
пользуются сбор первичных статистических данных
и административных данных субъектами офици-
ального статистического учета (федеральное статисти-
ческое наблюдение). Первичные статистические
данные — документированная информация, полу-
чаемая от респондентов, или информация, докумен-
тируемая непосредственно в ходе федерального ста-
тистического наблюдения.

Пользователями этого учета являются государ-
ственные органы, органы местного самоуправления,
юридические и физические лица, обращающиеся
к системе государственной статистики.

Не является исключением в этом плане и пра-
воохранительная деятельность. В настоящее время
единый для всех органов, осуществляющих дозна-
ние, предварительное следствие и судебное произ-
водство по уголовным делам, порядок учета престу-
плений и иных объектов учета определен приказом
Генпрокуратуры России, МВД России, МЧС России,
Минюста России, ФСБ России, Минэкономразви-
тия России, ФСКН России «О едином учете престу-
плений»². Единый учет преступлений заключает-
ся в первичном учете и регистрации преступлений
и иных объектов учета.

Построение эффективной системы государ-
ственного единого статистического учета престу-
плений является чрезвычайно важной задачей для
российской государственности, без решения кото-

рой сложно формировать адекватную уголовную
политику и принимать обоснованные управленче-
ские решения в сфере противодействия преступ-
ности [1, с. 192]. Результативность работы органов
внутренних дел в сфере обеспечения безопасности
личности также определяется статистическими дан-
ными, характеризующими результаты деятельности
органов внутренних дел. От надлежащей постановки
первичного учета зависят полнота и достоверность
показателей, характеризующих состояние преступ-
ности [2, с. 106], характер и степень общественной
опасности совершенного преступления [3, с. 231], эф-
фективность работы органов внутренних дел по обе-
спечению защищенности граждан от противоправ-
ных посягательств, поиск наиболее оптимальных
способов повышения эффективности деятельности
правоохранительных органов по противодействию
коррупционной преступности. Данная система по-
зволяет оценить криминогенность тех или иных пре-
ступлений на определенной территории, наметить
меры по их устранению, определить степень эффек-
тивности обеспечения безопасности личности, уста-
новить лиц, совершивших преступления [4, с. 151;
5, с. 525], и назначить им меры наказания с учетом
их личности [6, с. 361], определить материальный
ущерб, причиненный преступлениями, обеспечить
его возмещение. Особое внимание в вопросах до-
стоверности статистических данных, используемых
в системе государственного единого статистического
учета преступлений, отводится роли органов проку-
ратуры в ее обеспечении [7, с. 52; 8, с. 110].

Указанный выше совместный приказ в числе
других приложений содержит Положение о едином
порядке регистрации уголовных дел и учета престу-
плений (приложение № 2), Инструкцию о порядке
заполнения и представления учетных документов
(приложение № 3).

В приложениях также приведены статистиче-
ские карточки (приложение № 4), а именно: статисти-
ческая карточка на выявленное преступление (форма
№ 1); статистическая карточка о результатах рассле-
дования преступления (форма № 1.1); статистическая
карточка на лицо, совершившее преступление (фор-
ма № 2); статистическая карточка о движении уго-
ловного дела (форма № 3); статистическая карточка
об установленной сумме материального ущерба, ре-
зультатах его возмещения и изъятия предметов пре-
ступной деятельности (форма № 4); статистическая
карточка о потерпевшем (форма № 5); статистическая

¹ Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации : федеральный закон от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О едином учете преступлений : приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, МВД России, МЧС России, Минюста России, ФСБ России, Минэкономразвития России, ФСКН России от 29 декабря 2005 г. N 39/1070/1021/253/780/353/399.

карточка о результатах рассмотрения дела судом первой инстанции (форма № 6).

Для нас в первую очередь представляет интерес статистическая карточка формы № 1, которая имеет два раздела. Раздел 1 заполняется сотрудниками правоохранительного (правоприменительного) органа по ведению регистрационно-учетной и статистической работы, а раздел 2 — лицом, ведущим расследование уголовного дела или разрешившим материал. Согласно п. 13 Инструкции «статистическая карточка формы № 1 выставляется на каждое преступление (на основе его юридической квалификации по конкретной норме УК РФ), по факту совершения которого независимо от времени его совершения: возбуждено уголовное дело; вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; вынесен обвинительный приговор по делу частного обвинения».

Согласно реквизиту 9 лицо, ведущее расследование уголовного дела, указывает орган и подразделение, по материалам которого возбуждено уголовное дело, в соответствии со справочником № 14. До 9 марта 2022 г. в этом реквизите указывался, как правило, правоохранительный или следственный орган, выявивший данное преступление.

Федеральным законом от 9 марта 2022 г. № 51-ФЗ «О внесении изменений в статьи 140 и 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» введена ч. 1³ ст. 140 УПК РФ, которая предусматривает, что поводом для возбуждения уголовного дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198–199² УК РФ, могут служить только материалы, направленные налоговым органом в соответствии с законодательством о налогах и сборах для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

С принятием нового законодательства органы, осуществляющие ОРД, в определенной степени утратили самостоятельность при выявлении налоговых преступлений, однако обязанности по противодействию налоговой преступности остались прежние, как и ответственность за сокрытие (нерассмотрение) сведений о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 198–199² УК РФ. В связи с этим встал и вопрос об оценке степени участия органа дознания в выявлении конкретного преступления, необходимость и возможность перепроверки выводов налогового органа о содержании, размере и периоде нарушения налогового законодательства. Поэтому в ходе исследования с этим вопросом мы обратились в Следственный комитет Российской Федерации, который в свою очередь запросил мнения на этот счет в своих территориальных подразделениях.

Спрашивали, в частности, о том, как новый порядок возбуждения уголовных дел по статьям 198–199² УК РФ повлиял на определение органа, выявившего

преступление. В ответе Следственного комитета Российской Федерации отмечается, что с учетом положений ч. 1³ ст. 140 УПК РФ в ряде регионов органом, выявившим преступления, предусмотренные статьями 198–199² УК РФ, признаются только налоговые органы (Республики Адыгея, Бурятия, Амурская, Астраханская, Ростовская области и др.). По данным СУ по Ярославской области, в этом случае имеет значение лишь орган, направивший материал в следствие. В некоторых регионах материалы ОРД в составе материалов налоговой проверки вообще не поступали (СУ по Чеченской Республике, Липецкой, Мурманской, Тамбовской областям, Чукотскому автономному округу). В Республиках Дагестан, Саха (Якутия) и Ленинградской области, наоборот, в качестве такого органа, как и раньше, указывается подразделение ЭБиПК.

Вместе с тем в большинстве регионов при участии органа дознания в выявлении обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в статистических карточках на выявленное преступление указывается налоговый орган совместно (как вариант, «при участии») с органом дознания (как вариант, «орган дознания на основании материалов налогового органа»). При этом участие органа дознания в выездной налоговой проверке не всегда является обязательным, оно может заключаться также в предоставлении материалов ОРД налоговому органу или непосредственно в следственный орган.

В СУ по Кабардино-Балкарской Республике орган, выявивший преступление, определяется индивидуально в каждом конкретном случае совместно с прокурором в зависимости от эффективности участия в выявлении преступления.

Был также задан вопрос о том, по каким критериям орган предварительного следствия оценивает участие органа дознания в выявлении налогового преступления.

Следственный комитет Российской Федерации указал, что участие органа дознания в выявлении налогового преступления оценивается по качеству оперативного сопровождения следствия и содержанию предоставленных материалов ОРД, их роли в раскрытии преступления, установлении лиц, причастных к его совершению, формировании доказательственной базы (включая субъективную сторону преступления), обнаружении необходимых документов и имущества в целях обеспечения возмещения ущерба, по наличию в них новых данных, имеющих значение для следствия, которых нет в материалах налогового органа. СУ по Республике Башкортостан отмечает также необходимость непосредственного участия в мероприятиях налогового контроля, проведения документальных исследований совместно собранных материалов.

На вопрос, является ли совместный характер выездной налоговой проверки обязательным условием для органа дознания, выявившего налоговое преступление, получен следующий ответ.

Во многих регионах участие представителей ОВД в выездных налоговых проверках не является обязательным, поскольку в соответствии со ст. 36 НК РФ решение о их целесообразности принимает налоговый орган, даже если преступление изначально было выявлено органом дознания, которым материалы направлены в налоговый орган.

Для признания органа дознания выявившим преступление совместно с налоговым органом материалы оперативно-розыскных мероприятий могут быть предоставлены следствию вместе с материалами налогового органа или в ходе процессуальной проверки без участия в выездной налоговой проверке (СУ по Иркутской, Омской, Смоленской областям). В Пермском крае участие органа дознания в налоговой проверке служит основанием для такого признания лишь при наличии материалов ОРД.

Некоторые следственные органы указали в своих докладных записках обязательность такого участия для целей признания органа дознания выявившим налоговое преступление (СУ по Республике Алтай, Чувашской и Кабардино-Балкарской республикам, Волгоградской, Брянской, Оренбургской, Псковской областям, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре).

Другие отметили, что, несмотря на отсутствие указанной обязанности в законе, органы дознания всегда привлекаются к участию в налоговой проверке в соответствии с имеющимся межведомственным соглашением или сложившейся практикой (СУ по Республике Башкортостан, Белгородской, Ленинградской, Магаданской, Новосибирской, Тюменской областям).

В Забайкальском крае участие органа дознания в налоговой проверке обязательно, если он выявил преступление и направил материалы в налоговый орган.

По поводу того, как оценивается участие органа дознания в выявлении преступления по материалам камеральных проверок (НК РФ не предусмотрено проведение совместных камеральных проверок) и иных мероприятий налогового контроля, получен следующий ответ.

К участию в камеральных налоговых проверках органы дознания могут привлекаться в соответствии с межведомственным соглашением (Нижегородская область). Камеральная проверка может проводиться на основании материалов, предоставленных органом дознания (Республика Северная Осетия — Алания). В ходе камеральных проверок налоговые органы в порядке ст. 82 НК РФ могут направлять в орган

дознания материалы для проведения оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых предоставляются налоговому органу (Астраханская область). Наконец, органы дознания могут проводить оперативно-розыскные мероприятия самостоятельно, параллельно с мероприятиями налогового контроля с последующим предоставлением их в следственный орган для приобщения к материалам, направленным налоговым органом (Алтайский край), или в рамках процессуальной проверки по поручению следователя (Кемеровская, Самарская, Смоленская области).

Критерии оценки участия органа дознания в выявлении преступления по материалам камеральных проверок и иных мероприятий налогового контроля аналогичны изложенным ранее.

Рассмотрим также другие вопросы.

Учитывает ли орган предварительного следствия результаты ОРД, ранее предоставленные в налоговый орган и включенные в материалы налоговой проверки?

При наличии результатов ОРД в поступивших материалах налогового органа они учитываются и оцениваются в совокупности с другими собранными доказательствами.

Имеется ли практика повторного предоставления в орган предварительного следствия результатов оперативно-розыскных мероприятий, ранее предоставленных в налоговый орган? Как правило, практика повторного предоставления в орган предварительного следствия результатов оперативно-розыскных мероприятий, ранее предоставленных в налоговый орган, отсутствует. О ее наличии сообщили только ГСУ по г. Москве, СУ по Кабардино-Балкарской и Чувашской республикам, Ставропольскому краю, Архангельской области и Ненецкому автономному округу, Волгоградской, Воронежской, Омской, Тульской областям.

В СУ по Забайкальскому краю такие материалы при необходимости могут быть дополнительно истребованы. В СУ по Пермскому краю сложилась практика, в соответствии с которой по сообщению о преступлении, предусмотренном ст. 199² УК РФ, справка о расчете размера сокрытого имущества и денежных средств направляется органом дознания в налоговый орган, а затем также в орган предварительного расследования в составе дополнительных материалов ОРД.

Имеется ли практика перепроверки материалов, поступивших из налоговых органов, путем проведения ОРМ до возбуждения уголовного дела?

Перепроверка материалов налоговых органов путем проведения оперативно-розыскных мероприятий осуществляется не во всех регионах. Так, об их обязательном проведении сообщили ГСУ по

Красноярскому краю и Республике Хакасия, СУ по Воронежской и Кировской областям. В ряде регионов такая обязанность отсутствует, но по каждому материалу следователем в орган дознания направляется поручение, в том числе для установления новых и дополнительных обстоятельств, актуализации ранее полученных данных, обнаружения документации и имущества, на которое может быть наложен арест (СУ по республикам Марий Эл, Татарстан, Волгоградской, Ленинградской, Магаданской, Свердловской, Томской областям).

В СУ по Архангельской области и Ненецкому автономному округу такие мероприятия проводятся при поступлении из налогового органа материалов в порядке ст. 82 НК РФ, в СУ по Нижегородской области — при отсутствии расчета суммы ущерба, в СУ по Республике Северная Осетия — Алания и Омской области — при недостаточности данных для возбуждения уголовного дела в целях подтверждения выводов налогового органа, в СУ по Тверской области — при «пограничной» сумме криминального размера ущерба.

Некоторые следственные органы указали, что проведение указанных мероприятий не обязательно, но возможно, в том числе в целях установления умысла на совершение преступления, исследования документов для определения суммы ущерба (ГСУ по Московской области, СУ по Республике Бурятия, Удмуртской Республике, Забайкальскому и Ставропольскому краям, Новосибирской, Челябинской областям и др.).

В связи со сравнительно непродолжительным периодом действия нового правового механизма возбуждения уголовных дел по налоговым преступлениям практика оценки степени участия тех или иных органов в этом процессе окончательно не сформировалась.

Как показывает проведенное исследование, среди правоприменителей сформировалась ошибочная позиция: обязательное наличие материалов налоговых органов при возбуждении уголовного дела равнозначно тому, что налоговый орган самостоятельно выявил налоговое преступление. В результате подобного ложного посыла стало нивелироваться значение результатов ОРД, что отразилось как на статистическом учете, так и на сокращении их использования на этапе возбуждения уголовного дела.

Возбуждение уголовного дела является начальной самостоятельной стадией уголовного процесса, в ходе которой устанавливаются поводы и основа-

ния возбуждения уголовного дела, в том числе достаточность данных, указывающих на признаки конкретного преступления, обстоятельства, включающие возбуждение уголовного дела, а также принимаются меры по предотвращению или пресечению преступления, закреплению его следов, обеспечению последующего предварительного расследования и судебного рассмотрения дел в соответствии с установленной законом подследственностью и подсудностью³.

Между тем в соответствии с налоговым законодательством выявление преступления не отнесено к компетенции налогового органа, его обращение в органы предварительного следствия служит лишь поводом, а не основанием возбуждения уголовного дела.

Основанием для возбуждения уголовного дела, как и ранее, является наличие достаточных данных, указывающих на признаки налогового преступления (ст. 140 УПК РФ).

Основание для возбуждения уголовного дела следует рассматривать в единстве требований уголовного и уголовно-процессуального законов. Для принятия решения о возбуждении уголовного дела необходимо установить общественную опасность и противоправность деяния. В каждом конкретном случае достаточность имеющихся сведений для разрешения вопроса о возбуждении уголовного дела решается следователем по своему внутреннему убеждению, с учетом совокупности всех собранных доказательств.

Основание для возбуждения уголовного дела по смыслу ст. 144 УПК РФ формируется в рамках проверки сообщения о преступлении. Применительно к налоговым преступлениям именно проверка материалов налогового органа, осуществленная в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, формирует основания возбуждения уголовного дела. Такая проверка проводится самостоятельно следователем либо путем проведения ОРМ.

Нормативно закреплено, что именно результаты ОРД могут служить основанием для возбуждения уголовного дела, а также использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств, и в иных случаях, установленных настоящим Федеральным законом⁴. В равной мере источником сведений, формирующих основание для возбуждения

³ По жалобе гражданина Григорянца Рубена Анушавановича на нарушение его конституционных прав положениями частей третьей и четвертой статьи 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2004 г. № 384-О.

⁴ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ.

уголовного дела, могут являться материалы прокурорской проверки⁵.

На основании изложенного можно сделать вывод, что юридически выявить налоговое преступление может только следователь, прокурор, а также орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Только указанные субъекты наделены функцией выявления преступлений и полномочиями на проведение проверочных мероприятий, результаты которых имеют процессуальное значение для формирования оснований возбуждения налоговых преступлений.

Именно такой подход, по нашему мнению, и должен применяться в вопросах статистического учета преступлений рассматриваемой категории.

Это ни в коем случае не снижает значения материалов налоговых органов как информационной основы для проведения ОРМ и процессуальных действий, однако учет роли налоговых органов статистически носит обособленный характер и не связан с понятием органа, выявившего преступление.

Рассматривая нормативную составляющую вопроса, следует отметить, что в период 2014–2022 гг. в справочнике № 14 для заполнения документов первичного учета имелся код «00128 — в т. ч. по материалам органов ФНС России». Данный код использовался только как дополнительный, одновременно с кодами правоохранительных органов. Иными словами, статистически налоговые преступления можно было разделить на выявленные правоохранительными ор-

ганами с использованием материалов налоговых органов или без таковых. При этом код «00128» не мог применяться самостоятельно, т. е. не было возможности указать налоговый орган в качестве самостоятельно выявившего преступление.

С учетом изменения уголовно-процессуального законодательства стало невозможным возбуждение уголовного дела без материалов налоговых органов, поэтому были внесены изменения и в статистический учет. В целях корректировки применения справочника № 14 для заполнения документов первичного учета код «00128» исключен, вместо него введен код «40000 — по материалам налоговых органов». Однако и код «40000» не стал самостоятельным, он, как и ранее, отражает сведения об использовании материалов налоговых органов при выявлении или раскрытии преступления иными службами. Код не используется самостоятельно, а только путем наложения кода службы, выявившей преступление или установившей лицо.

Выявленные исследованием различия правоприменительной практики в указанном вопросе могут быть исключены путем проведения организационных мероприятий, направленных на повышение профессионального уровня правоприменителей, совершенствования алгоритмов межведомственного взаимодействия. Такие задачи могут быть решены, в том числе, за счет разработки совместных методических рекомендаций с участием Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и МВД России.

Список источников

1. Ахмадуллин А. С. К вопросу о совершенствовании учета преступлений и системы оценок эффективности деятельности некоторых правоохранительных органов // Евразийский юридический журнал. 2019. № 11(138).
2. Гирько С. И. Состояние преступности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и проблемы безопасности исправительного учреждения // Научный портал МВД России. 2022. № 1(57).
3. Бачманова М. О. Учет характера и степени общественной опасности совершенного преступления // Успехи современного естествознания. 2011. № 8.
4. Молчанова Т. В. Сравнительные статистические позиции учета лиц, совершающих преступления в сфере экономической деятельности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 4.
5. Конарбаева Н. М. Учет личности виновного при назначении наказания (на примере материалов судебной практики о преступлениях против собственности) // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : мат-лы XII междунар. науч.-практ. конф. М., 2015.
6. Хабибуллин Н. Э. Вопросы индивидуализации мер уголовно-правового характера с учетом личности виновного в преступлении // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2022. № 6-2.
7. Рыжаков А. П., Заливин А. Н. Как противодействовать укрыванию преступлений от учета // Уголовный процесс. 2023. № 3(219).
8. Магомедова А. И. Прокурорский надзор в досудебном производстве по делам о должностных преступлениях, сокрытых от учета // Вестник магистратуры. 2022. № 5-4(128).

⁵ Об организации работы органов прокуратуры Российской Федерации по противодействию преступности : приказ Генерального прокурора РФ от 16 января 2012 г. № 7 // Законность. 2012. № 3.

УДК 343.773

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-14-19

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Хищение лесных насаждений путем рубки

Игорь Владимирович Попов

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права¹,

✉ magistr-igorpopov@rambler.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

В науке уголовного права и судебно-следственной практики разграничение хищений и незаконной рубки лесных насаждений проводится по критерию приложения труда в момент изъятия природного ресурса из естественной среды. Например, как хищение квалифицируется незаконное завладение древесиной, заготовленной другими лицами (п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21). Однако из других положений названного постановления Пленума следует, что такой критерий разграничения не является единственным. Так, из положения п. 15 выводятся такие критерии разграничения, как предназначение земельных участков, предназначение деревьев, кустарников и лиан, подвергшихся преступному воздействию. Автор приходит к выводу, что при таком подходе высшей судебной инстанции правоохранительным органам и суду необходимо в каждом конкретном случае, давая уголовно-правовую оценку совершенному деянию, сверяться с названными критериями.

Ключевые слова: квалификация преступлений, рубка, лесные насаждения, разграничение, экологические преступления, хищение

Для цитирования: Попов И. В. Хищение лесных насаждений путем рубки // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 14–19.

Theft of Forest Plantations by Felling Trees

Igor V. Popov

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the Chair of Criminal Law¹,

✉ magistr-igorpopov@rambler.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

In the science of criminal law and judicial and investigative practice, the distinction between theft and illegal felling of forest plantations is based on the criterion of applied labour at the moment of removal of a natural resource from the natural environment. For example, illegal taking of timber harvested by other persons qualifies as theft (paragraph 21 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 18 October 2012 No. 21). However, as it follows from other provisions of the above Resolution of the Plenum, such a criterion of differentiation is not the only one. Thus, from the provision of para. 15, such criteria of differentiation as the purpose of land plots, the purpose of trees, shrubs and vines, that have been criminally affected, are deduced. The author comes to the conclusion that with such an approach of the highest judicial instance it is necessary for law enforcement agencies and the court in each specific case to give a criminal-legal assessment of the committed act and take into account the named criteria.

Keywords: qualification of crimes, felling, forest plantations, differentiation, environmental crimes, theft

Citation: Popov I. V. Theft of Forest Plantations by Felling Trees. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 14–19 (In Russ.).

Разграничение незаконной рубки лесных насаждений (ст. 260 УК РФ) и хищений представляет определенные сложности, которые порождают различные правовые подходы к квалификации деяний, сходных по фактическим обстоятельствам. Часто правоохранительные органы и суд, затрудняясь в выборе уголовно-правовой нормы, склоняются в пользу квалификации по нормам главы 21 УК РФ — как преступления против собственности.

Так, апелляционным определением Судебной коллегии по уголовным делам Архангельского областного суда от 20 февраля 2020 г.* оставлен без изменения приговор Вельского районного суда Архангельской области от 28 ноября 2019 г. К реальному сроку лишения свободы по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ осужден Ш., который под видом производства мелиоративных работ и расчистки земельного участка сельскохозяйственного назначения, принадлежаще-

* Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

го Российской Федерации и находящегося в аренде у возглавляемого им Общества, осуществил рубку деревьев, завладев древесиной в размере не менее 197 067,57 м³ на сумму 11 308 876 рублей, реализованную впоследствии (дело № 22-194/2020).

В научной литературе существует мнение весьма уважаемых ученых о необходимости отнесения противоправного изъятия (добычи, вылова) природных ресурсов к преступлениям против собственности [1, с. 135; 2, с. 92].

В некоторых странах браконьерское изъятие природных ресурсов из естественной среды всегда считалось посягательством на чужое имущество (имущественное право). Например, в Саксонском зеркале, сборнике германского права XIII в., рубка деревьев или ловля рыбы в чужом водоеме наказывалась штрафом и взыскивался ущерб, причиненный правообладателю [3, с. 651]. Такой подход сохранен и в современном уголовном законодательстве ФРГ, где браконьерство рассматривается в качестве преступления, посягающего на чужое имущество, поскольку параграф 292 УК ФРГ «Браконьерство» и параграф 293 «Браконьерский лов рыбы» содержатся в разделе 25 УК ФРГ «Корыстные преступления». В них установлена ответственность за нарушение чужого права на охоту или лов рыбы, что является традиционным для доктрины уголовного права Германии. Например, как отмечал Франс фон Лист, право на охоту есть исключительное право на присвоение охотничьей дичи. Нарушение права охоты заключается в осуществлении охоты на таких местах, охотиться в которых виновный не управомочен [4, с. 168]. В современной правоприменительной практике Германии рубка, спил, срезание и т. п. лесных насаждений в крупных размерах квалифицируется как кража по § 243 «Особенно серьезный случай кражи» УК ФРГ [5, с. 53].

В отечественном законодательстве наблюдалась подобная картина. В дореволюционный период рубка лесных насаждений квалифицировалась как кража [6, с. 183], а уголовно-правовые нормы, устанавливающие ответственность за совершение этого деяния, находились в отделении втором «О похищении и повреждении чужого леса» главы XIII «О проступках против чужой собственности» Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Статья 154 Устава предусматривала наказание за похищение леса или лесных произведений, уже заготовленных и сложенных, а также из мест складов, устроенных для их хранения [7, с. 370], а ст. 155 Устава — за похищение из леса деревьев, как стоящих на корню, так и буреломных и валежных, или их частей, а также за самовольную порубку в лесах, хотя и без вывоза срубленных деревьев [8, с. 63–65]. Похищение леса или лесных произведений, уже заготовленных и сло-

женных, а также из складов, устроенных для их хранения, подвергало виновного тем же наказаниям, что и за кражу [9, с. 181]. Различие между кражей лесных произведений и самовольной порубкой, которая также являлась разновидностью кражи, проводилось по объекту правонарушения, т. е. смотря по тому, отделены или не отделены они от почвы [6, с. 184].

В советский период лесное браконьерство рассматривалось как хозяйственное преступление, а разграничение с хищениями проводилось по признаку приложения труда в момент изъятия природного ресурса из естественной среды. Например, Ю. И. Ляпунов обращал внимание на тот факт, что для признания предмета преступления имуществом (товаром) он должен, во-первых, овеществлять в себе известное количество общественно необходимого труда и, во-вторых, именно им быть «вырванным», «отделенным», в той или иной форме физически обособленным и выделенным из природной среды материальным объектом [10, с. 10]. Названную точку зрения в течение многих лет последовательно отстаивает Э. Н. Жевлаков, по мнению которого, природный ресурс приобретает экономические свойства имущества в момент вложения труда, т. е. когда природный ресурс извлечен полностью из среды обитания или в иной форме обособлен трудом от окружающей природы [11, с. 8]. При разграничении имущества (товара) и естественного элемента природной среды природный ресурс может быть признан имуществом, товаром (а значит и предметом преступления против собственности) лишь в том случае, когда он, во-первых, овеществляет в себе определенное количество конкретного общественно необходимого труда человека и, во-вторых, извлекается им полностью или иным образом обособляется от окружающей среды. Квалифицировать содеянное в отношении природного ресурса как преступление против собственности (хищение, уничтожение, повреждение) можно лишь, когда он превращен трудом человека в имущество [12, с. 83–84, 90; 13, с. 58]. Применительно к лесному браконьерству Э. Н. Жевлаков, ссылаясь на примечание к ст. 158 УК РФ, замечает, что предметом хищения может быть только чужое имущество. При незаконной рубке лесных и иных насаждений лесной ресурс еще не приобрел товарно-денежной формы и не является имуществом [14, с. 3–9].

Из этого следует, что критерием разграничения экологических и экономических преступлений должен признаваться момент приложения труда человека при изъятии природного ресурса из естественной среды. В случае с незаконной рубкой деревьев и кустарников — это момент отделения от корней.

В пункте 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об от-

ветственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» этот вывод находит свое подтверждение: «Незаконное завладение древесиной, заготовленной другими лицами, квалифицируется как хищение чужого имущества».

Однако из других положений названного постановления Пленума такой вывод с однозначностью не вытекает. Так, в п. 15 постановления Пленум Верховного Суда указал, что не относятся к предмету экологических преступлений деревья и кустарники, а являются предметом преступления против собственности, в частности речь идет о произрастающих (перечень не закрыт, и в каждом конкретном случае правоохранительным органам и суду следует сверяться с обозначенной позицией высшей судебной инстанции):

- на приусадебных земельных участках;
- на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства;
- на участках, предназначенных для садоводства, животноводства и огородничества, в лесных питомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, если иное не предусмотрено специальными нормативными правовыми актами.

Таким образом, высшая судебная инстанция предлагает квалифицировать как преступление против собственности рубку деревьев и кустарников, стоящих на корню, независимо от их назначения.

Можно предположить, что Верховный Суд РФ исходит из следующих соображений: если земельный участок не находится в публичной собственности (государственной или муниципальной), то все деяния в отношении растительности на таком участке будут преступлением против собственности. Однако, такая догадка не находит своего подтверждения. Например, земельные участки для садоводства и огородничества могут находиться как в частной, так и в государственной или муниципальной собственности. Согласно п. 2 ч. 5 ст. 4.1 Федерального закона от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в границы территории садоводства или огородничества, помимо садовых или огородных земельных участков, находящихся в частной собственности, включаются земли и (или) земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности. Лесные плантации (питомники), согласно ст. 42 Лесного кодекса Российской Федерации (далее — ЛК РФ), на которых выращиваются лесные насаждения определенных пород (целевые породы), могут создаваться как на землях лесного фонда, ко-

торые в силу положений ст. 8 ЛК РФ всегда являются федеральной собственностью, так и на землях иных категорий. Поэтому такое предположение не находит подтверждения.

Н. А. Лопашенко также отмечает, что в уголовно-правовой науке при разграничении экологических преступлений и преступлений против собственности руководствуются признаком овеществленного труда, но более широко рассматривает критерии приложения труда к имуществу, которые в трех возможных ситуациях делают имущество предметом хищения:

1) когда труд приложен к нему для извлечения (отделения) от природной среды одними людьми, а завладение этим извлеченным из естественного состояния имуществом производится уже другими людьми без согласия первых (сам труд здесь состоял в выводе, вычленении природных богатств из естественной среды);

2) труд приложен людьми для обеспечения в отношении имущества состояния естественной среды (например, в высадке специально приобретенной рассады лесных или других растений и уходе за ней), т. е. имущество находится в естественном состоянии или в состоянии, приближенном к нему, однако это состояние создано или поддерживается специально предпринятыми усилиями, которые имеют денежную оценку и свидетельствуют о вовлечении имущества в товарооборот;

3) природные богатства остаются в нетронutom естественном состоянии, однако уже предприняты шаги к тому, чтобы состоялся будущий товарооборот. В них вложен человеческий труд, иногда — вместе с ним — и немалые иные материальные затраты, которые дают основание рассматривать эти природные богатства как предмет хищения (например, обмеривание и межевание земельного участка, выставляемого на продажу).

Н. А. Лопашенко подчеркивает, что труд этот должен быть направлен именно на введение природных богатств в товарооборот, на превращение их в имущество [15].

Даже в таком широком понимании критерия приложения труда сложно обосновать вариант выбора уголовно-правовой нормы Верховным Судом РФ, который предлагает квалифицировать как преступление против собственности валку любых деревьев на перечисленных земельных участках. Вполне допустима история, когда на них присутствуют деревья и кустарники, к появлению которых человек не имеет никакого отношения, выросшие, например, вследствие самосева или в результате перевода в ИЖС земельного участка из земель лесного фонда, на котором царствует дикая природа, и правообладатель не намерен вводить их в товарооборот, а пользуется ими в целях рекреации.

Критерием для разграничения экологических и экономических преступлений также следует называть *предназначение земельного участка*, на котором произрастают лесные насаждения. Исходя из обозначенной выше позиции Верховного Суда РФ, по нормам главы 21 УК РФ как хищение подлежит уголовно-правовой оценке рубка деревьев и кустарников, произрастающих на приусадебных, личных подсобных, дачных земельных участках, земельных участках, используемых для садоводства, животноводства, огородничества, размещения ИЖС, гаражей, даже если эти насаждения не используются для выращивания сельскохозяйственной продукции.

Относительно совершения преступления в лесных питомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, полагаем, что преступлением против собственности будет совершение преступления только в отношении выращиваемых сельскохозяйственных культур. Иные деревья и кустарники, например, ограждающие границы земельного участка, должны быть отнесены к предмету преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, поскольку они выполняют экологические функции. В связи с этим критерием разграничения можно называть *предназначение деревьев и кустарников*.

Такой подход применяется Верховным Судом РФ к рубке деревьев и кустарников на землях сельскохозяйственного назначения. Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 38 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам, абз. 2 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» изложен в новой редакции, согласно которой к предмету преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, нельзя относить деревья, кустарники и лианы, произрастающие на землях сельскохозяйственного назначения, *используемых для ведения сельскохозяйственного производства и связанных с ним целей* (за исключением мелиоративных защитных лесных насаждений). Тем самым из предмета преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ, исключены только насаждения, используемые для выращивания сельскохозяйственной продукции (например, фруктовые деревья или плодовые кустарники). Рубка или повреждение *иных* насаждений, произрастающих на землях сельскохозяйственного назначения, должна влечь уголовную ответственность по нормам ст. 260 УК РФ.

В связи с этим, возвращаясь к примеру из судебной практики, приведенному нами в начале статьи, следует отметить, что поскольку срубленные на землях сельскохозяйственного назначения дере-

вья и кустарники не относились к культурам, выращиваемым для ведения сельского хозяйства, то такое деяние подлежало уголовно-правовой оценке по нормам ст. 260 УК РФ как экологическое преступление. В подтверждение этого подхода замечу, что определением Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 6 октября 2020 г. судебные акты нижестоящих инстанций были отменены, а уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение со стадии разбирательства в районном суде. В числе прочих в определении названо следующее основание для отмены приговора: «Произрастающие самостоятельно лесные насаждения обладают всеми свойствами природного объекта и не являются предметом хищения. Критерием разграничения предмета преступлений против собственности и предмета экологических преступлений является меновая стоимость имущества, созданная общественно необходимым трудом и образующая цену товара. Природные объекты, не созданные трудом человека, не могут являться предметом хищения» [16, с. 22–23].

Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 15 декабря 2022 г. № 38 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» уточнена квалификация рубки лесных насаждений, назначенных для рубки лицом, у которого отсутствуют на это права. Так, указанным постановлением изменен абз. 2 п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», который изложен в следующей редакции: «Также не относятся к предмету преступлений, предусмотренных статьями 260 и 261 УК РФ, лесные насаждения, определенные для рубки в соответствии с договором купли-продажи лесных насаждений, договором аренды лесного участка, проектом освоения лесов, *если их рубка произведена лицом, у которого отсутствуют необходимые для этого документы*. Рубка указанных насаждений, а равно их уничтожение или повреждение, при наличии к тому предусмотренных законом оснований могут быть квалифицированы как хищение либо уничтожение или повреждение чужого имущества».

Следует отметить, что обозначенный вариант квалификации ранее встречался в научной литературе. Так, в одной из своих работ В. Н. Винокуров отмечает: «Выдав лицензию на вырубку леса, государство не охраняет его как объект экологии, его ценность определяется уже не способностью производить кислород, укреплять почву от эрозии, удерживать в ней влагу и т. д., а стоимостью произрастающей на нем древесины, и виновный причиняет вред не экологии, а имущественный ущерб арендатору, и его действия

следует рассматривать как хищение... Посягательство на природные объекты или ресурсы, находящиеся в естественном состоянии, когда государство отказалось от их охраны (вследствие чего они становятся объектами товарно-денежных отношений) и причинение имущественного ущерба их владельцу следует квалифицировать как преступление против собственности» [17, с. 176–177].

Мы не будем вдаваться в критику такого подхода и задаваться вопросами, насколько подобное деяние соответствует понятию хищения, сформулированному в п. 1 примечания к ст. 158 УК РФ, кому причиняется ущерб в результате совершения такого преступления и т. д., поскольку в сложившихся условиях считаем это контрпродуктивным. Необходимо добиваться единообразия в применении уголовного закона, чтобы сходные по своим фактическим обстоятельствам деяния квалифицировались одинаково.

Правомерность осуществления названных действий определяется нормами Лесного кодекса РФ, правилами заготовки древесины, утвержденными приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 1 декабря 2020 г. № 993 «Об утверждении Правил заготовки древесины и особенностей заготовки древесины в лесничествах, указанных в статье 23 Лесного кодекса Российской Федерации», приказом Министерства природных ресурсов и экологии РФ от 16 ноября 2021 г. № 864, утвердившим состав проекта освоения лесов, порядок его разработки и внесения в него изменений.

В случае рубки лесных насаждений с нарушением норм, регламентирующих порядок осуществления этих действий лицом, не имеющим права осуществлять валку деревьев и кустарников, то такое деяние должно быть квалифицировано не как хищение, а как экологическое преступление (ст. 260 УК РФ).

В некоторых случаях вполне возможна квалификация по совокупности преступлений. Например, в п. 12 Правил № 993 установлен прямой запрет рубки и повреждения деревьев, не предназначенных для рубки и подлежащих сохранению, в том числе источников обсеменения и плюсовых деревьев. В пунктах 13–16 Правил № 993 содержатся ограни-

чения по видам (породам) деревьев и кустарников, заготовка которых не допускается. В приказе Федерального агентства лесного хозяйства от 5 декабря 2011 г. № 513 перечислены виды (породы) деревьев и кустарников (среди них: абрикос, береза карельская, вишня, груша, дуб курчавый, пихта грациозная, сосна пицундская, яблоня, ясень шерстистый, ясень Зибольда и т. п., всего 50 пород деревьев и 6 пород кустарников). Если преступник вместо правообладателя, помимо деревьев, назначенных в рубку, осуществил валку иных деревьев, то в этом случае деяние подлежит квалификации по совокупности ст. 260 УК РФ (при наличии признаков состава преступления) и статьи, содержащейся в главе 21 УК РФ (в зависимости от способа хищения).

Подводя итог сказанному, следует отметить: по общему правилу, незаконная рубка лесных насаждений должна квалифицироваться по нормам ст. 260 УК РФ. С учетом позиции Верховного Суда РФ, изложенной в п. 15 постановления Пленума от 18 октября 2012 г. № 21, как хищение должна быть оценена валка деревьев, кустарников и лиан:

— произрастающих на приусадебных земельных участках; на земельных участках, предоставленных для индивидуального жилищного, гаражного строительства, ведения личного подсобного и дачного хозяйства, садоводства, животноводства и огородничества, в лесных питомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур;

— при совершении преступления в лесных питомниках, питомниках плодовых, ягодных, декоративных и иных культур, на землях сельскохозяйственного назначения преступлением против собственности будет совершение преступления в отношении выращиваемых сельскохозяйственных культур. Иные деревья и кустарники, например, ограждающие границы таких земельных участков или выполняющие мелиоративную защиту лесных насаждений на землях сельхозназначения, другие экологические функции, должны быть отнесены к предмету преступления, предусмотренного ст. 260 УК РФ;

— произведенная лицом, не имеющим на это законного права.

Список источников

1. Козаченко И. Я., Шарапов Р. Д. Международные стандарты экологической безопасности на региональном и национальном уровнях // Экология и уголовное право: поиск гармонии : мат-лы междунар. науч.-практ. конф., посвященной подготовке XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Геленджик, 6–9 октября 2011 г.) / под ред. В. П. Коняхина, М. Л. Прохоровой. Краснодар, 2011.
2. Дмитриев О. В. Экономическая преступность и противодействие ей в условиях рыночной системы хозяйствования / отв. ред. М. П. Клейменов. М., 2005.
3. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран : в 2 т. / отв. ред. Н. А. Крашенинникова. Т. 1 : Древний мир и Средние века / составители О. Л. Лысенко, Е. Н. Трикоз. М., 2007.

4. *Франц фон Лист*. Учебник уголовного права. Особенная часть / Разрешенный автором перевод с 12 и 13 переработанного издания Ф. Ельяшевичем. М., 1905.
5. *Арзамасов В. Ю.* Уголовная ответственность за нарушение лесного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023.
6. *Белогриц-Котляревский Л.* Особые виды воровства-кражи по русскому праву. Киев, 1883.
7. *Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями*. С приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Правительствующего Сената. Издан. Н. С. Таганцевым. Издание 22-е, дополненное. Петроград, 1914.
8. *Судебные уставы от 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны*, изданные Государственною канцеляриею. Второе дополнительное издание. Часть четвертая. СПб., 1866.
9. *Набоков В. Д.* Элементарный учебник русского уголовного права. Особенная часть. СПб., 1903. Вып. 1, кн. I и II.
10. *Ляпунов Ю.* Соотношение экологических и смежных составов преступлений // Сов. юстиция. 1984. № 11.
11. *Жевлаков Э.* Отграничение хищения от браконьерства // Сов. юстиция. 1982. № 3.
12. *Жевлаков Э. Н.* Уголовное природоохрнительное право России : монография. М., 2020.
13. *Жевлаков Э. Н.* О разграничении экономических и экологических преступлений: теория, законодательство, практика // Уголовное право. 2017. № 2.
14. *Жевлаков Э. Н.* Аксиология понятия «валежник» и правовая оценка завладения им // Уголовное право. 2022. № 10.
15. *Лопашенко Н. А.* Посягательства на собственность : монография. М., 2012.
16. *Косых В. А.* Незаконный оборот леса и лесоматериалов в Российской Федерации: сущность, детерминация, проблемы противодействия : дис. ... канд. юрид. наук. СПб, 2022.
17. *Винокуров В. Н.* Объект преступления: аспекты понимания, способы установления и применение уголовного закона : монография. М., 2012.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-20-24

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Многозначность термина «задержание» по российскому законодательству

Даниил Александрович Шайденко

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ daniil-shaydenko@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

С учетом комплексного подхода к рассмотрению задержания выделяются два варианта понимания его сущности: задержание как решение компетентного органа о содержании лица в специализированном помещении до судебного решения (арест) и задержание как любое внесудебное ограничение свободы. На основе этих подходов делается вывод, что задержание подозреваемого, задержание осужденного и административное задержание представляют собой кратковременный арест. В свою очередь Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции» предусматривает задержание как действие по фактическому ограничению свободы, включая захват и доставление, во исполнение ранее принятого компетентным органом решения о кратковременном лишении свободы. Однако существуют и самостоятельные виды задержания, в которых полиция сама уполномочена принимать вышеуказанное решение.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, полицейское задержание, ограничение свободы, административное задержание, лишение свободы

Для цитирования: Шайденко Д. А. Многозначность термина «задержание» по российскому законодательству // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 20–24.

Polysemy of the term «detention» according to the Russian legislation

Daniil A. Shaidenko

post-graduate student of the Post-Graduate Courses¹,

✉ daniil-shaydenko@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Taking into account a comprehensive approach to the consideration of detention, two variants of understanding its essence are distinguished: detention as a decision of the competent authority to detain a person in a specialized facility pending a court decision (arrest) and detention as any extrajudicial restriction of liberty. Based on these approaches, it is concluded that detention of a suspect, detention of a convicted person and administrative detention constitute a short-term arrest. In turn, Federal Law No. 3 of 7 February 2011 «On Police» provides for detention as an action of restriction of liberty de facto, including seizure and delivery, pursuant to an earlier decision of the competent authority on short-term deprivation of liberty. However, there are also independent types of detention in which the police themselves are authorized to take the above decision.

Keywords: detention of a suspect, police detention, restriction of liberty, administrative detention, deprivation of liberty

---

Citation: Shaidenko D. A. Polysemy of the term «detention» according to the Russian legislation *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 20–24 (In Russ.).

Межотраслевой и многоаспектный характер задержания побуждает использовать комплексный подход к его исследованию, так как рассмотрение каждого вида задержания отдельно не приводит к единому и однозначному пониманию этой меры принуждения. В свою очередь объединяющей сущностной характеристикой для всех видов задержания является кратковременное лишение свободы.

В одном из своих определений Конституционный Суд РФ выразил правовую позицию, в соответствии с которой понятие «лишение свободы» в его конституционно-правовом смысле имеет автономное значение, заключающееся в том, что любые вводимые в отраслевом законодательстве меры, если они фактически влекут лишение свободы, должны отвечать критериям правомерности именно в контексте

ст. 22 Конституции Российской Федерации и ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, составляющих нормативную основу регулирования ареста, задержания, заключения под стражу и содержания под стражей в сфере преследования за совершение уголовных и административных правонарушений в качестве мер допустимого лишения свободы¹. Кроме того, Конституционный Суд РФ обозначил, что закрепленное в Конституции Российской Федерации понятие «задержание» носит общий характер, т. е. охватывает не только задержание лица за виновные противоправные действия в рамках уголовно-процессуального или административного законодательства, но и иные виды задержания².

Исходя из этих решений можно сделать вывод, что задержание является правовой категорией, т. е. наиболее общим, фундаментальным правовым понятием, объединяющим внесудебное лишение свободы, применяемое государством. Однако вынуждены констатировать, что такой универсальный подход Конституционного Суда РФ в отраслевом законодательстве в полной мере не реализован. Это общее правило применимо и хорошо работает в части единого 48-часового срока всякого внесудебного лишения свободы, но этим элементом не исчерпывается внутреннее содержание представленных в российском законодательстве видов задержания.

Термин «задержание» не обладает однородностью и понимается по-разному. Это зависит от того, входит ли в объем понятия фактический (физический) захват и доставление либо оно представляет решение уполномоченного органа о помещении лица в специализированное помещение до судебного решения (внесудебный кратковременный арест).

В связи с этим можно выделить два подхода к сущности задержания:

- 1) кратковременный арест;
- 2) любое ограничение физической свободы лица без судебного решения.

Административное задержание сконструировано в соответствии с первым подходом. Такой вывод возможен благодаря наличию в КоАП РФ такой обеспечительной меры, как доставление (ст. 27.2 КоАП РФ), которая поглощает физический захват и препровождение лица. К тому же срок административного задержания исчисляется с момента доставления, что несколько отличается от других его видов.

Намного сложнее дела обстоят с уголовно-процессуальным задержанием. Попытки ввести в уголовный процесс учет времени любого ограничения личной неприкосновенности привели к тому, что мы имеем, по сути, два разных задержания в уголовном процессе: собственно задержание подозреваемого и фактическое задержание.

Следователь, дознаватель, орган дознания — в качестве субъектов задержания подозреваемого, проверка законности и обоснованности задержания в судебном заседании о рассмотрении ходатайства о заключении под стражу позволяют сказать, что сущность уголовно-процессуального задержания выражена в соответствии с первым подходом. Задержание, предусмотренное гл. 12 УПК РФ, — процессуальное решение о кратковременном лишении свободы путем помещения лица в ИВС.

Началом исчисления срока задержания подозреваемого является момент фактического задержания, который в п. 15 ст. 5 УПК РФ определяется как момент ограничения свободы передвижения, производимого в порядке УПК РФ. По мнению В. Н. Григорьева, в законе установлено, что момент фактического задержания наступает в момент составления протокола задержания, который ознаменует, означает и влечет лишение лица свободы. Предшествующее этому лишение лица свободы, обозначаемое обычно такими терминами, как «захват», «доставление», «разбирательство», производится не «в порядке, установленном настоящим Кодексом», поэтому не охватывается употребленной в УПК РФ категорией фактического задержания [1, с. 52]. Действительно, УПК РФ не регламентирует ограничение свободы в рамках фактического захвата и доставления, эти действия остаются за пределами уголовного процесса, за исключением случаев задержания по поручению следователя, дознавателя. Необходимо оговориться, что такой взгляд мы признаем объективным и считаем соответствующим букве закона, однако в рамках данной статьи хотелось бы посмотреть на фактическое задержание через призму закладываемого в него изначально смысла.

В ходе проведения Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству круглого стола на тему «Уголовно-процессуальный кодекс РФ: 20 лет со дня введения в действие» сенатор Совета Федерации Е. Б. Мизулина, которая являлась главой рабочей

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Ветлицкой Светланы Васильевны на нарушение ее конституционных прав частью 3 статьи 27.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях : определение Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2015 г. № 2738-О. Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² По жалобе гражданки Хорошавцевой Надежды Николаевны на нарушение ее конституционных прав рядом положений Закона Российской Федерации «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» и Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 г. № 544-О-П.

группы по подготовке УПК РФ, отметила, что в момент фактического задержания изначально закладывался именно момент фактического ограничения свободы (момент захвата).

Как справедливо отмечает Н. В. Азарёнок, фактическое задержание, т. е. реальная поимка лица, производится, как правило, еще до уголовного процесса, поскольку его осуществляют очевидцы, участковые уполномоченные полиции, сотрудники патрульно-постовой службы полиции, оперативные работники и др. [2, с. 8]. Фактическое задержание содержательно относится ко второму подходу. Его сущность выражается в действиях, направленных на физический захват и препровождение лица в правоохранительный орган. Причем не обязательно фактическое задержание перерастает в уголовно-процессуальное. В силу различных обстоятельств, фактических и юридических ошибок сотрудников уголовно-процессуальные отношения могут вовсе не возникнуть, хотя фактическое ограничение свободы имело место.

В пункте 1 ч. 2 ст. 14 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее — Закон «О полиции») указано, что полиция вправе задерживать лиц, подозреваемых в совершении преступления, а также лиц, в отношении которых избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, — по основаниям, в порядке и на срок, которые предусмотрены уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. В то же время п. 9 ч. 1 ст. 12 Закона «О полиции» вменяет в обязанность полиции исполнение поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания о задержании лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Нет предпосылок к тому, чтобы считать это задержание самостоятельным и отождествлять его с фактическим задержанием из УПК РФ. Задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, в том виде, в каком оно изложено в Законе «О полиции», в отрыве от УПК РФ применяться не может.

Думается, что данное задержание сконструировано по советской, более удачной модели фактического задержания, которое являлось обеспечительным, «силовым» этапом уголовно-процессуального задержания и предполагало захват и доставку: следователь принял решение о задержании, милиция произвела захват лица и доставила к следователю. Впрочем, описанная ситуация возможна и сейчас, учитывая полномочие следователя давать поручение органу дознания о задержании (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Как ни странно, нынешнее фактическое задержание, предусмотренное УПК РФ, не урегулировано и в Законе «О полиции». В то же время в действующей формулировке оно не способно полноценно

войти в содержание уголовно-процессуального задержания, так как имеет другую сущность и неопределенную правовую природу.

В итоге мы имеем то, что задержание подозреваемого как мера процессуального принуждения отягощено фактическим задержанием, введенным ради учета времени ограничения личной неприкосновенности. В конечном счете это создает путаницу и в теории, и на практике.

Согласимся с профессорами Б. Б. Булатовым и В. В. Кальницким, что от дополнительной нагрузки задержание должно быть освобождено, поскольку несвойственные ему функции искажают правовую сущность данной меры процессуального принуждения и нередко делают ее неэффективной [3, с. 9]. Очевидно, что непроцессуальное ограничение свободы должно быть учтено и сведено к минимуму. Тем не менее фактический захват и доставление к сущности уголовно-процессуального задержания не относятся.

Как один из возможных вариантов решения данной проблемы заслуживает внимания предложение А. В. Куликова и Г. А. Чобанова о дополнении ст. 38 УК РФ примечанием в следующей редакции:

«Примечание 1. Под понятием „задержание лица, совершившего преступление“ следует понимать фактическое задержание лица, заподозренного в совершении общественно опасного деяния, запрещенного настоящим Кодексом под угрозой наказания, для доставления в правоохранительный орган и принятия решения об уголовно-процессуальном задержании либо об освобождении» [4, с. 31]. Вводя это положение в качестве уголовно-правового понятия «задержание», авторы выносят фактическое задержание за процессуальные рамки, что представляется разумным. Однако ст. 38 УК РФ распространяется на всех граждан, а в контексте учета времени ограничения физической свободы речь нужно вести о задержании как о мере принуждения, применяемой прежде всего государственными органами.

В уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрено задержание осужденного за уклонение от ряда видов наказания, а также за иные действия, связанные со злостным уклонением от исполнения приговора. Срок такого задержания составляет 48 часов с возможностью его продления судом до 30 суток. Цели задержания осужденного: пресечь его уклонение от отбывания наказания и обеспечить его участие в судебном заседании при рассмотрении вопроса о замене назначенного наказания более строгим [5, с. 50]. Сущность этого вида задержания соответствует первому подходу. Это все то же кратковременное лишение свободы лица до судебного заседания, но со своей спецификой. Из анализа положений УИК РФ можно сделать вывод, что субъект

такого задержания — органы внутренних дел. Фактический захват и доставление входят в содержание уголовно-исполнительного задержания. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 14 Закона «О полиции» данный орган вправе задерживать лиц, совершивших побег из-под стражи, лиц, уклоняющихся от отбывания уголовного наказания, от получения предписания о направлении к месту отбывания наказания либо не прибывших к месту отбывания наказания в установленный в указанном предписании срок, до передачи этих лиц соответствующим органам, учреждениям или должностным лицам этих органов и учреждений. Что касается исчисления срока, оно должно осуществляться с момента фактического ограничения свободы, так как задержание осужденного возможно только после объявления его в розыск уполномоченным органом уголовно-исполнительной системы, то есть в рамках уголовно-исполнительных правоотношений.

Хотелось бы обратить более пристальное внимание на ранее упомянутое задержание, предусмотренное Законом «О полиции». Оно неоднородно по своей правовой природе. Например, при административном задержании (п. 5 ч. 2 ст. 14) и задержании лиц, незаконно проникших либо пытавшихся проникнуть на охраняемые объекты (п. 10 ч. 2 ст. 14), полиция сама уполномочена принимать решение о кратковременном лишении свободы. В других случаях данное задержание имеет утилитарный, сугубо исполнительный характер. Верно отмечает С. И. Вершинина, что, перечисляя случаи применяемого полицией задержания, законодатель фокусирует свое внимание на исполнении уже принятых правоприменительных актов и закрепляет полномочия полиции по задержанию (захвату) и доставлению лиц, в отношении которых уже осуществляется уголовное или административное производство [6, с. 761]. Однако, как представляется, эта позиция применима не ко всем пунктам ч. 2 ст. 14 Закона «О полиции». В связи с этим можно согласиться с В. Н. Авдеевым и А. С. Каманициным, которые обозначили, что Закон «О полиции» содержит ссылки на возможность задержания лиц в соответствии с другими федеральными законами, а также предусматривает иные виды задержания, определяя цель, порядок и сроки их осуществления [7, с. 27].

Если же правоприменительного акта еще нет, то речь идет о доставлении лиц в компетентные органы, где в последующем будет осуществлено отраслевое кратковременное лишение свободы (уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное задержание). Так, согласно п. 13 ч. 1 ст. 13 Закона «О полиции» указанный орган вправе доставлять граждан,

т. е. осуществлять их принудительное препровождение в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса о задержании гражданина (при невозможности решения данного вопроса на месте).

Кроме того, в ч. 4 ст. 14 Закона «О полиции» сказано, что срок задержания исчисляется с момента фактического ограничения свободы передвижения. Это корректно в контексте исполнительного характера, когда задержание осуществляется по поручению или уже в рамках возникших отраслевых правоотношений.

В уголовном законе есть состав преступления, предусмотренный ст. 301 УК РФ: незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20 под заведомо незаконным задержанием, ответственность за которое предусмотрена ч. 1 ст. 301 УК РФ, следует понимать совершение дознавателем, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, следователем, руководителем следственного органа или по их поручению иным должностным лицом умышленных действий, направленных на незаконное применение меры процессуального принуждения в виде задержания подозреваемого при отсутствии предусмотренных ст. 91 УПК РФ оснований и обязательных условий, либо бездействие, выражающееся в умышленном непринятии уполномоченным должностным лицом установленных законом мер к освобождению лица, задержанного по подозрению в совершении преступления³. Данное разъяснение выступает дополнительным аргументом в пользу понимания сущности задержания подозреваемого как внесудебного кратковременного ареста (первый подход). К тому же в п. 3 данного постановления в качестве незаконного задержания названы действия, совершаемые при отсутствии вынесенного постановления о возбуждении уголовного дела. Это дополнительно лишает нас возможности считать фактическое задержание (в том виде, в каком оно задумывалось) уголовно-процессуальным.

Согласно позиции Верховного Суда РФ не охраняются данной статьей отношения, порождаемые непроцессуальным, фактическим задержанием, что логично, так как речь идет о мере процессуального принуждения. Спорным является вопрос о причинении вреда свободе личности путем продления задержания, а также применения уголовно-исполнительного задержания. Данные случаи необходимо урегулировать в ст. 301 УК РФ, учитывая, что гл. 31 УК РФ

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2022 г. № 20.

касается в том числе стадии исполнения приговора [8, с. 198].

Категория «задержание» в российском законодательстве неоднозначна и далеко не всегда ее содержание очевидно. Мы придерживаемся позиции, что сущность ключевых видов задержания соответствует первому предложенному подходу и выражается в принятии решения о кратковременном лишении свободы, а средством силовой реализации этих решений выступает задержание, предусмотренное Законом «О полиции». Считаем принципиальной

необходимость отказа от обременения уголовно-процессуального задержания захватом и препровождением. Представляются разумными предложения правоведов о наименовании задержания подозреваемого «предварительным арестом», «кратковременным арестом» [9, с. 298; 10, с. 21]. Тем не менее для гражданина, независимо от того, в рамках какого законодательства он задерживается, имеет место ограничение его личной свободы. Поэтому фактический захват и доставление требуют самостоятельного регулирования.

Список источников

1. Григорьев В. Н. Реперные точки в понятиях о фактическом задержании подозреваемого // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 4(56).
2. Азарёнок Н. В. Оптимизация института задержания подозреваемого в российском уголовном процессе с позиции баланса публичного и частного интересов // Российский следователь. 2023. № 6.
3. Булатов Б. Б., Кальницкий В. В. Фактическое задержание как уголовно-процессуальное понятие // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 1(88).
4. Куликов А. В., Чобанов Г. А. К вопросу разграничения понятий уголовно-правового и уголовно-процессуального задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 3.
5. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Проблемы согласования (преодоления конкуренции) норм УПК РФ и УИК РФ // Российская юстиция. 2014. № 12.
6. Вершинина С. И. К вопросу о легализации фактического (полицейского) задержания лиц, застигнутых на месте совершения преступления // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9, № 4.
7. Авдеев В. Н., Каманицин А. С. Полицейское задержание: к вопросу о необходимости формирования понятия // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3(29).
8. Борков В. Н., Булатов Б. Б. Уголовно-правовая охрана свободы личности подозреваемого, обвиняемого и осужденного // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472.
9. Мирский Д. Я. Правовая природа задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Труды Иркутского университета. Серия юрид. Т. 45. Вып. 8. Ч. 4 : Вопросы борьбы с преступностью по советскому законодательству. Иркутск, 1969.
10. Смирнов П. А. Подозреваемый в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003.

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-25-30

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Особенности производства осмотра, обыска и выемки при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства

Анастасия Анатольевна Бондарева

адъюнкт адъюнктуры¹,

✉ anastasiya.bondareva2906@gmail.com

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Рассмотрены особенности производства осмотра, обыска и выемки в процессе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства на примере ст. ст. 322¹, 322², 322³ УК РФ. На основании анализа эмпирических данных, полученных в результате изучения следственной практики, автором предложен перечень типичных мест производства осмотра, обыска, выемки. Определен также перечень типичных предметов и документов, подлежащих осмотру. Сформулированы рекомендации, направленные на повышение результативности производства названных следственных действий при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства.

Ключевые слова: преступление, миграционное законодательство, следственные действия, осмотр, место происшествия, обыск, выемка, мигрант

Для цитирования: Бондарева А. А. Особенности производства осмотра, обыска и выемки при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 25–30.

Specifics of Observation, Search and Seizure in the Investigation of Criminal Violations of Migration Laws

Anastasia A. Bondareva

post-graduate student of the Post-Graduate Courses¹,

✉ anastasiya.bondareva2906@gmail.com

¹ the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

Under consideration are the peculiarities of observation, search and seizure during investigation of criminal violations of migration laws on the example of articles Art. 322¹, 322², 322³ of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the empirical data obtained from the study of investigative practice, the author proposes a list of typical scenes of observation, search and seizure. The list of typical items and documents subject to search is also defined. Recommendations aimed at improving the effectiveness of the above investigative actions during the investigation of criminal violations of migration laws are formulated.

Keywords: crime, migration laws, investigative actions, observation, crime scenes, search, seizure, migrant

Citation: Bondareva A. A. Specifics of Observation, Search and Seizure in the Investigation of Criminal Violations of Migration Laws. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 25–30 (In Russ.).

Особое значение для расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства имеет производство невербальных следственных действий, таких как осмотр (осмотр места происшествия, осмотр жилища, осмотр предметов и документов), обыск и выемка, поскольку в ходе проведения данных следственных действий собирается большой объем информации, имеющей доказательственное значение.

Осмотр места происшествия является одним из высокоинформативных следственных действий, позволяющих получить информацию, имеющую дока-

зательственное значение, путем обследования обстановки в целях установления обстоятельств, характера и участников расследуемого события [1, с. 132]. Основные задачи проведения осмотра места происшествия состоят в фиксации обстановки произошедшего криминального факта, выявлении следов преступной деятельности, позволяющих воссоздать событие. Данное следственное действие является неотложным, что предопределяет его наделение такими признаками, как: безотлагательность, незаменимость и неповторимость [2, с. 320]. Для недопущения утраты следов на месте совершения преступления

осмотр места происшествия необходимо проводить незамедлительно.

В результате обобщения сведений, содержащихся в уголовных делах о преступлениях в сфере нарушения миграционного законодательства¹, было установлено, что осмотр места происшествия проводился в 11% случаев в процессе расследования преступлений, предусмотренных ст. 322¹ УК РФ, и в 100% случаев — по ст. 322² УК РФ и ст. 322³ УК РФ.

При установлении фактов организации незаконной миграции (ст. 322¹ УК РФ) подлежат осмотру места происшествия:

- помещения, в которых осуществлялась незаконная деятельность по изготовлению поддельных документов, необходимых для въезда мигрантов на территорию Российской Федерации, их пребывания (проживания) в стране;
- помещения организаций, предприятий, где мигрантами осуществлялась трудовая деятельность;
- нежилые помещения, в которых созданы условия для незаконного проживания мигрантов (вагон-бытовка, гараж и т. д.);
- помещения территориальных подразделений по вопросам миграции;
- транспортные средства, с помощью которых осуществлялся незаконный въезд мигрантов на территорию России.

В случае выявления фактов фиктивной регистрации мигрантов в жилом помещении, их фиктивной постановки на учет по месту пребывания (ст. ст. 322², 322³ УК РФ) необходимо произвести осмотр места происшествия в помещении территориальных подразделений по вопросам миграции, так как местом совершения преступлений указанной категории являются помещения должностных лиц, уполномоченных осуществлять миграционный учет.

Значимо то, что осмотр места происшествия состоит в визуальном обследовании окружающей обстановки, одной из задач которого является обнаружение следов преступления, их взаиморасположения, что позволяет получить информацию о способах, средствах совершения преступлений, присутствии и действиях определенных лиц. Мы согласны с мнением А. В. Варданяна, О. В. Мельниковой о том, что «не всегда субъекты осмотра четко представляют себе отличия осмотра от обыска и при производстве осмотра допускают действия активного поискового характера» [3, с. 19]. Так, встречаются случаи, когда в ходе осмотра места происшествия осуществляется активная поисковая деятельность, которая сопровождается

вскрытием мест хранения. Однако полагаем, что это неправильно, поскольку осмотр места происшествия не предусматривает выполнения действий, направленных на вскрытие предполагаемых мест хранения искомых объектов. Обнаружение и изъятие значимых для расследования предметов и документов в рамках осмотра места происшествия возможны лишь в тех случаях, когда они находятся в общедоступном месте. Считаем, что такие нарушения в последующем могут повлечь признание полученных доказательств. При описании обстановки места происшествия следователем (дознавателем) иногда неточно и поверхностно излагаются местонахождение и взаиморасположение объектов, а также их признаков.

Проиллюстрируем данный тезис примером из следственной практики. При осмотре места происшествия в кабинете № 4 ОВМ ОП № 2 «Железнодорожный» УМВД России по г. Новосибирску на письменном столе среди служебных документов были обнаружены, описаны и изъяты «документы, подтверждающие факт фиктивной постановки на миграционный учет на 12 листах формата А4». В последующем при производстве осмотра предметов и документов, ранее изъятых в ходе осмотра места происшествия, установлено, что документами являются: уведомление о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания, копии национального заграничного паспорта и миграционной карты на имя гражданина Республики Узбекистан К., копия паспорта принимающей стороны гражданина РФ З-ва².

Мы видим, что в ходе осмотра места происшествия следователем сделан вывод о том, что обнаруженные документы подтверждают факт фиктивной постановки на миграционный учет, что не соответствует сущности данного следственного действия. Протокол осмотра места происшествия — это прежде всего описание обнаруженного, и в нем не должно содержаться объяснений и каких-либо предположений. В протоколе осмотра места происшествия также отсутствуют сведения об отличительных признаках изъятых документов, хотя это имеет определяющее значение для последующего надлежащего разрешения уголовного дела по существу. Отметим, что в протоколе такого следственного действия следует подробно описывать обнаруженные предметы, документы, следы, указывающие на возможное совершение преступления, а также индивидуализировать их для дальнейшего исключения возможности фальсификации.

¹ Данные получены по результатам изучения и обобщения следственной практики расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства за период с 2018 г. по 2023 г. на территории Республики Алтай, Алтайского края, Новосибирской, Омской, Ростовской областей (100 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст. 322¹ УК РФ; 42 уголовных дела о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 322², 322³ УК РФ).

² Архив Железнодорожного районного суда г. Новосибирска. Уголовное дело № 1-290 за 2020 г.

Перед производством *осмотра жилища* следователю необходимо получить согласие проживающих в нем лиц. При изучении уголовных дел была выявлена закономерность: в протоколе осмотра жилища лицу, проживающему в помещении, предлагалось собственноручно записать, что он не возражает против производства данного следственного действия. Если лицо высказывалось против осмотра жилища, то следователь возбуждал перед судом соответствующее ходатайство на основании ст. 165 УПК РФ.

В результате обобщения сведений, содержащихся в уголовных делах о преступлениях, предусмотренных ст. 322¹ УК РФ, установлено, что осмотр жилища проводился в 18% случаев, и в 100% случаев — по ст. ст. 322², 322³ УК РФ.

Если установлены факты организации незаконной миграции, необходимо произвести осмотр жилых помещений, в которых созданы условия для незаконного проживания (пребывания) мигрантов. Особое внимание при производстве осмотра жилища стоит уделить объектам, подтверждающим факт проживания (пребывания) мигранта в помещении: оборудованные в жилище спальные места и их количество, предметы одежды, личной гигиены, бытовой техники, наличие кухонной утвари, продуктов питания, документов, выданных на имя мигрантов, билетов на различные виды транспорта и т. д.

Следует учесть и то, что при проведении осмотра жилища в нем могут находиться сами мигранты, в связи с этим необходимо одновременно с осмотром проводить мероприятия по контролю и надзору за соблюдением миграционного законодательства иностранными гражданами и лицами без гражданства, осуществляемые отделом иммиграционного контроля управления по вопросам миграции. Учитывая сказанное в качестве рекомендации, следует дополнительно в состав участников осмотра привлекать инспекторов отдела иммиграционного контроля, которые могут осуществить проверку документов мигрантов, подтверждающих или опровергающих законность нахождения на территории Российской Федерации.

При установлении фактов фиктивной регистрации мигрантов в жилом помещении, их фиктивной постановки на учет по месту пребывания необходимо произвести осмотр тех помещений, в которых мигранты проживают (пребывают) фиктивно. При производстве осмотра так называемых резиновых квартир в протоколе необходимо зафиксировать обстановку, подтверждающую отсутствие следов пребывания (проживания) мигрантов в помещении: отсутствие достаточного количества оборудованных спальных мест, предметов личной гигиены, одежды, документов, выданных на имя мигрантов, билетов на различные виды транспорта и т. д.

Наиболее часто производимым в процессе расследования преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства следственным действием является *осмотр предметов, документов*. Считаем справедливым мнение С. Б. Россинского, что осмотр предметов, документов является «весьма распространенным следственным (судебным) действием, имеющим важное значение для потребностей правоприменительной практики» [4, с. 180].

Осмотр документов проводился в 100% случаев по преступлениям, предусмотренным ст. ст. 322¹, 322², 322³ УК РФ. Подчеркнем, что для осмотра изъятых документов необходимо изучить установленные бланки (образцы) подобных документов, их обязательные реквизиты, что позволит при сравнении их с фиктивными документами обнаружить признаки подделки и назначить соответствующие судебные экспертизы.

К числу типичных документов, подлежащих осмотру по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 322¹ УК РФ, относятся:

- документы, удостоверяющие личность мигранта;
- документы, подтверждающие въезд мигранта на территорию Российской Федерации (национальные заграничные паспорта, миграционные карты, приглашения на въезд в Российскую Федерацию, визы, вызовы на лечение, проездные билеты и т. д.);
- документы, подтверждающие право пребывания, осуществления трудовой деятельности мигранта в России (разрешение на временное проживание, вид на жительство, патент, уведомление о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства, гражданско-правовые договоры, трудовые договоры, а также уведомления о заключении указанных договоров и т. д.);
- материалы в отношении иностранных граждан, хранящиеся в подразделениях по вопросам миграции, которые содержат заявления и обращения мигрантов с прилагаемым комплектом документов.

К числу типичных документов, подлежащих осмотру по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 322², 322³ УК РФ, следует отнести:

- документы, подтверждающие факт регистрации мигрантов по месту жительства (национальный заграничный паспорт мигранта, документ, подтверждающий право пользования жилым помещением);
- документы, подтверждающие факт постановки на учет мигрантов по месту пребывания (национальный заграничный паспорт мигранта, миграционная карта, уведомление о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства).

В ряде случаев осмотр документов требует значительных временных ресурсов, примером чему

является изученное нами уголовное дело, возбужденное по признакам преступления, предусмотренного ст. 322¹ УПК РФ. Так, следователь по уголовному делу произвел осмотр документов на 1507 листах, изъятых в ходе обыска в помещении УФМС России по Новосибирской области: уведомлений о прибытии иностранных граждан или лиц без гражданства в место пребывания и отрывных талонов уведомлений с проставленными штампами, свидетельствующими о постановке иностранных граждан на миграционный учет; ходатайств юридических лиц, копий национальных паспортов и миграционных карт; сведений в отношении 320 граждан КНР из АИС «Территория»³.

При изучении уголовных дел установлено, что осмотр предметов проводился только при расследовании организации незаконной миграции (в 80% случаев).

К числу типичных предметов, подлежащих осмотру, следует отнести:

- материалы аудио- и видеозаписи, полученные в результате проведения оперативно-розыскных мероприятий;
- средства вычислительной техники (сотовые телефоны с сим-картами, планшеты, ноутбуки, персональные компьютеры);
- носители информации (usb-флеш-накопители, жесткие диски);
- принтеры, многофункциональные устройства, используемые при изготовлении поддельных документов для иностранных граждан и лиц без гражданства;
- печати, штампы, датеры, пузыри штемпельной краски, штемпельная подушка и т. д.;
- блокноты, записные книжки, тетради, ежедневники;
- банковские карты, денежные средства, добытые преступным путем.

Особое значение представляет осмотр компьютерных устройств и средств сотовой связи, позволяющий отыскать в них информацию, имеющую значение для расследования⁴. Так, в ходе расследования организации незаконной миграции был проведен осмотр сотового телефона «iPhone XS», изъятых при производстве обыска в жилище у подозреваемого Р., использованного им в преступной деятельности. В ходе осмотра телефона обнаружено приложение-мессенджер «WhatsApp». В меню данного приложения выявлены чаты гр. Р. с другими абонентами, содержание которых подтверждало его преступную деятельность по систематической организации не-

законного пребывания иностранных граждан в Российской Федерации⁵.

Считаем справедливым суждение А. В. Варда-няна о том, что «при производстве расследования по подавляющему большинству уголовных дел, независимо от категорий преступлений, систематически возникает потребность в осуществлении следственных действий, направленных на изъятие широкого круга объектов; указывающих на следы преступления и причастность к ним определенных лиц, выступающих орудием или средством преступного посягательства, а также отражающих иную информацию, позволяющую установить обстоятельства, подлежащие доказыванию. Процессуальными формами изъятия данных объектов являются обыск и выемка, регламентированные ст. ст. 182, 183 УПК РФ» [7, с. 16].

Анализ следственной практики показывает, что часто при расследовании преступлений в сфере нарушения миграционного законодательства возникает потребность в производстве такого следственного действия, как обыск, для обнаружения объектов, имеющих важное значение для расследования. Изучение эмпирических материалов свидетельствует о том, что по уголовным делам об организации незаконной миграции обыск проводился в 38% случаев. Однако по уголовным делам о фиктивной регистрации мигранта по месту жительства, фиктивной постановке мигранта на учет по месту пребывания обыск не проводился, в основном при расследовании данного вида преступления проводилась выемка. Высокая результативность обыска обеспечивается тщательной подготовкой к его производству, внезапностью и неожиданностью для обыскиваемого лица, а также возможностью принудительного изъятия объектов, имеющих значение для уголовного дела, если лицо отказывается выдать их добровольно.

По преступлениям, предусмотренным ст. 322¹ УК РФ, типичными местами производства обыска являлись:

- место жительства подозреваемого, обвиняемого;
- место работы подозреваемого, обвиняемого;
- служебные кабинеты сотрудников подразделений по вопросам миграции;
- помещения государственных учреждений, организаций;
- помещения коммерческих организаций, предприятий и т. д.

Исследование уголовных дел подтвердило высокую результативность производства данного следственного действия, поскольку в 80% случаев в ходе

³ Архив Дзержинского районного суда г. Новосибирска. Уголовное дело № 1-209 за 2018 г.

⁴ Вопрос об осмотре компьютерных устройств и мобильного телефона подробно рассмотрен в работах А. Б. Соколова [5; 6].

⁵ Архив Железнодорожного городского суда г. Барнаул. Уголовное дело № 1-10 за 2023 г.

производства обыска были обнаружены и изъяты объекты, имеющие значение для уголовного дела. Типичные объекты, изымаемые при производстве обыска, соответствуют тем, которые были рассмотрены при осмотре по уголовным делам об организации незаконной миграции.

Так как к предметам, подлежащим изъятию в ходе производства обыска, относятся средства вычислительной техники, следователь (дознатель) должен прибегнуть к помощи специалиста. Таким образом, к участию в следственном действии необходимо привлекать специалиста, имеющего опыт обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления, обеспечения их защиты и доступности для дальнейших исследований средств вычислительной техники [8, с. 107].

Как уже отмечалось, проведение обыска требует тщательной подготовки, что объясняется особенностью данного следственного действия, характеризующейся «сложной психологической составляющей, специфическими организационными трудностями подготовки и производства, уголовно-процессуальными требованиями и нравственными положениями тактико-криминалистической деятельности, формами противодействия со стороны заинтересованных лиц» [9, с. 362]. Учитывая, что организация незаконной миграции в основном совершается группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, то тактически верно будет произвести обыски по месту жительства и работы соучастников преступления одновременно. Это позволит не допустить распространения информации о планируемых следователем действиях, а также сокрыть следы преступления.

В связи с тем, что обыски производятся одновременно по нескольким адресам, их могут проводить следователи, не расследующие преступления указанной категории и, соответственно, не знающие положения миграционного законодательства. Данное обстоятельство приводит к тому, что следователи не только изымают предметы и документы, которые не имеют значения для уголовного дела, но могут не обратить внимания на важные для расследования предметы и документы, указанные нами ранее как объекты, сохранившие на себе следы совершения преступления. Соответственно, следователю необходимо подготовиться к производству обыска, изучить перечень документов, необходимых мигрантам для въезда в РФ, пребывания (проживания) на территории страны.

Распространенным для уголовных дел рассматриваемой категории является производство выемки (по преступлениям, предусмотренным ст. 322¹ УК РФ, она проводилась в 45% случаев, по ст. ст. 322², 322³ УК РФ — в 75%). Указанное следственное действие

целесообразно осуществлять, когда местонахождение предметов и документов известно и не требуется проведения поисковых действий. При расследовании уголовных дел указанной категории основной задачей выемки является изъятие предметов и документов, содержащих следы совершения преступления в сфере нарушения миграционного законодательства.

Перечень предметов и документов, подлежащих изъятию в ходе производства выемки, частично совпадает с объектами, изымаемыми в ходе обыска: паспорт иностранного гражданина; временное удостоверение личности лица без гражданства в РФ; миграционная карта; уведомление о прибытии иностранного гражданина или лица без гражданства в место пребывания; уведомление о заключении трудового договора или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) с иностранным гражданином (лицом без гражданства); документы на иностранного гражданина, лица без гражданства, необходимые для получения государственных услуг в сфере миграции; usb-флеш-накопители, сотовые телефоны и т. д.

Как правило, вышеназванные предметы и документы изымаются у следующих свидетелей:

— сотрудников подразделений по вопросам миграции, предоставляющих государственные услуги по оформлению виз, приглашений на въезд в Россию, осуществлению миграционного учета, выдаче патента и т. д.;

— иностранных граждан, лиц без гражданства, которым были созданы условия для незаконного въезда, пребывания (проживания) в России.

Типичными местами производства выемки являются: служебные кабинеты сотрудников подразделений по вопросам миграции, служебные кабинеты следователей (дознателей).

Учитывая особенности расследования преступлений данной категории, а именно то, что участниками уголовного судопроизводства выступают мигранты, не владеющие или недостаточно владеющие русским языком, следователю (дознателю) в соответствии со ст. 18 УПК РФ необходимо привлекать к производству выемки переводчика. Нередко в ходе производства выемки у мигранта документов, подтверждающих его въезд, пребывание (проживание) на территории РФ, последний оказывает противодействие, не желает их выдать следователю (дознателю) добровольно.

В заключение можно сделать следующие выводы об особенностях производства осмотра, обыска, выемки по рассматриваемой категории преступлений.

1. Осмотр места происшествия активно производится по фактам фиктивной регистрации по

месту жительства мигранта, фиктивной постановки мигранта на миграционный учет в помещениях подразделений по вопросам миграции. Осмотр места происшествия при расследовании организации незаконной миграции проводится крайне редко, поскольку предпочтение отдается производству обыска.

2. В ходе производства осмотра жилища при расследовании дел о фиктивной регистрации по месту жительства или фиктивной постановке на миграционный учет следует зафиксировать отсутствие следов проживания (пребывания) мигрантов по указанному адресу. При осмотре жилища по фактам организации незаконной миграции необходимо установить незаконное проживание мигранта в помещении, а также одновременно с этим необходимо проводить проверочные мероприятия с участием

инспекторов отдела иммиграционного контроля управления по вопросам миграции.

3. Обыск является эффективным способом получения доказательств по уголовным делам об организации незаконной миграции. При подготовке к обыску следователю необходимо изучить миграционное законодательство, чтобы понимать, какие именно документы и предметы могут быть обнаружены и изъяты.

4. Выемка в основном проводится с участием мигрантов, в связи с чем к производству данного следственного действия необходимо привлекать переводчика. Часто мигранты не желают добровольно выдавать документы, предоставляющие им право на проживание (пребывание) в России, поэтому следователь (дознатель) должен быть готов к применению принуждения.

Список источников

1. Карагодин В. Н. Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Российский юридический журнал. 2012. № 5(86).
2. Соколов А. Б., Мерлаков Д. С., Мазунин Я. М. Соотношение неотложных, производимых на первоначальном этапе расследования и в случаях, не терпящих отлагательства, следственных действий: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты // Научный вестник Омской академии МВД России. 2021. Т. 27, № 4(83).
3. Варданын А. В., Мельникова О. В. Особенности производства осмотра места происшествия при расследовании преступлений в сфере производства и оборота фальсифицированной алкогольной продукции // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 2–2.
4. Россинский С. Б. Осмотр и исследование документов как способы познания обстоятельств уголовного дела // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4(45).
5. Соколов А. Б. Технология осмотра ЭВМ на примере ноутбука // Криминалистика — наука без границ: традиции и новации : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. СПб., 2022.
6. Соколов А. Б. Технология осмотра ЭВМ на примере мобильного телефона // Проблемы криминалистической науки, следственной и экспертной практики : сб. науч. тр. / пред. редкол. Я. М. Мазунин. Омск, 2023.
7. Варданын А. В. Новеллы в регламентации обыска и выемки как потребность в модернизации тактико-криминалистических приемов // Актуальные проблемы криминалистики и судебной экспертизы : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Иркутск, 2019.
8. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Тактика и технология производства невербальных следственных действий по делам о компьютерных преступлениях // LEX RUSSICA (Русский закон). 2021. Т. 74, № 9.
9. Князьков А. С. Тактические комбинации, основанные на производстве обыска // Преступность в Западной Сибири: актуальные проблемы профилактики и расследования преступлений : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. Тюмень, 2013.

УДК 343.2/7

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-31-36

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Пределы понимания сущности уголовного права

Вадим Владимирович Хилюта

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики¹,

✉ tajna@tut.by

¹ Гродненский государственный университет имени Я. Купалы (Гродно, Республика Беларусь)

Предпринята попытка обозначить сущность уголовного права и пределы понимания его содержательных основ в контексте глобальной трансформации общества и государства. Автором обозначены контуры социальных основ уголовного права, которые связаны с моралью и нравственностью. В основе уголовного права лежит идея вреда и безопасности. Отклоняющееся поведение причиняет вред социальным благам и ценностям, поэтому уголовное право имеет своей целью формулирование запретов, которые отражали бы морально-нравственные ценности общества. В таком случае можно говорить о справедливости уголовного права и его социальной значимости.

Ключевые слова: уголовное право, мораль, нравственность, преступление, сущность права, безопасность

Для цитирования: Хилюта В. В. Пределы понимания сущности уголовного права // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 31–36.

Limits to Understanding the Essence of Criminal Law

Vadim V. Khilyuta

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics¹,

✉ tajna@tut.by

¹ Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, the Republic of Belarus)

An attempt is made to define the essence of criminal law and the limits to understanding its substantive foundations in the context of global transformation of society and the state. The author outlines the contours of the social foundations of criminal law, which are related to morality and ethics. Criminal law is based on the idea of harm and safety. Deviant behaviour harms social goods and values, therefore, criminal law aims to formulate prohibitions that would reflect the moral and ethical values of society. In this case we can talk about the justice of criminal law and its social significance.

Keywords: criminal law, morality, ethics, crime, essence of law, safety

Citation: Khilyuta V. V. Limits to Understanding the Essence of Criminal Law. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 31–36 (In Russ.).

Вопрос о понимании сущности уголовного права не является праздным. Однако ответ на него не столь однозначен. Это и понятно, потому как с изменением социальных устоев общества, политических формаций, сменой эпох и парадигм, представлений о должном и сущем меняется и представление о самом уголовном праве, его предназначении и восприятии. И на наш взгляд, ключевой момент здесь состоит в ценностных ориентирах самого общества и тех идей, которые доминируют в конкретно-исторический период, потому как уголовное право — это прежде всего охранительная (а не регулирующая) отрасль права.

Охраняя свои устои и создавая новые отношения, общество всегда нуждается в гарантии своей

неприкосновенности, защите от произвола как со стороны отдельной личности, так и государства. Механизмы такой защиты могут быть самыми разнообразными, однако наиболее эффективным и действенным является право, и если мы говорим о преступлении, то наиболее суровое и карательное право — уголовное.

Сущность уголовного права можно объяснять различным образом. Но чтобы понять предназначение уголовного права, необходимо уяснить, для чего оно существует, в чем его суть и основная функция. Вопросы эти не новые и поднимаются не в первый раз. Однако ответы на них всегда были разными и зависели от определенной эпохи и контекста. Тем

не менее неизменным всегда оставался основной постулат озвучиваемого тезиса: уголовное право — это наиболее карательная отрасль права, предназначенная охранять наиболее важные и значимые ценности в обществе.

Итак, отличительная особенность уголовного права состоит в том, что, являясь по своей сути охранительной отраслью права, оно направлено на поведение людей, которые вступают в конфликт с существующими предписаниями. И в данном случае преступным признается такое поведение человека, которое не просто нарушает установленный порядок и нормативные запреты, но и причиняет вред наиболее значимым и важным общественным отношениям, тем социальным благам и ценностям, которые имеют первостепенное значение. Поэтому уголовное право, охраняя общественные отношения, призвано также регулировать социальные противоречия, предотвращать их наиболее радикальные формы.

Совершая преступление, лицо вступает в непримиримый конфликт с нравственными ценностями, существующими в обществе, противопоставляя свое поведение моральным и правовым стандартам. В основе преступного деяния лежит глубокое противоречие индивида, его учиняющего, и социально одобряемых установок общества. Поэтому осознание обществом и государством необходимости борьбы с подобного рода негативными проявлениями и неодобряемым в целом поведением приводит к тому, что государство вынуждено формулировать запреты, определять юридическую природу такого деструктивного поведения в нормах закона и устанавливать границы подобного вмешательства. Типичные формы такого поведения и определяют родовое понятие преступления.

С этой точки зрения уголовное право представляет собой компромисс, основанный на договоре между обществом (конкретной личностью) и государством. Можно сказать, что общество передает в руки государства свою безопасность и наделяет государство крайне широкими полномочиями по обеспечению собственной безопасности и определения того, что есть недозволенное поведение (преступление) и каковы его границы. В данном случае государство призвано охранять те ценности и блага, которые являются значимыми и священными для самого общества и в конечном счете — для государства. Понятно, что эти ценности изменчивы и подвергаются порой значительной модификации, зависят от многих факторов и градуса настроения самого общества в конкретно-исторический период. И таковыми ценностями (благами) могут выступать жизнь, здоровье, собственность, религия, права человека и т. д. Однако формула объявления конкретного поведения, отклоняющегося от нормы или заданных стандартов,

находится исключительно в руках государства и зависит от его предпочтений.

Таким образом, основной смысл уголовного права заключается в том, чтобы определить, какое поведение людей в обществе является преступным и в каких случаях наступает уголовная ответственность за совершенное преступление. Однако даже будучи самой суровой отраслью права и используя насильственные формы воздействия к лицам, совершившим противоправные деяния, уголовное право должно стремиться к ограничению сферы применения своих средств и в первую очередь наказания.

В связи с этим нельзя не обратить внимания на то, что уголовное право является прежде всего социальным институтом (своеобразной конструкцией), посредством которого должны разрешаться социальные конфликты и социальные проблемы. И этот процесс включает два аспекта: 1) дискретный способ социального регулирования общественных отношений; 2) формулирование запрета как особого метода охраны общественных отношений и социальных ценностей, вследствие чего устанавливаются стандарты и правила поведения человека в определенных условиях и ситуациях. С этой целью уголовное право вынуждено постоянно приводить в соответствие свои запреты с теми социальными реалиями, которые имеют место быть в конкретный промежуток времени и модернизировать средства борьбы с преступностью. И осуществляется это посредством механизма уголовно-правового регулирования.

Вместе с тем необходимость существования уголовно-правовых запретов осознается не всеми лицами, некоторые из них игнорируют существующие предписания. Однако в данном случае уголовное право не может полагаться на принцип добровольного исполнения существующих предписаний, поскольку в таком случае оно утратило бы свою социальную ценность и значимость. Поэтому уголовное право вынуждено задействовать механизм принудительного исполнения установленных в государстве предписаний, чтобы обеспечить безопасность и стабильность развития общества. Если уголовное право неспособно обеспечить данную функцию, оно утрачивает свое предназначение и становится неудобным элементом в деле надлежащей охраны социальных ценностей.

Как институт, регулирующий социальные конфликты и проблемы, уголовное право выполняет функцию защиты общественных ценностей, принципов и интересов. В связи с этим уголовное право — это всегда изменчивая и адаптируемая конструкция, оно не существует изолированно, а функционирует в историческом, социальном и инструментальном контексте. Поэтому в самом широком смысле уголовное право представляет собой институционали-

зацию в праве основополагающих ценностей, которые всегда изменялись, развивались и в наше время закреплены в законодательстве и отражают существующее положение дел.

Тем не менее сегодня уголовное право уже не может рассматриваться исключительно как инструмент наказания за опасное и социально деструктивное поведение. Кроме того, тенденции развития уголовного права в последнее время сводятся к тому, что криминализация поведения, которое не всегда заслуживает наказания и общая социальная стигматизация которого не так очевидна, привела к постепенному размыванию целей и границ уголовного права. В результате мы не можем выявить четкой разделительной линии между преступным и не преступным поведением, преступлением и проступком (правонарушением). Однако уголовное право все еще остается основным инструментом социального контроля над гражданами со стороны государства. Поэтому уголовное право устанавливает параметры осуществления монополии государства на власть, тем самым ограничивая и направляя область государственного насилия. В этом контексте уголовное право влечет принуждение к определенным типам поведения, которые были предопределены государством. Следовательно, как средство социального контроля уголовное право отражает моральные ожидания общества и защищает фундаментальные ценности, на которых основано государство и общество.

Очевидно, что главной особенностью уголовного права является его репрессивная сущность, потому что ни одна другая отрасль права не предполагает применения таких актов насилия, как лишение свободы или смертная казнь. И в этом случае уголовный закон репрессивен, поскольку он ограничивает права и свободы человека. Парадокс здесь, однако, состоит в том, что, с одной стороны, уголовный закон защищает основные права и свободы человека, его базовые ценности, но с другой стороны, он и ограничивает эти самые права и свободы человека. Поэтому уголовное право посредством репрессии влияет на те социально-экономические и политические процессы, которые происходят в обществе. Таким образом, уголовное наказание является узаконенным насилием над человеком со стороны государства, а уголовный закон (Уголовный кодекс) — системой норм, определяющих, в каких случаях государство вправе применять насилие к своим гражданам [1, с. 61]. Однако в данном случае репрессия со стороны государства применяется не произвольно, а с согласия общества. Значит, можно сказать, что общество делегирует государству данную функцию в обмен на свою безопасность. Это и есть своеобразный договор между обществом и государством, который легитимирует статус уголовного права.

Поэтому уголовное право имеет своей задачей охрану тех интересов и социальных ценностей, которые существуют в обществе и государстве. В таком качестве уголовное право не способно модернизировать общественные отношения, поскольку это является прерогативой иных отраслей права (по большей части, регулирующего характера), но оно может создавать условия для развития общественных отношений, обеспечения их безопасности и стабильности функционирования.

Таким образом, отличительной чертой уголовного права является то, что оно публично порицает и осуждает человека. Но несмотря на это, уголовное право как наиболее чувствительная отрасль права (имеется в виду — к тем изменениям, которые происходят в обществе) призвано провозглашать и обеспечивать соблюдение признанных моральных стандартов и ценностей, разрешать существующие в обществе конфликты и применять меры воздействия к лицам, допустившим нарушение закона. С этой точки зрения уголовное право направлено на восстановление социальной справедливости и должно по определению способствовать восстановлению причиненного вреда, примирять людей, вовлеченных в конфликт, и таким образом восстанавливать имевшиеся ранее общественные отношения, испорченные конфликтом. Следовательно, уголовное право должно быть направлено на беспрепятственное функционирование общества и сохранение существующего порядка, защиту коллективных и общих ценностей (благ), которые обеспечивали бы необходимые условия для развития и жизнедеятельности конкретной личности и общества в целом.

Помимо охраны позитивных отношений, где уголовное право отражает *status quo* существующего положения дел, в поле действия уголовного права должна находиться охрана морально-нравственных принципов и устоев общества, основных его ценностей, благ и свобод. Однако ценность самого уголовного права проистекает из тех отношений, которые оно помогает защитить и одновременно создать. При этом ценность уголовного права происходит из отношений, которые ему предшествуют, и это всегда позитивные отношения между различными субъектами права. В этой ситуации ценность уголовного права основывается на отношениях, в которых находятся государство, общество, человек, поэтому именно государство обладает монополией на охрану общественных отношений и тех благ, которые существуют в конкретно-исторический период, и в легитимной системе уголовного права это единственная возможность.

Нельзя также не отметить, что существование уголовного права оправдывается его ролью в стабилизации институциональных образований обще-

ства. По этой причине уголовное право является инструментом, который нередко используется для поддержания экономических, образовательных, семейных, военных и политических институтов. И довольно часто говорят, что уголовное право является инструментом особого рода — «кувалдой с моральной нагрузкой» [2, р. 10]. Проблема, однако, состоит не в том, что уголовное право по природе своей основано на морально-нравственных нормах и призвано охранять базовые устои общества, а заключается в обратном: уголовное право навязывает определенные ценности обществу и невыполнение существующих предписаний рассматривается как выход за пределы права, который всегда подкреплен именно уголовной (а не иной) ответственностью. Поэтому уголовное право — это не идеальная система.

Очевидно, что уголовное право не может основываться на пустом месте. Оно не может быть полностью автономно и по своей сути быть вне иных регуляторов социальных отношений. Понятие о том, с чем мы будем иметь дело и что признавать преступным, имеет глубокие корни. Эти базисные начала находятся в области морали и нравственности и именно эти постулаты формируют основы уголовного права, определяют контуры его предмета и метода регулирования. Представляется в данном случае, что преступление объективно отражает морально-нравственное состояние общества, его понимание того, что является добром, а что — злом. Ведь поступок человека только тогда осуждается обществом, когда с моральной точки зрения осуждается человек, его учинивший. Можно сказать и иначе: любое деяние становится преступлением, если на то есть социальный запрет.

Тем не менее вопрос о морали и нравственности в уголовном праве весьма специфический. И если концепт позитивизма отвергает всякую мораль и нравственность в законе, то идеи школы естественного права, напротив, берут за основу первозданные права и справедливую оценку всякого поступка с точки зрения общепринятой морали и нравственности, которые базируются на постулатах гуманизма. По-другому быть и не может. Если уголовное право воздействует на человека наиболее суровыми

средствами и принуждает его к определенному поведению, то морально-нравственные предписания должны лежать в фундаменте такой деятельности. В этой ситуации уголовное право стоит перед дилеммой: каким нравственным ценностям и моральным нормам должен соответствовать уголовно-правовой запрет, потому что уголовное право не только основывается на морально-нравственных предписаниях, но и часто само формулирует их, принуждая общество к их соблюдению.

Эта задача актуальна как никогда в настоящее время, так как в обществе можно наблюдать некий раскол, его атомизацию и дифференциацию, когда оно (общество) делится на разные социальные кластеры и группы, а те исповедуют неодинаковые системы ценностей и придерживаются различных морально-нравственных установок¹. В связи с этим уголовное право должно учитывать все эти составляющие, но в конечном итоге выбирать единственный вариант разрешения социального конфликта.

Дело в том, что морально-нравственные и уголовно-правовые нормы — это правила поведения людей. И, как отмечала Н. Ф. Кузнецова, «поскольку моралью охватываются все и всякие сферы жизнедеятельности людей, то нет практически таких видов человеческой деятельности, которые бы не могли быть подвергнуты моральной оценке, т. е. оценке с точки зрения представлений о добре и зле, справедливости и несправедливости» [4, с. 12]. Данный факт нельзя отрицать, потому что целый ряд уголовно-правовых норм обязан своим происхождением нормам морали, нравственности.

В этом отношении все суждения о том, что уголовное право не нуждается ни в какой иной действительности, кроме той, что определена институциональным способом, безупречны. Право, в том числе и уголовное, без морально-нравственного компонента предстает лишь как текст, который лишен социального значения [5, с. 72]. Следовательно, любое деяние является преступлением тогда, когда оно находит в сознании правонарушителя упречность². Поэтому мораль — формообразующий объект, который на-

¹ По этому поводу Ю. Е. Пудовочкин обращает внимание на то, что «полное совпадение морали и уголовно-правового запрета в обществе, в котором нет и уже, скорее всего, не будет морального единства людей, вряд ли возможно и желательно» [3, с. 95]. Понятно, что структурно мораль неоднородна и сама система ценностей формируется определенной социальной группой. Однако если в обществе нет морального единства, то происходит его разобщение и это не может не влиять на право, в том числе и уголовное. Неэффективность таких норм, которые пренебрегают морально-нравственными установками общества, очевидна, поскольку одна его часть будет исполнять установленные предписания, а другая — нет, что может привести к социальному взрыву. Все-таки договоренность об основных и базовых постулатах морального поведения должна присутствовать.

² Некоторые западноевропейские исследователи по этому поводу отмечают, что отличительной чертой уголовного права является то, что оно «говорит моральным голосом», поэтому, криминализируя поведение, государство тем самым объявляет, что оно рассматривает такое поведение как морально противоправное, а потому и уголовно наказуемое. Решение данного вопроса с положительной стороны указывает на то, что криминализация должна проводиться с точки зрения принципа вреда. В отсутствие такого дополнительного обоснования тот факт, что поведение является противоправным, не дает даже оснований *pro tanto* в пользу криминализации [2, р. 6–29].

полнен смыслом и значением, и придает социальную значимость праву в целом (в том числе и уголовному). Конечно, «идеальный вариант развития любого общества — замена уголовного права нравственными нормами» [6, с. 120], но это выглядит как утопия, идеал, который никогда невозможно будет реализовать. В то же время это свидетельствует о том, что уголовное право без морально-нравственных норм нежизнеспособно и выглядит мертворожденной конструкцией, потому как общество живет морально-нравственными предписаниями, а не позитивистскими стандартами.

Наложение некоторых универсальных моральных представлений на уголовное право вполне объяснимо и связывается это с тем, что большинство безнравственных поступков сегодня являются и преступлениями [7, с. 125]. Ведь сама природа преступления вытекает не иначе как из морального суждения. В этом случае моральный запрет ориентирован на ценностно-мотивационную составляющую человека, его поведение, личностную оценку добра и зла, должного и неправомерного поведения³. Аморальный поступок всегда затрагивает различные чувства людей, а потому выглядит неприемлемым. Однако безнравственный (аморальный) поступок становится преступлением только тогда, когда он причиняет значимый вред социальным ценностям⁴. Преступление нарушает социальную справедливость и уголовное право. Посредством привлечения лица к уголовной ответственности необходимо восстановить справедливость. Но понимание последней основывается на морально-нравственных представлениях общества и не может быть статичным (справедливость не основывается на однажды заданных кем-то стандартах), а также динамичным, как и сама мораль. Справедливость — основа уголовно-правового запрета.

Сказанное заставляет нас говорить о том, что сегодня общественные процессы находятся в постоянном развитии, совершенствуются механизмы регулирования политических и экономических отношений, появляются новые методы и формы социальных регуляторов и т. д. В связи с этим уголовное право не может оставаться застывшей конструкцией, оно вынуждено приспосабливаться и модернизировать свои запреты с учетом потребностей социума и государства. Уголовное право должно обеспечивать позитивный социальный результат, смысл которого состоит в охране установленного порядка и социальных ценностей, удержании лиц от возможных посягательств на эти ценности и блага. В этом качестве уголовное право не регулирует общественные отношения, а охраняет их путем воздействия на поведение конкретного человека под угрозой наказания⁵.

Применительно к сказанному возникает вопрос об эффективности уголовного права и его справедливости. На наш взгляд, уголовное право только тогда становится эффективным инструментом в руках государства, когда оно отражает идею социальной защиты и справедливости в обществе, более того, когда нормы уголовного закона, основанные на этических постулатах добра и справедливости, станут адекватно применяться правоохранительными и правоприменительными органами, основываясь на простом и понятном контенте для всех⁶. В этом отношении никакая идея безопасности, прав человека, социальной защиты и т. п. не сможет стать главным и надежным фундаментом уголовно-правового регулирования и охраны общественных отношений от преступных посягательств, если она не сможет впитать в себя стандарты справедливости социума в целом, а не узкокорпоративные интересы отдельных групп и властных элит.

³ По этой причине «преступление всегда является частью социальной действительности, поскольку есть те, кто нарушает общие требования, независимо от ценностной диспозиции конкретного правопорядка. Концепция вреда есть, таким образом, концепция ценностного оправдания криминализации деяния, которое всегда обращено в сторону улучшения и оправдания ценностным содержанием» [8, с. 332]. С другой стороны, уголовное право и мораль не всегда сходятся.

⁴ Безусловно, моральная оценка всегда различна, и она может оправдывать рабство, сожжение ведьм и т. д. Однако уголовное право не ставит своей задачей сохранение морального единства или общественного консенсуса по ряду вопросов, его цель совсем иная и она связана с охраной социальных ценностей, а то, что эти ценности основаны на морально-нравственных постулатах, очевидно. Вопрос только в том, что мораль в различных обществах и правовых системах неодинакова и отношение к ней различно.

⁵ Можно сказать, что, охраняя общественные отношения, уголовное право одновременно и регулирует их, однако эта функция является производной, как и многие иные, от главной — охраны социальных ценностей и общественных благ.

⁶ Не случайно по этому поводу в семье общего права в основе уголовного права лежит идея человека, которая, с одной стороны, призвана предупредить произвол со стороны государства по отношению к каждой конкретной личности, ограничившись минимальной криминализацией общественных отношений, а с другой стороны, эта идея направлена на развитие личности и реализацию ее свобод. С этой точки зрения вторжение уголовного права в область личной свободы человека обусловлено тем обстоятельством, что деяние становится преступным, если поступок содержит в себе «моральную злобность», порицаемую со стороны общества, а не формальное нарушение установленных правил. Вмешательство в свободу индивида возможно только для предотвращения вреда [7, с. 101–132; 9, с. 25–26]. Исходя из этого можно сказать, что в англосаксонской системе все уголовно-правовые запреты направлены на то, чтобы предотвратить вмешательство в права и свободы гражданина, а не коллективных субъектов.

Таким образом, большое значение, которое современные государства придают уголовному праву, убедительно свидетельствует о том, что понимание сути и надлежащей сферы применения уголовного права является одной из важнейших задач, стоящих на повестке дня. Даже если определенные юрисдикции могут быть необычными в своей любви к уголовному праву, уголовные санкции являются сегодня наиболее популярным и широко используемым средством в политической системе и своеобразным механизмом реагирования во всем мире. Сказанное свидетельствует о том, что проблемы, с которыми сталкивается сегодня уголовное право, в своей основе разноплановые [10]. Очевидно, что в настоящее время существует кризис чрезмерной криминализации и чрезмерного применения наказания в виде лишения свободы, уголовная политика становится политизированной, в результате чего трудно найти консенсус относительно того, каким целям может служить уголовное право.

Государство, стремящееся защитить своих граждан от предполагаемых угроз, расширяет сферу действия уголовного права, что приводит к размыванию границ последнего. По этой причине сегодня пытаются пересмотреть фундаментальные вопросы о сфере применения уголовного права, его структуре и механизме функционирования. Вместе с тем государство и общество несет ответственность за преступность в двух аспектах: государство выбирает криминализацию определенного поведения (1) и определяет формы социальной организации, которые приводят к такому поведению или допускают его (2). Такая парадигма налагает обязательства на само общество, даже если этот социальный выбор полностью оправдан. Отсюда следует, что преступные действия являются противоправными не только потому, что они причиняют вред отдельным членам общества и государству в целом, но и потому, что они также угрожают социальной стабильности, государственности в целом.

Список источников

1. Титов С. Н. Теория общественного договора и легитимация уголовного права // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 1.
2. Simester A. P., Hirsch A. Crimes, Harms, and Wrongs. Oxford: Hart Publishing, 2011.
3. Пудовочкин Ю. Е. Об этических основах уголовно-правового запрета // Библиотека криминалиста. 2012. № 3.
4. Кузнецова Н. Ф. Уголовное право и мораль. М., 1967.
5. Мирошниченко Д. В. Критика уголовно-правовой онтологии. М., 2023.
6. Филиппов П. А. Профессор Н. Ф. Кузнецова — криминолог-утопист или криминолог-оптимист? // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2022. № 6.
7. Козаченко И., Сергеев Д. Новая криминализация. Екатеринбург, 2020.
8. Мирошниченко Д. В. О моральной природе общественной опасности // Современный ученый. 2023. № 3.
9. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2009.
10. Хиллута В. В. Уголовное право в социальном измерении (контуры перемен и новой стратегии развития). М., 2023.

УДК 343.102

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-37-41

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Проблемы правовой регламентации защиты государством лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям

Дмитрий Александрович Симоненко

кандидат юридических наук, начальник¹,

✉ dsimonenko6@mvd.ru

¹ Барнаульский юридический институт МВД России (Барнаул, Россия)

Рассматриваются вопросы правовой регламентации защиты государством лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям. Проанализированы государственные обязательства и гарантии, предоставляемые данным лицам. Определены проблемы правовой регламентации указанной сферы, сформулированы предложения по их разрешению.

Ключевые слова: защита, конфиденциальное содействие, оперативно-розыскная деятельность, гарантии, обязательства, оперативные подразделения

Для цитирования: Симоненко Д. А. Проблемы правовой регламентации защиты государством лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 37–41.

Problems of Legal Regulation of the State Protection of Persons providing Confidential Assistance to Operational Units

Dmitry A. Simonenko

Candidate of Science (in Law), Chief¹,

✉ dsimonenko6@mvd.ru

¹ the Barnaul Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Barnaul, Russia)

The questions of legal regulation of state protection of persons providing confidential assistance to operational units are considered. State obligations and guarantees given to these persons are analyzed, problems of legal regulation of the specified sphere are defined, proposals for their solution being formulated.

Keywords: protection, confidential assistance, operational crime detection, guarantees, obligations, operational units

---

Citation: Simonenko D. A. Problems of Legal Regulation of the State Protection of Persons providing Confidential Assistance to Operational Units. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 37–41 (In Russ.).

В целях реализации положений Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года по улучшению результативности оперативно-розыскной деятельности, повышению качества использования возможностей и полномочий оперативных подразделений мы проанализировали уровень социальной и правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Необходимость исследования уровня защиты указанной категории граждан обусловлена политической и экономической напряженностью в обществе, предполагающей криминогенный рост. В связи с тем, что борьба

с преступностью на протяжении всего периода существования сыскной деятельности не представляется без участия лиц, оказывающих конфиденциальное содействие ОВД, целесообразно рассмотреть подробнее нормы, имеющие возможность повышения качества осуществления ОРД.

В соответствии со ст. 18 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее — Закон об ОРД) лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под охраной и защитой государства посредством реализации определенных законом прав, обязательств и гарантий [1, с. 32].

---

¹ Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Государственные обязательства предусматривают:

- 1) охрану и защиту от потенциальных преступных посягательств лиц, оказывающих содействие, и их родственников в связи с осуществлением ими указанного содействия;
- 2) потенциальную возможность освобождения от уголовной ответственности при определенных условиях для содействующих лиц;
- 3) выплату вознаграждения и других оплат содействующим.

Государственные гарантии представлены следующим образом:

- 1) полное исполнение контрактных обязательств;
- 2) юридическая защита, связанная с правомерным выполнением указанными лицами общественного долга;
- 3) включение оказания содействия ОВД в трудовой стаж как основного рода деятельности;
- 4) обеспечение права на пенсионное обеспечение указанных лиц;
- 5) выплата единовременного пособия в описанных в законе случаях.

В данной статье нами также проанализированы некоторые особенности реализации указанных выше государственных обязанностей и гарантий для лиц, оказывающих конфиденциальное содействие оперативным подразделениям ОВД, в целях обеспечения безопасности их и членов их семей.

При анализе следует учитывать, что существенная часть положений, указанных выше, распространяется как на конфиденентов, так и на лиц, оказывающих гласное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в одинаковой степени.

Рассматривая ч. 1 ст. 18 Закона об ОРД, согласно которой «лица, содействующие (курсив наш. — Д. С.) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, находятся под защитой государства», необходимо отметить следующее.

Во-первых, законодатель действует в настоящем времени, т. е. предусматривает государственную защиту лишь для лиц, оказывающих содействие ОВД только непосредственно сейчас, при этом о лицах, ранее содействовавших оперативным подразделениям, упоминаний нет. Такая ситуация может повлечь ряд неблагоприятных последствий, например, в ситуации, когда лицу, ранее оказывавшему конфиденциальное содействие, грозит опасность, обусловленная утратой конспирации. В соответствии с дей-

ствующим законодательством правоохранительные органы должны дожидаться негативных последствий (например, нападения на него, уничтожения или повреждения принадлежащего ему имущества и т. п.) и только после этого реагировать на совершенные преступные действия.

Полагаем, что для устранения указанного пробела достаточно будет ч. 1 ст. 18 Закона об ОРД дополнить словосочетанием «и содействовавших». Такая формулировка позволит более полно защищать права лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность.

Во-вторых, указанная норма, на наш взгляд, является декларативной ввиду того, что государство должно обеспечивать защиту всем членам общества, а не узкому кругу лиц, указанных в анализируемой норме.

Что касается положения ч. 2 ст. 18 Закона об ОРД, согласно которому «государство гарантирует лицам, изъявившим согласие содействовать по контракту (курсив наш. — Д. С.) органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, выполнение своих обязательств, предусмотренных контрактом, в том числе гарантирует правовую защиту, связанную с правомерным выполнением указанными лицами общественного долга или возложенных на них обязанностей», то с учетом результатов проведенного нами изучения практики представляется правомерным внесение рекомендации об изъятии из текста Закона об ОРД нормы, дискриминирующей положение лиц, оказывающих конфиденциальное содействие на бесконтрактной основе.

По нашему мнению, некорректность формулировки ч. 2 ст. 18 рассматриваемого закона заключается прежде всего в том, что в сравнении с первой частью, которая гарантирует беспрекословную защиту всем содействующим лицам, вне зависимости от наличия контракта, вторая часть предусматривает выполнение лишь тех обязательств, которые прямо зафиксированы в контракте. Вследствие этого наблюдается явное противоречие.

Кроме того, указанная часть ст. 18 Закона об ОРД с позиции общего права вызывает ряд вопросов. Насколько необходима, целесообразна и корректна правовая норма, обязывающая государство выполнять взятые на себя договорные обязательства? В данном случае совершенно очевидно, что при заключении любого рода контракта общественные отношения становятся предметом регулирования гражданского права².

² Некоторые авторы для усиления адресованности основных положений Закона об ОРД населению предлагают максимально приблизить соответствующую юридическую терминологию к устоявшимся юридическим традициям, реальному уровню правовой культуры населения. В связи с этим полагают правомерным усилить коррелирующие связи оперативно-розыскного и гражданско-правового законодательства, отказавшись от термина «контракт» и заменив его термином «трудовое соглашение» [2].

Наряду с изложенными рекомендациями также представляется возможным внести предложение об усилении гарантий и обязательств, закрепленных в оперативно-розыскном законодательстве, в части, касающейся социально-правовой защиты негласных сотрудников [3, с. 567–574]. Обоснованность данного предложения, с нашей точки зрения, проявляется прежде всего в том, что сегодня подавляющее большинство норм, о которых идет речь, носит преимущественно декларативный характер и конкретно никак не подтверждается.

Ожидания негласных сотрудников, стоящие за декларацией принятия, например, «необходимых мер» по предотвращению противоправных действий по отношению к ним или же освобождения их от уголовной ответственности либо получения соответствующих выплат в связи с причинением им травмы или наступлением смерти и др., по нашему мнению, в большей степени соответствуют тому, *что могут*, а не тому, *что обязаны* предпринять оперативные подразделения.

Важным здесь представляется вопрос о том, *что именно, какие конкретно действия должен предпринять субъект оперативно-розыскной деятельности, на каких основаниях и в какой последовательности*. Иначе говоря, с точки зрения гарантий Закона об ОРД важным представляется не только (а в ряде случаев и не столько) то, *что именно* должно быть сделано, но *как именно это должно быть сделано*.

С учетом изложенного считаем целесообразной постановку вопроса о необходимости расширения правовых норм, обслуживающих процедурную сторону осуществления действий в рамках установления и использования отношений негласного сотрудничества с отдельными лицами вообще и обеспечения их социально-правовой защиты в частности, как это, например, сделано в отношении передачи сведений в Пенсионный фонд России³.

Недостаточно логичным, на наш взгляд, является и положение ч. 3 ст. 18 Закона об ОРД, согласно которому «при возникновении реальной угрозы противоправного посягательства на жизнь, здоровье или имущество отдельных лиц в связи с их содействием органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, а равно членов их семей и близких, эти органы обязаны принять необходимые меры по

предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации».

Во-первых, в приведенной выше формулировке имеет место абстрактное и не раскрытое понятие «реальная угроза», что приводит к неоднозначному толкованию и вызывает ряд трудностей в правоприменительной практике [4, с. 35–40]. В данном случае считаем, что необходимо каким-то образом уточнить, что именно законодатель понимает под *реальной угрозой* противоправного посягательства.

Во-вторых, единственным в этой части специальным законодательным актом может выступать так называемый Закон о защите свидетеля⁴, где в ч. 2 ст. 2 отмечено, что «меры государственной защиты могут быть также применены *до возбуждения уголовного дела* в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо *иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления*» (курсив наш. — Д. С.).

Возникает парадоксальная ситуация. Имеется лицо, которое конфиденциально способствовало предупреждению или раскрытию преступления и, возможно, нуждается в защите. По закону это лицо может обеспечиваться государственной защитой только до возбуждения уголовного дела либо должно приобрести официальный статус участника судопроизводства [5, с. 132–135]. Если оно становится участником уголовного процесса, под большим вопросом оказывается сохранность его негласного статуса, что многократно повышает опасность криминального воздействия на него (его близких, имущество и т. п.). Возникает ряд вопросов. Почему такое лицо не может быть обеспечено защитой, если оно, например, оказывало не предусмотренное данным законом конфиденциальное содействие в розыске скрывшегося преступника? Почему рассматриваемое лицо остается без государственной защиты, если оно ранее оказывало содействие государству в борьбе с преступностью? И наконец, почему с 2004 г. (года принятия) после тринадцати редакций положений анализируемого закона ничего не сделано для обеспечения защиты рассматриваемых лиц?

Некоторые авторы предлагают дополнить ч. 1 ст. 2 Закона о защите свидетеля отдельным пун-

³ Об утверждении Порядка передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами внутренних дел Российской Федерации в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж : приказ МВД России от 16 января 2018 г. № 19 ; Об утверждении Порядка передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами Федеральной службы безопасности в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж : приказ ФСБ России от 20 сентября 2016 г. № 583.

⁴ О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства : федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ.

ктом о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность [6, с. 25–33]. Мы предлагаем указать в данной норме лиц, не только оказывающих такое содействие, но и оказывавших его ранее.

Добавим, что к законодательным пробелам относится и положение ч. 7 ст. 18 Закона об ОРД, согласно которому для обеспечения безопасности содействующих оперативным подразделениям лиц и членов их семей допускается проведение специальных мероприятий по их защите. Указанная норма противоречит ч. 3 рассматриваемой статьи, расширяющей перечень лиц, которым необходимо обеспечить защиту, за счет близких указанных лиц.

Более корректной, на наш взгляд, формулировкой нормы является следующая редакция ч. 7: *«В целях обеспечения безопасности лиц, содействующих либо содействовавших органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, и членов их семей, а также близких допускается проведение специальных мероприятий по их защите в порядке, определяемом законодательными и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации».*

И последнее наблюдение, касающееся нормы, представленной в ч. 3 ст. 21 Закона об ОРД, согласно которой *«сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности»* (курсив наш. — Д. С.).

В этом предписании следует обратить внимание на зафиксированную возможность получения прокурором данных о негласном статусе конфиденнта в случае привлечения его к уголовной ответственности.

Полагаем, такой подход законодателя в рассматриваемой ситуации непродуктивным по следующим соображениям.

Во-первых, конфиденнт может привлекаться к уголовной ответственности не в связи с его негласным участием в борьбе с преступностью. Какой смысл в этом случае сообщать прокурору о его принадлежности к агентурному аппарату?

Во-вторых, конфиденнт может попасть в сферу уголовного судопроизводства, превысив полномочия, данные ему сотрудником оперативного подразделения, и тогда привлечение к уголовной

ответственности выглядит закономерным итогом его неумелых действий. В чем смысл сообщения прокурору о причастности конфиденнта к совершению преступления? Варианта два: попытка минимизации наказания виновного (но это зависит не от прокурора, а от судьи) или информирование прокурора о причастности курирующего сотрудника к данному происшествию (для оценки его действий на предмет нарушения закона).

В-третьих (и по нашему мнению, это самое важное), согласно ст. 2 Конституции Российской Федерации «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Информирование же прокурора о негласном статусе конкретного лица повышает уровень угрозы его жизни и здоровью. Полагаем необходимым изменить анализируемое положение закона следующим образом: *«Сведения о лицах, внедренных в преступные группы и к отдельным преступникам, о штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих или оказывавших содействие этим органам на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности за действия, связанные с выполнением задания оперативного подразделения».*

Изложенное позволяет сделать вывод, что защите лиц, оказывающих (оказывавших) содействие в противодействии преступности, в законодательстве не уделяется должного внимания. Полагаем, что принятие необходимых мер по предотвращению противоправных действий, установлению виновных и привлечению их к ответственности, предусмотренной законодательством Российской Федерации, есть обязанность компетентных правоохранительных органов, при этом не имеет значения, в отношении кого (содействующего оперативным подразделениям или нет) направлены такие действия. Вместе с тем из представленных выше задач только предотвращение противоправных действий относится к компетенции органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Что касается установления виновных, то эта задача частично решается в ходе досудебного производства силами прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя (ч. 2 ст. 21 УПК РФ), а установление виновных и привлечение их к ответственности — посредством осуществления правосудия (ч. 2 ст. 8, ч. 1 ст. 14 УПК РФ).

Список источников

1. Железняк Н. С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Красноярск, 2019.
2. Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: авторский проект. Омск, 2014.
3. Румянцев Н. В. К вопросу о некоторых проблемах административно-правового регулирования по противодействию экстремистской деятельности // Человек: преступление и наказание. 2022. Т. 30 (1-4), № 4.
4. Железняк И. Н. О некоторых проблемах оперативно-розыскного рекрутинга лиц, заключивших контракт о конфиденциальном содействии с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 2(39).
5. Рудой А. В. Нормативное правовое регулирование содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7.
6. Тамбовцев А. И. Коллизии законодательного регулирования содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47).

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-42-48

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Законность в уголовном процессе как антиаксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 2)¹

Николай Алексеевич Быданцев

кандидат юридических наук, судья¹,

доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института²,

✉ bydancevs@yandex.ru

¹ Кемеровский областной суд,

² Кемеровский государственный университет (Кемерово, Россия)

Статья является продолжением исследования уголовно-процессуальной законности как правового феномена, эволюционирующего вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов, в связи с чем ее сущность и содержание не может рассматриваться как аксиома. В этой части особое внимание автором уделяется роли правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ в регулировании уголовно-процессуальных отношений и обеспечения состояния законности в соответствующей сфере правоприменения. Значимость обсуждаемых в статье вопросов обусловила необходимость обращения к многочисленным решениям судебных органов, оказывающих непосредственное влияние на уголовно-процессуальное законодательство.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, принципы уголовного процесса, законность, верховенство закона

Для цитирования: Быданцев Н. А. Законность в уголовном процессе как антиаксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 2) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 42–48.

Legality in Criminal Proceedings as an Antiaxiom evolving with the Law and the Legal Positions of the Highest Judicial Bodies (Part 2)

Nikolay A. Bydantsev

Candidate of Science (in Law), Judge¹,

Associate-Professor at the Chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Law Institute²,

✉ bydancevs@yandex.ru

¹ Kemerovo Regional Court,

² Kemerovo State University (Kemerovo, Russia)

The article is a continuation of the study of criminal procedural legality as a legal phenomenon evolving together with the law and legal positions of the highest judicial bodies, therefore, its essence and content cannot be considered as an axiom. In this part, the author emphasizes the role of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation in regulating criminal procedural relations and ensuring the state of legality in the relevant area of law enforcement. Significance of the issues under discussion determines referring to the numerous decisions of judicial bodies that have a direct impact on criminal procedural legislation.

Keywords: criminal proceedings, principles of criminal procedure, legality, rule of law

Citation: Bydantsev N. A. Legality in Criminal Proceedings as the Antiaxiom Evolving with Law and Legal Positions of the Highest Judicial bodies (Part 2). *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 1(92). Pp. 42–48 (In Russ.).

Первую часть статьи мы завершили тезисом о том, что самым распространенным является толкование права Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ. Председатель Конституционного

Суда РФ В. Д. Зорькин отмечает, что «Конституционный Суд Российской Федерации дает общеобязательное, а следовательно, нормативное толкование Конституции, прекращает действие признанных им

¹ Часть 1 была опубликована в № 4 журнала за 2023 г. (Быданцев Н. А. Законность в уголовном процессе как антиаксиома, эволюционирующая вместе с правом и правовыми позициями высших судебных органов (часть 1) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 4(91). С. 343–347).

не соответствующими Конституции нормативных правовых актов или не допускает их вступления в силу ... либо, признавая закон не противоречащим Конституции, дает такое его толкование (путем выявления его конституционно-правового смысла), которое служит неперенным условием его конституционности и имеет, стало быть, нормативное значение для всех правоприменителей, в том числе судов общей юрисдикции. Решения Конституционного Суда ... имеют, по сути, нормативный характер (обладают нормативной силой) и как таковые приобретают прецедентное значение» [1, с. 127].

«Судебная власть, — указывает В. И. Анишина, — учреждена Конституцией, и все действия власти основаны на конституционных нормах и принципах, но, с другой стороны, деятельность суда как самостоятельной и творческой власти развивает базис конституционности и законности, поскольку только суд толкует нормы Конституции РФ и осуществляет казуальное толкование законов. Преломление этих норм и принципов в судебном применении направляет их движение по «правовому коридору», придает им правовое, гуманистическое звучание и выявляет их истинный, правовой смысл в современном право-регулировании, находит пути соединения норм с глубинными ценностями личностного и общественного бытия» [2, с. 249]. С аналогичных позиций выступают и другие авторы. Так, Е. В. Рябцева полагает, что взаимодействие Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ определяет основные направления развития правоприменительной практики, в процессе последней формируются правовые позиции высших судебных органов [3, с. 40]. В свою очередь Н. Л. Романова, Х. А. Каландаришвили, А. Д. Дашиева считают, что «поскольку суды призваны проверять правильность и законность применения норм права и зачастую им приходится восполнять пробелы в правовых актах, помощь правоприменителю окажут постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по проблемным вопросам» [4, с. 111]. Кроме того, Г. А. Борисов отмечает, что «складывается впечатление, что обеспечение единообразия судебной практики — посредством прецедентных решений, абстрактных толкований или же иных средств — с неизбежностью является одной из задач высшей судебной инстанции» [5, с. 79].

Более конкретен (и думается, абсолютно правильно) в своей позиции В. В. Момотов: «Деятельность Верховного Суда РФ и судейского сообщества направлена на создание единого правового поля страны, способствующего защите прав и свобод граждан. Для Верховного Суда РФ ключевой формой такой деятель-

ности является работа Пленума Верховного Суда РФ, на который возложено конституционное полномочие по анализу и обобщению судебной практики, полномочие по разъяснению судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации» [6, с. 13].

Похожие суждения высказаны М. В. Сидоренко и А. А. Климовым. Так, первый отмечает: «Пленум в содержательной части своих постановлений, носящих императивный характер для практики, в большинстве своем выполняет задачу восполнения пробелов, допущенных законодателем, предлагая в итоге новые правила в процесс правоприменения; при формулировании (разъяснительных) своих предписаний Пленум правомерно руководствуется аналогией закона и права, рекомендуя в итоге такие правила, которые уже апробированы УПК РФ для аналогичных правовых отношений» [7]. А. А. Климов считает, что «основная цель постановлений Пленума Верховного Суда РФ — это обеспечение правильного и единообразного применения законов судами, а также разъяснение и толкование норм права. В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ всегда содержатся правовые позиции, которые представляются самостоятельным правовым явлением. Эти позиции не только толкуют имеющиеся, но и создают новые нормы права, вносящие фактические изменения в правовое регулирование общественных отношений» [8].

Думается, что не составит какого-либо труда проиллюстрировать приведенные мнения. Так, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия»² дополнительно разъясняет и конкретизирует содержание права на защиту в уголовном процессе, в том числе на получение квалифицированной юридической помощи (п. 17). Кроме того, в п. 18 оно фактически определяет правовой статус участников проверки сообщения о совершенном преступлении, в том числе лица, в отношении которого она проводилась в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, устанавливая, что должностные лица, осуществляющие уголовное судопроизводство, и суды обязаны разъяснять ему право не свидетельствовать против самого себя, своего супруга и близких родственников, гарантированное соответствующими нормами УПК РФ. При этом в постановлении констатируется, что невыполнение этого требования уголовно-процессуального закона влечет признание объяснений такого лица, полученными с нарушением закона, т. е. их недопустимость (ст. 75 УПК РФ).

² Здесь и далее в статье, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» раскрывает процессуальное положение тех участников данного производства, процессуальный статус которых фактически проигнорирован законом — заявителя и заинтересованного лица.

Особенно это касается случаев обжалования действий (бездействия), решений органов и должностных лиц, производящих проверку сообщения о преступлении. В этой части уголовного процесса принимают участие лица, чей процессуальный статус является недостаточно определенным и раскрывается только в приведенных разъяснениях Верховного Суда РФ.

Знаковыми для судов и всей системы правоприменительных органов являются и другие постановления Пленума Верховного Суда РФ³, что наглядно демонстрирует, как Верховный Суд РФ (в лице Пленума) выполняет свою функцию разъяснения по вопросам судебной практики, устранения коллизий и восполнения пробелов правового регулирования уголовно-процессуальных отношений, обеспечения единообразного применения уголовно-процессуального закона.

В развитие указанного тезиса приведем мнение В. В. Лазарева, справедливо отметившего, что «право содержится и в судебных решениях, аккумулируется в судебной практике. Это происходит тремя способами: простым повторением того, что содержится в законе, конкретизацией законодательной воли, актами преодоления и восполнения пробелов законодательной воли...» [9, с. 63]. Далее профессор В. В. Лазарев отмечает: «Суд ведет поиск и фиксирует результаты в рамках закона и на основе закона. По общему правилу — не вопреки закону. И только там, где суд приходит к выводу о несоответствии закона праву или пробельности закона, появляются возможности для творческого поиска. Во-первых, суд может вынести решение исходя из прямого действия Конституции. Во-вторых, в случае сомнений в конституционности нормы закона суд может обратиться в Конституционный Суд и искать право в его решениях. В-третьих, суд может искать обоснование предполагаемого решения в судебных актах (прежде всего в актах высших судебных инстанций). В-четвертых, суд ищет право непосредственно в жизненных реалиях в ракурсе собственных идей-

ных и эмоциональных переживаний. Суд всегда рассчитывает на то, что его поиск получит надлежащую легитимацию» [9, с. 67].

Для уяснения содержания уголовно-процессуальных норм суды, равно как иные правоприменители, наряду с правовыми позициями Верховного Суда РФ обращаются к судебным актам (постановлениям, определениям) Конституционного Суда РФ. УПК РФ неоднократно претерпел изменения в связи с тем, что Конституционный Суд РФ выразил свои правовые позиции относительно его норм (установив их неконституционность, выявив их конституционно-правовой смысл). На некоторых из них, думается, необходимо остановиться подробнее.

Первым судебным актом Конституционного Суда РФ, которым были внесены изменения в УПК РФ, и веховым по своему содержанию, является постановление от 8 декабря 2003 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан», которым фактически восстановлен институт дополнительного расследования, об «уничтожении» которого так ратовали «реформаторы» уголовного процесса либерального толка.

Конституционный Суд РФ, будучи на страже защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, отстаивая справедливость, признав конституционной ч. 1 ст. 237 УПК РФ, установил, что содержащиеся в ней положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования не исключают правомочия суда по ходатайству стороны или по собственной инициативе возратить дело прокурору для устранения препятствий к его рассмотрению судом во всех случаях, когда в досудебном производстве были допущены существенные нарушения закона, не устранимые в судебном производстве, если возвращение дела не связано с восполнением неполноты проведенного дознания или предварительного следствия. Кроме того, не противоречащими Конституции РФ признаны взаимосвязанные положения чч. 7 и 8 ст. 246 и п. 2 ст. 254 УПК РФ, поскольку по их конституционно-правовому смыслу в системе норм предполагается, что полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения, влекущий прекращение уголовного дела, равно как и из-

³ Постановления Пленума Верховного Суда РФ: от 20 декабря 2011 г. № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора»; от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве»; от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»; от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства)»; от 13 октября 2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу»; от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» и др.

менение государственным обвинителем обвинения в сторону смягчения должны быть мотивированы со ссылкой на предусмотренные законом основания, а вынесение судом решения, обусловленного соответствующей позицией государственного обвинителя, допустимо лишь по завершении исследования значимых для этого материалов дела и заслушивания мнений участников судебного заседания со стороны обвинения и защиты, и что законность, обоснованность и справедливость такого решения возможно проверить в вышестоящем суде.

В последующем, в развитие этой правовой позиции Конституционный Суд РФ в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б. Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» признал положения ч. 1 ст. 237 УПК РФ не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее ст. ст. 10, 17 (ч. 1), 19 (чч. 1 и 2), 21 (ч. 1), 45, 46 (чч. 1 и 2), 55 (ч. 3), 118 (чч. 1 и 2) и 120 (ч. 1), в той мере, в какой эти положения в системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с ч. 2 ст. 252 УПК РФ, исключающей в судебном разбирательстве возможность изменения обвинения в сторону, ухудшающую положение подсудимого, препятствуют самостоятельному и независимому выбору судом подлежащих применению норм уголовного закона в случаях, когда он приходит к выводу, что фактические обстоятельства, изложенные в обвинительном заключении, обвинительном акте или обвинительном постановлении, свидетельствуют о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления либо когда в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства им установлены обстоятельства, являющиеся основанием для квалификации деяния как более тяжкого преступления. Тем самым Конституционный Суд РФ фактически восстановил возможность суда самостоятельно, без оглядки на позиции тяжущихся сторон уголовного судопроизводства, устранить несправедливость предъявленного «заниженного» обвинения, а по сути — невозможность осуществить справедливое правосудие.

В свою очередь постановлением от 14 ноября 2017 г. № 28-П «По делу о проверке конституционно-

сти отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина М. И. Бондаренко» определен процессуальный статус прокурора при рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда, признав ч. 5 ст. 135 и ч. 6 ст. 399 УПК РФ не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования содержащиеся в них положения, допуская участие прокурора в судебном заседании при рассмотрении требования реабилитированного лица о возмещении имущественного вреда, причиненного ему в связи с незаконным или необоснованным уголовным преследованием, предполагают, что он не выступает в этой процедуре в качестве процессуального оппонента (противника) реабилитированного, а обеспечивает доведение до суда необходимых для решения вопроса о возмещении такого вреда сведений.

Кроме того, этим же постановлением Конституционный Суд РФ, по сути, породил самостоятельное особое контрольно-судебное производство⁴ по получению разрешения суда на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (ныне регламентируемое ст. 214¹ УПК РФ), указав, что впредь до внесения в УПК РФ изменений, вытекающих из данного постановления, отмена или изменение в обычном порядке постановления о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования по основаниям, влекущим ухудшение положения реабилитированного лица, допускается в срок, не превышающий одного года со дня его вынесения; по прошествии года постановление о прекращении уголовного дела либо уголовного преследования может быть отменено только судом по заявлению прокурора (по правилам ст. 165 УПК РФ) или потерпевшего (по правилам ст. 125 УПК РФ) с обязательным предоставлением лицу, уголовное преследование которого было прекращено, и (или) его представителю возможности участия в судебном заседании.

В последующем высший судебный орган конституционного контроля еще не раз обращался к вопросам разрешения процессуального статуса как самого лица, в отношении которого прекращается уголовное преследование (дело) по нереабилитирующим основаниям в целом, так и его имущественных прав⁵.

⁴ Относительно правовой природы и сущности судебной деятельности, предусмотренной ст. 214¹ УПК РФ, одним из первых высказался В. В. Николук [10].

⁵ Постановления от 7 марта 2017 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 81 и статьи 401⁶ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами гражданина А. Е. Певзнера»; от 19 мая 2022 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 24 и части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. В. Новкунского»; от 18 июля 2022 г. № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта «в» части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова».

Конституционный Суд РФ не оставил без внимания и защиту прав реабилитированного, расширив его процессуальные возможности по восстановлению ущемленных в ходе уголовного преследования прав, свобод и законных интересов. Постановлением от 12 октября 2021 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности абзаца третьего статьи 220 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, части пятой статьи 135 и части первой статьи 138 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. С. Пермякова» признал не противоречащими Конституции РФ абзац 3 ст. 220 ГПК РФ, ч. 5 ст. 135 и ч. 1 ст. 138 УПК РФ как позволяющие реабилитированному заявлять требования о возмещении заработной платы, не полученной им в результате незаконного или необоснованного уголовного преследования, в порядке гражданского судопроизводства, если они не были разрешены по существу в порядке уголовного судопроизводства, а также как позволяющие судам, рассматривающим дело в порядке уголовного судопроизводства, принимать решение об оставлении спорного требования без рассмотрения в целях наиболее эффективной защиты прав реабилитированного, если они усматривают наличие такого спора о праве или о фактических обстоятельствах, который необходимо разрешить не в процедуре гл. 18 УПК РФ, а в рамках гражданского процесса.

Значимо для исследования и постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2022 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности статьи 242 и частей первой и третьей статьи 255 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А. С. Мамонтова», которым признано наличие одновременно с основным производством по уголовному делу параллельных ему — особых контрольных производств. Так, указанным постановлением ст. 242 и чч. 1 и 3 ст. 255 УПК РФ признаны не противоречащими Конституции РФ, поскольку они позволяют, если разрешение вопроса о продлении срока содержания под стражей не терпит отлагательства, а осуществление его судьей (составом суда), в чьем производстве находится уголовное дело, объективно невозможно, принять решение о продлении срока содержания под стражей (об отмене или изменении данной меры пресечения) единолично иному судье того же суда, определенному в соответствии с установленным законом принципом распределения дел, по результатам изучения материалов уголовного дела, исследования в условиях устности и непосредственности представленных сторонами обвинения и защиты доказательств, подтверждающих наличие или отсутствие оснований для применения данной меры пресечения.

В очередной раз обращая внимание на нормы уголовно-процессуального закона, позволяющие не начинать уголовное преследование, Конституционный Суд РФ в постановлении от 15 июня 2021 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова» указал, что отказ в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием в деянии состава преступления возможен только при условии предварительного установления наличия и совершения конкретным лицом самого общественно опасного деяния, содержащего объективные признаки преступления; законность и обоснованность выбора основания для отказа в возбуждении уголовного дела подлежат судебной проверке по жалобе заинтересованного лица в предусмотренном ст. 125 УПК РФ порядке с учетом всех имеющихся в материалах фактов, на основании которых принималось соответствующее решение, обстоятельств, влияющих на вывод о наличии фактических и правовых оснований для отказа в возбуждении уголовного дела по тому или иному основанию, и позиций сторон.

Примером взаимного учета правовых позиций, выработанных высшими судами, может служить постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю. Ю. Кавалерова», из которого следует, что, разрешая вопрос о конституционности положений УПК РФ относительно обеспечения права подозреваемого, обвиняемого защищать свои права с помощью назначенного или выбранного им самим защитника в части определения наличия злоупотребления правом на защиту, Конституционный Суд РФ исходит из критериев, выработанных судебной практикой, ссылаясь на постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» (п. 18).

В свою очередь в подпункте «б» п. 2 уже упомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 указано, что суд, разрешая дело, применяет непосредственно Конституцию, в частности, когда Конституционным Судом РФ выявлен пробел в правовом регулировании либо когда пробел образовался в связи с признанием не соответствующими Конституции нормативного правового акта или его отдельных положений с учетом порядка, сроков и особенностей исполнения решения Конституционного Суда РФ, если они в нем указаны.

В постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения

судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» указывается на учет Пленумом Верховного Суда РФ при выработке собственных правовых позиций правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Кроме того, постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 25 «О направлении в Конституционный Суд Российской Федерации ходатайства о разъяснении пункта 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П» демонстрирует непосредственное взаимодействие Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ по вопросам уголовного судопроизводства. Так, Пленум Верховного Суда РФ, учитывая, что решение Конституционного Суда РФ может быть официально разъяснено только им самим, а также исходя из целей обеспечения верховенства права, его правильного и единообразного применения судами, в том числе с учетом правовых позиций Конституционного Суда РФ, попросил его разъяснить п. 5 резолютивной части постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 г. № 3-П в части возможности назначения наказания в виде смертной казни после введения судов с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации.

По верному замечанию Х. И. Гаджиева, судебное правотворчество как важная составляющая правосудия представляет собой самую мобильную часть права и придает ему динамику и современное звучание; судебное усмотрение не является больше побочным эффектом несовершенства правовой нормы, а служит необходимым и незаменимым инструментом для интеграции внутренне несовершенного законодательства; судебное правотворчество заключается и в совершенствовании, и в завершении процесса формирования правовой нормы [11, с. 69–77].

Исходя из буквального содержания ст. 1 УПК РФ «Законы, определяющие порядок уголовного судопроизводства», правоприменитель должен руководствоваться исключительно нормативными правовыми актами, прежде всего — УПК РФ, основанными на Конституции РФ. Однако именно последнее указание не только предполагает, но и обязывает: прежде чем определить необходимую для применения норму уголовно-процессуального закона, а в последующем ее применить, проверить на предмет установления ее истинного смысла, в том числе смысла конституционного. Кроме того, такой же проверке подлежит и сложившаяся практика правоприменения, прида-

ваемый ею нормам уголовно-процессуального закона смысл. Все это требуется для того, чтобы достичь в ходе правоприменения искомую и требуемую законность. Ввиду чего правоприменитель не в состоянии обойтись исключительно собственным пониманием содержания правовых норм и ему требуется прибегнуть к дополнительным — фактическим — источникам права, коими и являются постановления и определения Конституционного Суда РФ, постановления Пленума Верховного Суда РФ, а также утвержденные Президиумом Верховного Суда РФ обзоры практики применения тех или иных правовых положений. И здесь следует выразить солидарность с В. В. Момотовым в том, что судебная практика как элемент механизма правового регулирования вносит определенность в правовые отношения и в их содержание, играет незаменимую роль в развитии законодательства [6, с. 15]. Развивая эту мысль, некоторые авторы высказывают суждения о необходимости определения на законодательном уровне правового статуса, роли и иерархии содержащихся в обозначенной судебной практике положений, направленных на устранение пробельности и коллизий в праве как источников права [6, с. 15, 31]. В свою очередь именно как источники права А. С. Таран рассматривает решения Конституционного Суда РФ и постановления Пленума Верховного Суда РФ [12, с. 68–89]. Кроме того, А. А. Климов считает целесообразным предоставить судам легальную возможность ссылаться на официально опубликованные решения высших судебных органов, для чего дополнить ст. ст. 305, 307 УПК РФ соответствующими положениями [8].

Заметим, что подобное фактически было предпринято Высшим Арбитражным Судом РФ, который в постановлении от 23 июля 2009 г. № 62 «О внесении дополнений в пункт 61.9 главы 12 Регламента арбитражных судов Российской Федерации» революционно установил, что арбитражным судам следует иметь в виду, что со дня размещения постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ в полном объеме на сайте Высшего Арбитражного Суда РФ практика применения законодательства, на положениях которого основано данное постановление, для них считается определенной; аналогичные правила применяются при установлении даты, когда считается определенной практика применения законодательства по вопросам, разъяснения по которым содержатся в постановлениях Пленума и информационных письмах Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ.

Безусловно, судебные органы не должны подменять собой законодательную власть, однако в ситуации правового вакуума или недостаточной определенности, противоречивости правовых норм, а возможно и нецелесообразного правового регулирова-

ния именно они, прежде всего Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ как субъекты правового общения, во имя правопорядка, который и есть реализованная законность, обеспечивая социальную ценность права [13, с. 414–415, 424–426, 427–439, 468–470, 473–475], должны действовать на упреждение возможных социальных конфликтов или же разрешение уже существующих.

В заключение отметим, что законность в уголовном процессе возможна, когда одновременно достигнуто наличие достаточной (оптимальной), беспробельной, бесколлизийной нормативной правовой базы (обладающей свойством динамизма), позволяющей эффективно регулировать уголовно-процессуальные отношения, а также эффективно-го механизма восполнения достаточности (оптимальности) правового регулирования уголовно-процессуальных отношений (поскольку в результате развития социальных отношений могут возникать пробелы и коллизии) путем толкования права (в том

числе, применения аналогии) — формирование Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ соответствующих правовых позиций. Кроме того, требуется единообразное понимание уголовно-процессуальных норм субъектами уголовно-процессуальных отношений и такое же их единообразное применение, что должно обеспечиваться действенным механизмом правового реагирования на отклоняющееся поведение, а также сформированной внутренней правовой культурой; неукоснительное соблюдение, исполнение, использование и применение участниками уголовного процесса (в зависимости от их процессуального статуса) правовых норм и правовых позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, при исключении злоупотребления правом, т. е. результат реализации уголовно-процессуального права.

Таким образом, в настоящее время законность в уголовном процессе — это не столько его принцип, сколько цель-максима, искомое состояние.

Список источников

1. Зорькин В. Д. Россия и Конституция в XXI веке: 2-е изд., доп. М., 2008.
2. Анишина В. И. Конституционные принципы как основа самостоятельности судебной власти : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006.
3. Рябцева Е. В. Взаимодействие Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации как высших органов судебной власти в РФ // Российский судья. 2022. № 6.
4. Романова Н. Л., Каландаришвили Х. А., Дашиева А. Д. Роль Верховного Суда Российской Федерации в отправлении правосудия по уголовным делам в условиях глобальных вызовов современности // Российское правосудие. 2023. № 3.
5. Борисов Г. А. Роль верховных судов в формировании единообразной судебной практики: тенденции на постсоветском пространстве // Российское правосудие. 2023. № 4.
6. Момотов В. В. Судебное правоприменение и правотворчество в современном российском правопорядке // Российская юстиция. 2022. № 12.
7. Сидоренко М. В. Постановления Пленума Верховного Суда в системе обеспечения определенности российского уголовно-процессуального права // Уголовное право. 2016. № 5.
8. Климов А. А. Значение постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации для восполнения пробелов в уголовно-процессуальном праве // Администратор суда. 2019. № 1.
9. Лазарев В. В. Поиск права судом // Российская юстиция. 2022. № 12.
10. Николюк В. В. Судебный порядок получения разрешения на отмену постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования (п. 13 ч. 2 ст. 29, ч. 11 ст. 214, ст. 214¹ УПК России) // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 1.
11. Гаджиев Х. И. Судебное правотворчество как вклад судей в развитие права // Российская юстиция. 2022. № 12.
12. Таран А. С. Уголовно-процессуальное право. Актуальные проблемы теории и практики : учебник для магистров / под ред. В. А. Лазаревой, А. А. Тарасова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2013.
13. Проблемы общей теории права и государства : учебник / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. 2-е изд., пересмотр. М., 2022.

УДК 351.74:342.7

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-49-53

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Правовые позиции международных органов по вопросам применения силы в ходе проведения специальных полицейских операций и их влияние на национальное законодательство

Игорь Викторович Слышалов

кандидат юридических наук, доцент,

заместитель начальника кафедры деятельности органов внутренних дел в особых условиях¹, ✉ 8913967@gmail.com

Евгений Эдуардович Андреев

кандидат педагогических наук, начальник кафедры профессиональной служебной подготовки²,

✉ andreev.3u@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия),

² Дальневосточный юридический институт МВД России (Хабаровск, Россия)

Исследуются вопросы, связанные с проведением специальных полицейских операций. Дано их понятие, определено отличие от специальных военных операций. Рассмотрены проблемы применения силы в ходе проведения данных операций и обеспечения прав и свобод граждан. Изучены отдельные правовые позиции Комитета ООН по правам человека по вопросам оценки правомерности действий правоохранительных органов при проведении силовых мероприятий, применения оружия нелетального действия. Внесены предложения по изменению Федерального закона «О полиции».

Ключевые слова: специальная полицейская операция, права и свободы граждан, международное право, оружие нелетального действия, правомерность, национальное законодательство

Для цитирования: Слышалов И. В., Андреев Е. Э. Правовые позиции международных органов по вопросам применения силы в ходе проведения специальных полицейских операций и их влияние на национальное законодательство // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 49–53.

Legal Positions of International bodies on the Use of Force in Special Police Operations and their Impact on National Legislation

Igor V. Slyshalov

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Deputy-Chief of the chair of Law Enforcement bodies' Activity in Special Conditions¹, ✉ 8913967@gmail.com

Evgeny E. Andreev

Candidate of Science (in Pedagogy), Chief of the chair of Professional Service Training², ✉ andreev.3u@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia),

² Far Eastern Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs (Khabarovsk, Russia)

Under study are the issues related to special police operations. Their concept is given, their difference from special military operations being defined. The problems of using force in the course of these operations and ensuring the rights and freedoms of citizens are considered. The authors examine some legal positions of the UN Committee on Human Rights on the issues of assessing the legality of law enforcement bodies' actions in the course of force operations and the use of non-lethal weapons and make proposals concerning amendments to the Federal Law «On Police».

Keywords: special police operation, rights and freedoms of citizens, international law, non-lethal weapons, legality, national legislation

Citation: Slyshalov I. V., Andreev E. E. Legal Positions of International bodies on the Use of Force in Special Police Operations and their Impact on National Legislation. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 49–53 (In Russ.).

Специальные полицейские операции (далее — СПО) являются особым способом действий подразделений полиции. В большинстве случаев они характеризуются высокой динамикой событий, привлечением значительного количества сил и средств правоохрани-

тельных органов, интенсивностью и разнообразием их действий, наличием силовой фазы операции и активным применением мер государственного принуждения, необходимостью принятия сложных управленческих решений в условиях риска и неопределенности.

В научной литературе специальную полицейскую операцию определяют как «совокупность согласованных по цели, месту и времени специальных мероприятий и тактических действий, проводимых органами внутренних дел в чрезвычайной обстановке в целях обеспечения (восстановления) общественной безопасности» [1, с. 39].

Специальные полицейские операции необходимо отделять от специальных военных операций [2, с. 2–12]. Принципиальное отличие состоит в целях проведения (для СПО этими целями являются розыск и задержание вооруженных и иных особо опасных преступников, освобождение заложников, пресечение массовых беспорядков и т. д.) и субъектах проведения операции (в СПО задействованы силы и средства органов внутренних дел во взаимодействии с другими правоохранительными структурами).

В связи с особым характером проводимых мероприятий вероятность ограничения прав и свобод граждан в ходе СПО значительно более высока, чем при осуществлении иных видов полицейской деятельности. При этом соблюдение и уважение прав и свобод человека и гражданина признаются одним из основных принципов деятельности полиции, одновременно выступая в качестве формы реализации конституционного предписания, в соответствии с которым человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ). О необходимости соблюдения прав и свобод граждан неоднократно высказывался Президент России В. В. Путин. Так, выступая на X Всероссийском съезде судей, состоявшемся 29 ноября 2022 г., он отметил, что «права и свободы наших граждан гарантированы Конституцией: они незыблемы, мы никогда не должны об этом забывать¹».

В этих условиях важно выполнять задачи СПО в строгом соответствии с нормами действующего законодательства, предотвращать чрезмерные и неадекватные сложившейся ситуации ограничения прав граждан, не допускать необоснованного применения сотрудниками полиции силы [3, с. 32].

Согласно Конституции Российской Федерации общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 15). В ходе консти-

туционной реформы 2020 г. была обновлена ст. 79 Конституции РФ. Согласно действующей редакции Конституции Российская Федерация может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Несмотря на выход России в 2022 г. из Совета Европы и последующую денонсацию Конвенции о защите прав человека и основных свобод², Россия продолжает быть частью международного правового пространства, так как сохраняет присутствие в различных международных органах, действующих, в том числе, в сфере защиты прав и свобод человека. В связи с этим мы разделяем мнение авторов, полагающих необходимым изучение отсылок к авторитетным международным позициям [4, с. 37–42], поскольку это создает условия для корректировки отдельных элементов национальной правовой системы.

В связи с этим представляется полезным изучение международного опыта формулирования правовых позиций по делам, связанным с применением силы в ходе специальных полицейских операций.

Одной из старейших международных организаций, действующих в рассматриваемой сфере, является Комитет ООН по правам человека. За время своей работы он неоднократно сталкивался с необходимостью оценки правомерности действий правоохранительных органов стран-участниц при проведении силовых мероприятий. Анализ практики Комитета ООН по правам человека позволяет назвать некоторые общие правовые позиции, сформулированные им в ходе своей работы.

1. Необходимость соблюдения международных стандартов в области проведения СПО.

Все операции сотрудников правоохранительных органов следует проводить с соблюдением соответствующих международных стандартов, включая Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка³ и Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка⁴. Сотрудники правоохранительных органов должны проходить надлежащую подготовку, направленную на внедрение этих стандартов, чтобы при любых обстоятельствах обеспечить соблюдение права на жизнь в самом полном объеме.

¹ Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/69949> (дата обращения: 20.03.2023).

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2, ст. 163.

³ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 20.03.2023).

⁴ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/firearms.shtml (дата обращения: 20.03.2023).

2. Масштабы действия не могут превышать масштабы противодействия.

При любых обстоятельствах масштабы применения силы, которые могут на законных основаниях использоваться при проведении ареста, в значительной степени зависят от вида преступления, но общее правило заключается в том, что масштабы применяемой силы не могут превышать масштабы сопротивления⁵.

Требование в отношении соразмерности устанавливает максимальный уровень применения силы, основанный на угрозе, создаваемой лицом, против которого оно направлено. Это субъективная оценка соотношения вреда и пользы, требующая, чтобы возможный вред в результате применения силы был пропорционален предполагаемой пользе и оправдан по отношению к ней⁶.

3. Создание условий для недопущения произвольного лишения жизни со стороны сотрудников правоохранительных органов.

Государством должны быть приняты все необходимые меры для предотвращения произвольного лишения жизни со стороны сотрудников правоохранительных органов, которым поручается выполнение задач по поддержанию правопорядка.

Эти меры включают:

- принятие соответствующего законодательства по контролю за применением смертоносной силы сотрудниками правоохранительных органов;
- обеспечение надлежащего планирования действий правоохранительных органов в соответствии с необходимостью минимизации рисков для жизни людей;
- обязательное информирование, рассмотрение и расследование в связи с инцидентами со смертельным исходом и другими угрожающими жизни инцидентами.

4. Приоритет оружия нелетального действия.

Предоставление полицейским силам менее опасных средств и надлежащих средств защиты, чтобы устранить необходимость применения ими смертоносной силы.

Рассмотрению вопросов, связанных с ограничением возможностей применения огнестрельного оружия летального действия или отказа от его применения при проведении СПО, Комитет ООН по правам человека уделяет значительное внимание. Так, отмечается, что государствам-участникам сле-

дует обеспечивать, чтобы менее смертоносное оружие, несмотря на свою предпочтительность перед более смертоносным оружием, подлежало строгим независимым испытаниям, оценке и мониторингу воздействия на право на жизнь, включая такие его виды, как устройства, вызывающие электро-мускульный шок (тазеры), резиновые или пенные пули и другие боеприпасы с ослабленной энергией поражения, которые предназначены для применения или фактически применяются сотрудниками правоохранительных органов, выполняющими задачи по поддержанию правопорядка. Применение такого оружия должно ограничиваться сотрудниками правоохранительных органов, которые прошли соответствующую подготовку, и должно строго регулироваться в соответствии с применимыми международными стандартами, включая Основные принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка.

Помимо этого, менее смертоносное оружие должно использоваться только при соблюдении строгих требований в отношении необходимости и пропорциональности в ситуациях, в которых другие, менее опасные меры оказались или являются неэффективными в плане устранения угрозы. Государства-участники должны прибегать к применению менее смертоносных видов оружия в ситуациях борьбы с массовыми беспорядками, которые можно урегулировать с помощью менее опасных средств, особенно в ситуациях, связанных с осуществлением права на мирные собрания.

Оценивая приведенные международные рекомендации в области проведения СПО и соотнося их с принципами деятельности полиции, закрепленными в ст. 3 Федерального закона «О полиции» (далее — Закон о полиции), следует отметить, что большая их часть нашла закрепление в национальном полицейском законодательстве. Так, статьи 18 и 19 Закона о полиции содержат основные положения, определяющие возможность и порядок применения силы сотрудниками полиции, в том числе нормы о надлежащей подготовке, соразмерности причиняемого вреда и обязательном информировании. При планировании специальных полицейских операций, которое осуществляется в соответствии с Наставлением об организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации при возникновении

⁵ Доклад Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, о праве на жизнь и применении силы частными охраняемыми предприятиями в контексте правоохранительной деятельности (6 мая 2016 г.). URL: <https://www.ohchr.org> (дата обращения: 20.03.2023).

⁶ Совместный доклад Специального докладчика по вопросу о правах на свободу мирных собраний и свободу ассоциаций и Специального докладчика по вопросу о внесудебных казнях, казнях без надлежащего судебного разбирательства или произвольных казнях, о надлежащем управлении собраниями (4 февраля 2016 г.). URL: <https://www.ohchr.org> (дата обращения: 20.03.2023).

чрезвычайных обстоятельств (чрезвычайных ситуаций)⁷, обеспечивается и задача минимизации рисков для жизни и здоровья граждан.

Пока рано говорить о том, что приоритет оружия нелетального действия рассматривается российской правоохранительной системой в качестве способа минимизации вреда, который может быть причинен в ходе проведения СПО. Более того, с 2011 г. действует нормативное предписание, закрепленное в ст. 18 Закона о полиции, в соответствии с которым сотрудник полиции не имеет права применять оружие нелетального действия, не состоящее на вооружении органов внутренних дел, при наличии у него табельного огнестрельного оружия. Данное положение, на наш взгляд, является профессионально дискриминирующим, поскольку существенно ограничивает возможности сотрудника полиции по выбору средств силового воздействия, адекватных складывающейся обстановке. С. Ф. Милюков, А. В. Никуленко в своей научной работе справедливо отмечают, анализируя содержание данной статьи, что в результате «правовой статус полицейского серьезно ущемлен по сравнению с прочими лицами, оказавшимися в состоянии необходимой обороны, задержания преступника или крайней необходимости» [5, с. 44]. Как следствие, в сложных ситуациях вероятного огнестрельного контакта, характеризующихся быстротечностью и неопределенностью, сотрудники полиции вынуждены принимать непростые решения о применении или неприменении огнестрельного оружия на поражение.

Исследование, проведенное А. И. Каплуновым, свидетельствует, что практика применения огнестрельного оружия сотрудниками органов внутренних дел в Российской Федерации, начиная с 1994 г., приобрела устойчивую тенденцию к снижению, которая сохранилась и в настоящее время [6, с. 5–7]. Сотрудники полиции из года в год все реже и реже применяют огнестрельное оружие. И основную причину этого явления вряд ли стоит искать в улучшении криминогенной обстановки в Российской Федерации [7, с. 308]. По справедливому мнению К. А. Волкова, по-прежнему, имеют место нерешительность, боязнь или попросту нежелание сотрудников органов внутренних дел прибегнуть в надлежащих случаях к табельному оружию. Причины этого разные, в том числе неумение отдельных сотрудников быстро ориентироваться в экстремальных ситуациях и действовать тактически правильно [8, с. 82–83]. На нежелание сотрудников полиции применять огнестрельное оружие указывают в своих работах и другие авторы. Например, Ю. А. Бакина, А. А. Коньчев, А. А. Чебаев

считают, что сотрудники полиции, даже при наличии оснований, стараются стрелять в самых крайних случаях, часто они не в силах поступить в стрессовой ситуации быстро, правильно и законно, вместо этого полицейские начинают суетиться, медлить, нервничать, а самое главное — начинают сомневаться в правильности своих действий [9, с. 38–42].

В связи с этим полагаем, что в ситуациях, связанных с необходимостью применения оружия, расширение спектра возможностей по выбору типа оружия и устранение запрета на применение оружия, не состоящего на вооружении органов внутренних дел, при наличии табельного огнестрельного оружия, безусловно, будет способствовать более правомерному и безопасному выполнению задач полицейской деятельности.

Рассматриваемый запрет противоречит правовым позициям международных органов по вопросам проведения специальных полицейских операций и создает потенциальные риски неправомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции в ситуациях, когда достижение целей специальной операции возможно иными средствами.

Считаем, что положения ст. 18 Закона о полиции в той части, в которой они не предоставляют сотруднику полиции возможности выбора между летальным и нелетальным оружием, подлежат пересмотру. Для этого предлагаем внести изменения в данную статью, изложив часть 3 в следующей редакции: *«3. В состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление, сотрудник полиции вправе использовать любые подручные средства, а также по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие».*

Кроме того, принцип приоритета оружия нелетального действия должен стать предметом научного изучения и дальнейшей оценки возможности его имплементации в национальную правовую систему.

Нами рассмотрены лишь некоторые правовые позиции Комитета ООН по правам человека по различным вопросам, возникающим в ходе проведения СПО. Несмотря на то что они носят преимущественно общий характер, их изучение позволяет сформировать представление об основных тенденциях развития представлений о формах и методах применения государственного принуждения в ходе проведения СПО, в связи с чем считаем их изучение перспективным направлением научного поиска.

⁷ Об организации деятельности органов внутренних дел Российской Федерации при возникновении чрезвычайных обстоятельств (чрезвычайных ситуаций) : приказ МВД РФ от 20 октября 2020 г. № 720дсп. Документ опубликован не был.

Список источников

1. Воронков Л. Ю., Муфаздалов С. И., Смушкин А. Б. Тактико-специальная подготовка. М., 2019.
2. Кудашкин А. В., Мельник Н. Н. Правовой режим специальных военных операций: сравнительно-правовой анализ // Право в Вооруженных Силах: военно-правовое обозрение. 2022. № 4(297).
3. Рудьман Д. С. Обеспечение органами внутренних дел прав человека при проведении контртеррористических операций : монография. М., 2017.
4. Болдырев В. А. Ссылки на правовые позиции Европейского суда по правам человека в российских судебных актах // Российский судья. 2022. № 3.
5. Милюков С., Никуленко А. Силовое противодействие преступному поведению: анализ модернизации нормативной базы // Уголовное право. 2012. № 6.
6. Каплунов А. И. Применение сотрудниками полиции огнестрельного оружия: законодательство, теория и практика: монография. СПб., 2018.
7. Ваньков А. В. Право и государство: теория и практика. 2019. № 12(180).
8. Волков К. А. Деятельность полиции по противодействию преступности: коллизии проблемы правового регулирования необходимой обороны и уголовно-правового задержания // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2.
9. Бакина Ю. А., Коньчев А. А., Чебаев А. А. Проблема правомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции при задержании лица, совершившего преступление // Проблемы профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов : мат-лы всероссийского круглого стола. Орел, 2018.

УДК340.13

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-54-58

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Толкование юридических норм-оговорок: теория, практика, техника

Юлия Андреевна Герасименко

аспирант кафедры теории и истории государства и права¹,

✉ Julia.tsikolenko@mail.ru

¹ Южно-Российский институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте Российской Федерации
(Ростов-на-Дону, Россия)

Феномен юридической нормы-оговорки как разновидности специальных правовых предписаний подвергнут осмыслению с позиции вариативности толкования волевого установления, содержащегося в ней. Основываясь на имеющихся в науке представлениях о сущности норм-оговорок, их целевом и функциональном назначении, автор аргументирует их отдельные сущностные качества как особенное правовое установление. С помощью лингвистического, формально-юридического подхода к восприятию нормативных оговорок установлены особенности их толкования. Делается вывод о прямой взаимосвязи качества толкования норм-оговорок с повышением эффективности последующего применения подобных специальных нормативных предписаний.

Ключевые слова: норма права, норма-оговорка, законодательство, толкование, юридическая техника

Для цитирования: Герасименко Ю. А. Толкование юридических норм-оговорок: теория, практика, техника // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 54–58.

Interpretation of Legal Norms-Reservations: Theory, Practice, Technique

Yulia A. Gerasimenko

Post-Graduate student of the chair of State and Law Theory and History¹,

✉ Julia.tsikolenko@mail.ru

¹ South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(Rostov-on-Don, Russia)

The phenomenon of legal norm-reservation as a kind of special legal prescriptions is considered from the position of variability of interpretation of the volitional establishment contained in it. Based on the ideas about the essence of norms-reservations available in science, their purpose and functions, the author argues their separate essential qualities as a special legal establishment. With the help of linguistic, formal-legal approach to the perception of normative reservations the peculiarities of their interpretation are defined. The conclusion made states that the quality of interpretation of normative reservations is directly related to the increased effectiveness of the subsequent application of such special normative prescriptions.

Keywords: legal norm, norm-reservation, legislation, interpretation, legal technique

Citation: Gerasimenko Yu. A. Interpretation of Legal Norms-Reservations: Theory, Practice, Technique. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No. 1(92). Pp. 54–58 (In Russ.).

Органы правотворчества Российского государства сегодня активно прибегают к использованию в тексте нормативного правового акта норм-оговорок. Редкий Федеральный закон, подзаконный нормативный правовой акт избежал подобного рода специального технико-юридического подхода к изложению правового предписания. Несмотря на весьма устоявшуюся систему использования норм-оговорок в законодательных актах, в юридической науке и правоприменительной практике отсутствует глубоко проработанная, методологически выстроенная концепция их интерпретации. Этот аспект, на наш взгляд, в большей степени и предопределяет все

недостатки и упущения в области последующей реализации предписаний с нормативной оговоркой. Научно выверенная, адаптированная к потребностям правовой политики интерпретация норм-оговорок имеет определяющее значение для последующей непротиворечивой правоприменительной деятельности органов публичной власти.

Полагаем, что для уяснения основных подходов к толкованию правовых норм-оговорок необходимо тезисно остановиться на их функциональной составляющей. Данный аспект предопределен тем, что, используя подобный нестандартный подход установления нормативного предписания, правотворческий

орган, по-видимому, преследует определенные цели. На этот счет в науке сложилось следующее представление.

А. Г. Репьев, например, позиционирует оговорку в качестве факультативного инструмента техники правотворчества с конкретизирующим свойством. В качестве функций оговорок в нормативном правовом акте им обозначены «дифференциация и индивидуализация правового регулирования, согласование интересов участников правоотношений» [1, с. 25].

Уважая позицию ученого и ряда других авторов о дифференцирующем потенциале норм-оговорок [2, с. 27], заметим, что, по нашему мнению, потенциал норм-оговорок значительно шире, вариативнее, разнообразнее. В частности, не только количественное обилие норм-оговорок в российском законодательстве, но и их качественная составляющая демонстрируют допустимость позиционирования в качестве полноценного инструмента правового регулирования. В качестве аргументации здесь можно указать на реализацию посредством норм-оговорок и общеохранительного воздействия на социальные отношения, и общедозволительного.

Разовьем данную мысль. Нередким явлением для отечественной правовой системы стало наличие нормативных правовых актов, в своем наименовании содержащих нормативную оговорку. Используя подобный прием, орган правотворчества изначально указывает на специализацию общественных отношений, демонстрируя не родовую, а видовую предмет правового регулирования. Между тем, обратившись к тексту подобного нормативного правового акта, мы сможем убедиться в широте подходов правового воздействия, поскольку установим и метод ограничительного регулирования, сочетающийся со стимулирующим, а кроме того, сможем убедиться в полноценном использовании потенциала иных средств регулирования: правовых поощрений, юридических ограничений, запретов и юридической ответственности.

Например, постановление Правительства РФ от 22 июня 2006 г. № 390 хотя содержательно и выполнено в рамках детализации, конкретизации родовых общественных отношений (вещевое обеспечение военнослужащих), но по своему функциональному назначению регулирует видовую разновидность данных отношений, а именно —

складывающихся в мирное время¹. При этом, образовавшись как совокупность норм-оговорок (предусматривающих юридические правила исключительно для мирного времени), по своей структуре и наполнению нормативный правовой акт логически непротиворечив, объемён, содержит соответствующий дефинитивный аппарат, механизм реализации правовых предписаний, гарантии их действия и пр.

Следовательно, ввиду наличия широкого функционального действия норм-оговорок, обладающих общерегулятивным потенциалом, особую значимость приобретает потребность формирования подходов к их толкованию для последующего правильного, адекватного, эффективного воплощения.

Интерпретация норм-оговорок тесно сопряжена с категорией «юридическая квалификация». Профессор А. Ф. Черданцев так писал об этом: «Будучи созданными на основе оценок, они (нормы права — прим. наше — Ю. Г.), в свою очередь, на следующем этапе <...> выступают уже в качестве оснований других оценок. Речь идет фактически о юридической квалификации» [3, с. 113].

Действительно, норма-оговорка (ее толкование и реализация) неминуемо связана с ценностным аспектом. Субъект интерпретации и воплощения в жизнь оговорки опирается на свою установку моральных и иных императивов, соотносит гипотезу и диспозицию нормы-оговорки с тем набором приоритетов, от которых, по его мнению, зависит верное воплощение предписания в жизнь. Так, в конце 2023 г. юридическое сообщество разделилось на две группы, а причиной тому стало рассмотрение судебными инстанциями споров относительно правомерности отсутствия работника по месту службы ввиду наличия «уважительных причин» (такую нормативную оговорку делает Трудовой кодекс Российской Федерации в пункте «а» ч. 6 ст. 81). Так, одни эксперты и представители органов правосудия полагают, что наличие сложных погодных условий и неблагоприятная метеорологическая обстановка являются достаточным основанием для отсутствия на работе более четырех часов², а другие были убеждены, что нормативная оговорка «без уважительных причин» на данные обстоятельства не распространяется³. Фактически в рамках данной ситуации мы можем наглядно наблюдать наличие

¹ О *вещевом* обеспечении в федеральных органах исполнительной власти и федеральных государственных органах, в которых федеральным законом предусмотрена военная служба, в мирное время : постановление Правительства РФ от 22 июня 2006 г. № 390 // Собрание законодательства РФ. 2006. № 27, ст. 2936; 2022. № 15, ст. 2514.

² *Определение* Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 12 августа 2019 г. № 5-КГ19-98. Здесь и далее, если не указано иное, доступ к нормативным правовым актам из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ *Апелляционное определение* Московского городского суда от 22 октября 2018 г. по делу № 33-45711/2018 ; *Шпаро М.* Для меня непогода никогда не стала бы уважительной причиной для опоздания на работу // Российская газета. 2024. 9 янв.

разнообразия ценностных установок, морально-нравственных императивов поведения субъектов и их оценок.

Относительно общей постановки вопроса прав Р. С. Кашанский, отмечая, что «оговорки часто становятся юридическим основанием принимаемого решения, в связи с чем подвергаются правовой оценке с точки зрения действительности и недействительности» [2, с. 29]. Однако мы данный процесс видим несколько в ином ракурсе. Все же юридическая квалификация не должна строиться на сугубо оценочном компоненте в значении соотношения нормы-оговорки с ценностями. Верно утверждение, что юридическая квалификация — это неаксиологическая оценка [4, с. 6].

В то же время юридическая практика знает немало примеров того, что при юридической квалификации деяния состав правонарушения наполняется оценочным суждением [5, с. 60–62]. Так, одним из оснований лишения родительских прав может быть жестокое обращение с ребенком, изложенное в законодательстве посредством оговорки «если» (ст. 69 СК РФ). Соответствующие действия, помимо семейной ответственности, могут быть квалифицированы как уголовно наказуемое деяние. При этом ни один из указанных федеральных кодифицированных нормативных правовых актов не наделяет качество «жестокость» в поведении родителя формально-юридическими признаками. Судебная практика, на наш взгляд, максимально сузила интерпретацию данного деяния, квалифицируя в виде жестокого обращения лишь насилие в отношении ребенка, включая покушение на половую неприкосновенность⁴.

Между тем признак «жестокость» имеет ярко выраженную отвлеченную (т. е. не формально-юридическую), оценочную характеристику. С точки зрения русского языка жестоким является суровый, бессердечный, безжалостный человек [6, с. 218]. Чувства жалости, сострадания, милосердия, которые в идеале должны быть присущи родителю, — категории нравственно-этические, дающие представление о поведении человека с позиции добра и зла. Следовательно, логичным будет утверждение, что юридическая квалификация есть сочетание аксиологической и неаксиологической оценки. Убеждены, что для эффективной реализации нормы-оговорки интерпретатор должен стремиться к сбалансированности такого подхода. Это обусловлено тем, что законодатель осознанно наделяет отдельные положения нормативных предписаний моральным, нравствен-

ным содержанием, давая посыл правоприменителю по сочетанию социальных и правовых норм в регулировании поведения граждан. Без этических установок воздействие на такие сферы общественных отношений, как образование, воспитание, культура, искусство и многие другие, представляется малоэффективным.

Немаловажным упущением при интерпретации норм-оговорок является не только затухание аксиологической составляющей, но и последующая практика применения предписания с дополнением или изъятием. Так, в качестве одного из дефектов интерпретации можно указать создание барьеров, препятствий для реализации прав и законных интересов участников общественных отношений. Прав А. Г. Репьев, отмечая, что нормы-оговорки, предусматривающие диспозитивный вариант регулирования общественных отношений, не могут и не должны толковаться субъектами правоприменения в качестве императивного предписания [7, с. 14]. Действительно, такое специфическое и характерное качество нормативных установлений, содержащих оговорки, как возникновение ввиду не только закономерностей развития общества и государства, что определено усложнением общественных отношений и их юридической природой как правил поведения, но и вследствие объективных законов природы, факторов окружающей среды, естественных условий проживания, обуславливает необходимость их адекватной интерпретации. Нормы-оговорки закладываются законодательными органами для расширения сферы правового усмотрения, учета наличия неординарных жизненных ситуаций, требующих индивидуализированного подхода.

Например, нормы-оговорки в трудовом законодательстве часто ориентируются на лексику «как правило», предполагающую обращение правоприменителя к устоявшемуся порядку регулирования данной сферы, что не исключает учета особых обстоятельств общественных отношений, их характера, условий, при которых они складываются. Верными в связи с этим признаны позиции судов первой и апелляционной инстанции, рассматривающих спор о признании работы в качестве сезонной. Норма Трудового кодекса РФ устанавливает, что таковыми могут быть признаны работы, по своей продолжительности не превышающие «как правило, шести месяцев». Данная оговорка отдельными работодателями интерпретировалась как императивная, ввиду чего трудовые договоры для выполнения любых работ (по своему характеру не являющихся се-

⁴ О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 44 // Российская газета. 2017. 20 нояб.

зонными) неправомерно заключались как срочные⁵. Однако здесь необходимо учитывать природу данной оговорки, направленной на учет специфических обстоятельств, а именно — невозможность установления условий выполнения трудовых обязанностей на неопределенный срок⁶.

Выделенные и показанные в работе дефекты интерпретации норм-оговорок, в том числе, детерминирующие правовые ошибки, актуализируют попытку предложить некоторые базовые приемы их понимания и последующего разъяснения. Придерживаясь их, правоприменитель сможет снизить рискогенность последующего воплощения в жизнь нормативных положений, обусловленных оговоркой. К названным приемам могут быть отнесены:

1) доскональное, научно выверенное и соотнесенное с практикой исследование тех исключительных случаев, нестандартных обстоятельств и иных казусов, на регулирование которых направлена норма-оговорка;

2) непротиворечивое соотнесение нормы-оговорки с корреспондирующим ему как по вертикали, так и по горизонтали предписанием. В первом случае речь идет о генеральном, базовом правовом установлении, а во втором — о положении законодательства, к которому при необходимости отсылает норма-оговорка;

3) формирование на основе предыдущих двух пунктов единообразной правовой позиции субъектов официального толкования относительно применения нормы-оговорки путем вынесения и издания акта официального толкования.

Предложенные приемы интерпретации норм-оговорок, как представляется, не являются панацеей в проблемном поиске адекватных, соответствующих потребностям общества и государства подходов к толкованию. Между тем стоит понимать не только творческий характер интерпретационной деятельности, ее зависимость от складывающейся политико-правовой обстановки, экономической ситуации, но и динамичность общественных отношений в целом. В связи с этим субъект интерпретации должен не только ориентироваться на апробированные ранее методики толкования, но и применять новые подходы, обращаться к правовому экспериментированию.

Резюмируя представленный материал, отметим, что:

— наличие в нормативных правовых актах предписаний с оговоркой является весьма рас-

пространенным явлением для отечественной правовой системы. Данный технико-юридический прием изначально указывает на специализацию общественных отношений, демонстрируя не родовую, а видовую предмет правового регулирования, желание органа правотворчества придать системе правовой регламентации более гибкий, вариативный характер;

— аргументированное в статье многообразие функционального действия норм-оговорок демонстрирует особую значимость формирования научно обоснованных подходов к их толкованию для последующего правильного, адекватного, эффективного правоприменения;

— толкование норм-оговорок должно сочетать в себе совокупность аксиологической и неаксиологической оценки, учет политических, экономических и иных факторов. Эффективная реализация норм-оговорок во многом зависит от искусства интерпретатора, который должен стремиться к сбалансированию средств и методов толкования. Поскольку законодатель осознанно наделяет отдельные положения нормативных предписаний моральным, нравственным содержанием, политической оценкой, давая посыл правоприменителю к сочетанию социальных и правовых норм в регулировании поведения граждан, толкование предписаний с оговоркой не может не соотноситься с реализуемой государством правовой политикой;

— ввиду вложения в процесс уяснения и разъяснения лексем «исключительные обстоятельства», «уважительные причины» и пр. нравственных регуляторов, акт толкования не может быть деидеологизированным. Сказанное позволяет выдвинуть тезис о толковании правовых предписаний с оговоркой в русле политической целесообразности. Однако данный аспект ни в коей мере не может подмывать такого основополагающего качества, как законность. И вот почему. Целесообразность правоприменительного процесса продиктована текущими и перспективными целями государственного строительства и совершенствования системы законодательства. Акты толкования права, содержащие разъяснения норм-оговорок открывают возможности познания наиболее эффективных путей правового регулирования, возможности для максимальной реализации прав и обязанностей субъектов, основанные при этом на пределах не только права, но и морали, нравственности и пр.

⁵ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с заключением трудового договора : утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 апреля 2022 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 6.

⁶ О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 (в ред. от 24 ноября 2015 г.) // Российская газета. 2006. 31 дек.

Список источников

1. Репьев А. Г. Конкретизация правовой нормы посредством технико-юридической оговорки (на примере словосочетания «в случае») // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 10.
2. Кашанский Р. С. Толкование правовых оговорок (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021.
3. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.
4. Чвялева Е. В. Теоретические проблемы юридической квалификации (понятие, структура, роль в правовом регулировании) : дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986.
5. Репьев А. Г. Оценочные категории в нормах законодательства (на примере положений о правовых преимуществах) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2018. № 2.
6. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., 2008.
7. Репьев А. Г. Нормы-оговорки как средства изъятия и дополнения в правовом регулировании // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1(65).

УДК 343.98

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-59-66

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Деятельность подразделений, специализировавшихся на раскрытии преступлений, в период становления абсолютизма при Петре I

Денис Александрович Васильченко

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-разыскной деятельности
органов внутренних дел¹,

✉ VDA.com@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Борьба за власть, которую пришлось выдержать Петру I, стрелецкий бунт, всеобъемлющая системная коррупция, предательство царевича Алексея Петровича, захлестывающая государство преступность — все это ясно показало Петру Великому, что основными способами противодействия рассматриваемым деяниям является создание специализированных подразделений, в компетенцию которых будет входить установление истины по совершенным преступлениям на профессиональной основе и формирование всеобщей системы осведомительства на территории Российской империи.

Ключевые слова: противоправная деятельность, установление истины, материальная заинтересованность, осведомительство, Канцелярия розыскных дел, Тайная канцелярия

Для цитирования: Васильченко Д. А. Деятельность подразделений, специализировавшихся на раскрытии преступлений, в период становления абсолютизма при Петре I // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 59–66.

Activity of Units Specializing in Crime Detection during period of Absolutism under Peter the Great

Denis A. Vasilchenko

Candidate of Science (in Law), Associate-Professor, Chief of the chair of Operational Crime Detection of Law Enforcement bodies¹,

✉ VDA.com@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

The struggle for power, which Peter I had to endure, the Streltsy rebellion, comprehensive systemic corruption, the betrayal of Tsarevitch Alexei Petrovich, crime overwhelming the state — all this clearly showed Peter the Great that the main ways to counteract the acts in question was the creation of specialized units, whose competence would include discovering the truth about the committed crimes on a professional basis, and the formation of a universal system of informing on the territory of the Russian Empire.

Keywords: unlawful activity, discovering the truth, material interest, informing, Chancellery of Investigative Affairs, Secret Chancellery

Citation: Vasilchenko D. A. Activity of Units Specializing in Crime Detection during period of Absolutism under Peter the Great. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 59–66 (In Russ.).

Законодательная деятельность Петра I в области совершенствования методики установления истины по совершенным противоправным деяниям была чрезвычайно интенсивной. В ходе проведенного исследования мы насчитали 392 указа, регламентирующих рассматриваемую методику. При этом многие

нормы, касающиеся установления истины по делу, содержались в общих правовых актах (инструкциях, наказах, регламентах и т. п.). Так, Генеральный регламент Петра I устанавливал: «<...> публичному месту быть, где в указное время все наказание на теле и лишение живота чинено быть имеет, дабы всяк, смотря

на то, от каких погрешений и преступлений себя мог охранить <...>» [1, с. 482–513].

Соборное Уложение 1649 г. довольно нечетко регламентировало составы совершаемых на территории Российской империи преступлений, методику установления истины по делу, а также особенности использования отдельными специализированными подразделениями формулы «Государево слово и дело» [2, с. 121–186]. Отметим, что разъяснение содержания рассматриваемой нами формулы было дано в Указе Сената в январе 1714 г., в котором говорилось: «Кто напишѣтъ или словѣсно скажѣтъ за собой Государѣво слово или дѣло, и тѣм людѣм вѣлено писать и сказать въ такихъ дѣлахъ, которые касаются о здравіи Царского величѣства, или къ Высокомонаршѣской чѣсти или вѣдают какой бунтъ или измѣну; а о прочихъ дѣлахъ <...> доносить кому надлѣжитъ, а в тѣх своихъ доношѣніяхъ писать имъ ежѣли на кого какия дѣла ведаютъ, сущую правду <...>» [3]. Указ был «сказанъ всѣнародно и кликанъ биричѣм во всѣхъ городахъ» [4].

Указом «О нечиненіи доносовъ, о подметныхъ письмахъ и о сожиганіи оныхъ при свидетѣляхъ на мѣстѣ от 25 Генваря 1715 г.» определялись три государственныхъ противоправныхъ деяния, при получении информации о которыхъ предписывалось незамедлительно начинать осуществлять поиск лиц, их совершивших. К такимъ преступлениямъ были отнесены: «1. О какомъ зломъ умыслѣ противъ пѣрсоны Его Вѣличѣства или измѣны. 2. О возмущеніи или бунтѣ. 3. О похищеніи казны» [5, с. 137–138].

Кроме того, в этом же указе вменялось в обязанность нашимъ предкамъ за определенное финансовое вознаграждение и без какого-либо страха осуществлять осведомительство о лицах, подготавливающих и совершающихъ противоправные деяния на территории нашего государства, невзирая на ихъ социальный статус и принадлежность к определенному классу или сословию. При этомъ особо акцентировалось внимание на томъ, что осведомительство — это не подлое, а высокое и благородное дело каждого истинного христианина и верного слуги своему государю и отечеству: «<...> а милость многимъ явно показана, а именно: Ларіону Елизарьеву <...> за доносъ на Цыклера и Соковнина и другихъ ихъ единомышленниковъ <...> какая милость показана, о томъ всѣмъ вѣдомо; къ тому же могутъ на всякъ часъ видѣть <...> которые непрестанно доносятъ не точію на подлыхъ, но и на самыя знатныя лица безъ всякой боязни; за что получаютъ награжденіе <...> изъ сего видѣть возможно, что нѣтъ въ доношеніяхъ никакой опасности; того для,

кто истинный Христіанинъ и вѣрный слуга своему Государю и отечеству, тотъ безъ всякаго сумнѣнія можетъ явно доносить словесно и письменно о нужныхъ и важныхъ дѣлахъ Самому Государю <...>» [5, с. 138].

Позднее в соответствии с Указом «О подачѣ доношеній по первымъ двумъ пунктамъ караульному офицеру для предоставленія Его Царскому Величеству, о донесеніи по прочимъ дѣламъ въ надлежащія судебныя мѣста, о писанія въ доношеніяхъ и челобитныхъ самой сущей правды и о сожиганіи подметныхъ писемъ при свидетеляхъ от 19 Генваря 1718 г.» в Российской империи устанавливалось, что ввиду большого количества полученных от населения как подтвердившихся, так и не подтвердившихся сведений о подготавливаемых и совершаемыхъ государственныхъ преступленияхъ Петромъ I принимается решение об уменьшении до 2 категорий рассматриваемыхъ противоправныхъ деяний, при получении информации о которыхъ, предписывалось незамедлительно начинать осуществлять поиск лиц, их совершивших, — это противоправная деятельность противъ Петра I и его окружения, а также организация народного возмущения (или бунта): «<...> не только о такихъ важныхъ, но и о бездѣльныхъ дѣлахъ <...> указомъ всѣмъ накрѣпко подтверждается, дабы о первыхъ двухъ пунктахъ доносили по прежнему указу караульному офицеру <...> а о третьемъ пунктѣ, о похищеніи казны, пока Его Величество будетъ на Москвѣ, подавали бѣ Маіору <...> Ушакову, а въ Петербургѣ Полковнику Кошелеву» [6, с. 531–532].

По отдельнымъ делам, особенно волновавшимъ Императора Всероссийского, Петр I сам отбирал надежныхъ людей (в подавляющемъ большинстве случаев из строевыхъ офицеровъ гвардии) и посылал для «розыскныхъ дѣлъ» в качестве лиц, устанавливающихъ истину по делу. Так, согласно результатамъ исследования, проведенного О. Е. Кутафинымъ, В. М. Лебедевымъ и Г. Ю. Семигинымъ, первое в истории нашего государства специализированное подразделение, в обязанности которого входило досудебное разбирательство по наиболее резонанснымъ уголовнымъ делам, было образовано Указомъ Петра I от 25 июля 1713 г. «Маеору от гвардіи Волконскому» [7] и получило название «Канцелярія розыскныхъ дѣлъ» [8, с. 120]. В данномъ Указе говорилось о том¹, что <...> князю М.И. Волконскому надлежало: «<...> ехать <...> к городу Архангельскому <...> вице-губернатора архангелогородского Курбатова, что он писал на обер-камисара Дмитрея Соловьева <...> за море покупного хлеба, которой он отпускал собою, противно указу <...> которыхъ <...> он осматривать не дал, та-

¹ Отметим, что в рассматриваемомъ указе идетъ речь об обращении вице-губернатора Архангельской губернии А. А. Курбатова к Петру I по фактамъ выявленных им злоупотреблений обер-комиссара Д. А. Соловьева. Первое такое обращение было направлено Петру I в феврале 1713 г. Более подр. см. [9, с. 378–383].

кож и о протчих ево <...> худых поступках, которые касаются к противности государственного интереса <...> розыскать имянно. I буде дойдет хто до пытки, i пытать, не дружа и не мстя никому и не опасаясь в том никово, как честному и доброму человеку надлежит. И как розыскано будет <...> которые тому делу будут виноваты, взять с собою и привести к нам въ Санкт-Питербурх <...>» [9, с. 74].

Не вдаваясь в подробности деятельности Канцелярии розыскных дѣл М. И. Волконского в Архангельской губернии, отметим только тот факт, что она оказалась провальной. В 1715 г. М. И. Волконского отозвали в г. Санкт-Петербург, год спустя отдали под суд и 9 декабря 1717 г. он был казнен: «въ 9-й декабря была кара Князь Михаилу Волконскому» [10, с. 36].

Вместе с тем Императора Всероссийского не смутила неудача архангельской кампании М. И. Волконского. Наоборот, Петр I бесповоротно утвердился в стремлении привлекать кадровых военных, офицеров к исполнению поручений по установлению истины в совершенных противоправных деяниях. Сказанное подтверждается Указом Петра I от 27 января 1716 г. «О поручении полковнику Кошелеву и дьяку Воронову произвести изслѣдование по дѣламъ Курбатова и Соловьева въ Архангельской губернии, а также и по ссорѣ Курбатова съ Волконскимъ»², в котором предписывалось: «Принять Вам дела Курбатова и Соловьева <...> и по оным свидетелствовать и розыскивать самую правду, не маня никому <...>» [11, с. 35].

В свою очередь окончательное решение о необходимости создания отдельных подразделений, осуществлявших установление истины по наиболее резонансным уголовным делам, Петр I принял в декабре 1717 г. после возвращения из двухлетнего путешествия по Европе. Так, 9 декабря 1717 г. в соответствии с Сенатским Указом «О бытии у розыскныхъ дѣлъ Гвардіи Штабъ и Оберъ-офицерамъ; о присылкѣ къ нимъ по требованіямъ ихъ для розыска разныхъ чиновъ людей и дѣлъ, и о дачѣ без задержанія на подводы прогонныхъ денегъ» определены: «къ розыскнымъ дѣламъ Господа офицеры, а именно: <...> Лейбъ-Гвардіи Подполковникъ Князь Петръ Князь Михайловъ сынъ Голицынъ; Лейбъ-Гвардіи Маіоры: Князь Григорій Князь Дмитріевъ сынъ Юсуповъ, Семенъ Андреевъ сынъ Салтыковъ», Михайло

Яковлевъ сынъ Волковъ, Иванъ сынъ Дмитріевъ, Мамоновъ-Полковникъ и Лейбъ-Гвардіи Капитанъ Герасимъ Ивановъ сынъ Кошелевъ» [6, с. 529].

Данные офицеры основали и возглавили шесть розыскных канцелярий на территории нашего государства. Согласно «доношения <...> маёора И. И. Дмитриева-Мамонова³ Сенату о кадровом и хозяйственном обеспечении розыскных канцелярий от 10 декабря 1717 года» для организации бесперебойной деятельности канцелярии требовались: «<...> 1. Дьяк и подъячии. 2. Чернил, бумаги, сургучу, свеч, дров, откуда получать. 3. Надобно в канцелярию для караула и посылок салдат. 4. Афицеров, которые определены к делам, надобно квартиры иметь близ канцелярии <...>» [13]. Показательно, что укомплектование розыскной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова служащим персоналом произошло в довольно короткие по тем временам сроки. Уже 6 января 1718 г. в канцелярии числились «ассесоры»: гвардии майор И. М. Лихарев, гвардии капитан Е. И. Пашков и гвардии поручик И. И. Бахметев, дьяк Н. Нечаев и 13 подъячих [14].

Всего, как удалось установить Д. О. Серову, в период с 1713 по 1720 гг. на территории нашего государства было учреждено 15 розыскных канцелярий. Кадровый состав данных канцелярий Петр I комплектовал исключительно из строевых офицеров гвардии. Из 39 лиц, бесспорно занимавших должности руководителей розыскных канцелярий, 37 являлись офицерами гвардии в званиях от подпоручика до подполковника. Из 19 лиц, возглавлявших канцелярии, звание майора имели в момент назначения семь человек, шестеро были гвардии капитанами, двое — гвардии подполковниками, один — капитан-поручиком и один — гвардии поручиком. Лишь двое руководителей канцелярий были гражданскими лицами, никогда не состоявшими на воинской службе [15, с. 48–52].

К сожалению, как показало проведенное исследование, общее количество раскрытых противоправных деяний «канцелярии розыскныхъ дѣлъ» подсчитать с точностью вряд ли когда-либо уже будет возможным, поскольку в начале 1737 г. весь архив розыскных канцелярий был размещен в «Сенатскомъ Московскомъ Архивѣ» и сгорел 29 мая 1737 г. в «Великом пожаре» в центре Москвы. Вместе с тем, по мнению В. И. Веретенникова, розыскные канцелярии достигли значительных результатов в противо-

² Отметим, что позже Петр I в данном Указе детализировал свои поручения гвардии полковнику Преображенского полка Г. И. Кошелеву и дьяку Ф. Д. Воронову: «<...> розыскать вам накрепко, правдою, не лицемеря <...> какая манна, взятки или иная правды <...> розыскивать всякими людьми, хто к тому приличен будет, какова б высокого рангу ни был <...> к сему розыску в ассесоры, также приказных людей сколько надобно, брать <...>».

³ Дмитриев-Мамонов Иван Ильич — гвардии майор Семеновского полка, глава одной из основанных 9 декабря 1717 года розыскных канцелярий. Канцелярия И. И. Дмитриева-Мамонова получила для раскрытия подборку уголовных дел, главным образом, по обвинениям должностных лиц сибирских губерний (в том числе дело Сибирского губернатора М. П. Гагарина). О деятельности розыскной канцелярии И. И. Дмитриева-Мамонова подробнее см. [12, с. 237].

действию преступности на территории Российской империи: «Въ это время они уже достигли большихъ размѣровъ: всѣ дѣла были переплетены въ 191 книгу» [16, с. 33]. Подобный вывод мы находим и в работе Д. О. Серова, который утверждает, что количество дел, раскрытых канцеляриями, исчислялось многими десятками. В результате деятельности розыскных канцелярий под следствием оказалось 12 из 30 губернаторов в первой четверти XVIII в. (40% состава губернаторского корпуса), а также 11 из 23 сенаторов того времени (48% состава) и т. д. [17, с. 47–63].

Несмотря на достигнутые результаты работы, 9 декабря 1723 г. Император Всероссийский своим Указом «О передачѣ, с января 1724 г., всѣхъ производящихся въ маюрскихъ канцеляріяхъ дѣлъ въ разныя мѣста, по принадлежности» упразднил рассматриваемые нами канцелярии: «<...> из маюрских канцелярей все дела отослать в Сенат и в коллеги, где которому быть пристойно. А по которым из оных дел надлежит на ком взять какие де нужные штрафы или доимку в сенатскую Ревизион-кантору, отдавать со учиненными ведомости и в том брать от судей реверсы <...>» [18].

В рассматриваемый период на территории нашего государства существовало еще одно специализированное учреждение, осуществлявшее установление истины по совершенным противоправным деяниям — это Тайная канцелярія или Канцелярія тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, основанное предположительно в 1718 г. и осуществлявшее свою профессиональную деятельность до 1762 г., а потом переименованное в Тайную Экспедицію при Сенатѣ, действовавшее до начала XVIII в. (далее — Канцелярія).

Отметим, что, к сожалению, источников, описывающих историю создания Тайной канцелярии, найти нам не представилось возможным, кроме нескольких отдельных точек зрения в статьях и монографиях, темой исследования которых были иные вопросы нашей истории. В частности, в наиболее ранней из них работе И. Иванова «Описание государственного архива старыхъ делъ» (1850 г.) указано: «Тайная канцелярія учреждена была Императоромъ Петромъ I-мъ по причинѣ случившихся въ 1718 году чрезвычайныхъ розыскныхъ дѣлъ, которыя и состояли <...> частью въ завѣдываніи князя Ромодановскаго, а другою графа Толстаго. Въ послѣдствіи времени именованъ Высочайшимъ указомъ 1726 года Мая 28, даннымъ на имя <...> Толстаго, велѣно быть этой Канцеляріи въ одномъ завѣдываніи <...> Ромодановскаго <...>» [19, с. 90–92].

Факт основания Тайной канцелярии в 1718 г. в своем исследовании подтверждает и В. И. Веретенников: «<...> Тайная Розыскныхъ Дѣлъ Канцелярія явилась въ 1718 году, образовалась из канцеляріи вѣдѣнія П. А. Толстаго <...> когда царевичевъ розыскъ, попавши въ руки Толстаго, превратилъ <...> канцелярію въ самую могучую изъ розыскныхъ канцеляріи «вѣдения» <...>» [16, с. 91].

Первыми руководителями Тайной Канцелярии, продолжает В. И. Веретенников, были четыре должностных лица: «<...> П. А. Толстой, <...> А. И. Ушаковъ, <...> Г. Г. Скорняковъ-Писаревъ и <...> И. И. Бутурлин <...> всѣ эти лица какъ бы сравнивались, ставъ во главѣ учрежденія и получивъ общее наименование „министры Тайной Канцеляріи“» [16, с. 131–159].

В 1718 г. официальные денежные расходы Канцелярии составляли более 5 тыс. 800 руб. в год. В сентябре 1732 г. в связи с расходом лимита выделенных денежных средств А. И. Ушаков попросил Сенат увеличить бюджет Канцелярии еще на 1 тыс. 300 руб. в год.

При этом отметим, что в исключительных случаях для установления истины по особо важным делам предусматривалось поступление в Канцелярию денежных средств сверх установленного бюджета. Так, в 1734 г. по Указу Императрицы Анны Иоанновны Сенату надлежало выдать Тайной Канцелярии тысячу рублей: «<...> для нѣкоторого нужнѣйшего дѣла...» [20]. В среднем в 1730-е гг. бюджет Канцелярии составлял примерно 1/10 часть суммы, которую выделяло руководство нашего государства на содержание всех органов местного управления России⁴ [21, с. 127–128].

Штатная численность Канцелярии, осуществлявшей непосредственное установление истины по делу, при Петре I составляла всего 19 человек, включая и руководителей данного подразделения, плюс к этому в Тайной канцелярии проходили службу еще 30 гвардейских солдат и сержантов и один офицер, в обязанности которых входило несение караула, проведение обысков и (выемок) у подозреваемых и обвиняемых, конвоирование задержанных, осуществление курьерской деятельности и т. д.

Согласно донесению А. И. Ушакова Кабинету министров в петербургской Канцелярии: «<...> въ 1736 г. <...> состояли: 1 секретарь, 3 канцеляриста, 4 подканцеляриста и 5 копіистовъ; всего — 13 человекъ «приказныхъ служителей». <...> Всѣ приказные получали жалованье; канцеляристы получали по 150 руб. въ годъ, <...> подканцеляристы и копіисты, конечно

⁴ Довольно интересные сведения о государственных расходах за 1734 г. нам удалось выявить в ходе проведения исследования. Все расходы государства на данный год составили чуть более 8 млн рублей. Почти весь бюджет расходов поглощался армией и флотом: на армию шло 5 278 000 руб., на флот — 1 200 000 руб. Остаток в чуть более 1,5 млн руб. распределялся на все прочие государственные потребности: на содержание двора шло 260 000 руб., на содержание всех органов местного управления 51 500 руб., на Петербургскую академию наук и на Морскую академию вместе выделялось 47 000 руб., на жалованье учителям средних школ вместе с геодезистами 4500 руб. и т. д.

меньше, а секретарь — около 400 рублей⁵ <...> всѣ <...> обязывались приходить на службу «въ седьмомъ часу утра», а уходить со службы «въ первомъ часу» ночи⁶ [22, с. 108].

Несмотря на довольно небольшое количество личного состава, проходящего службу в Тайной канцелярии, результаты работы ее сотрудников были довольно значительными. Согласно результатам исследования, проведенного Т. В. Черниковой, Канцелярией с 1718 по 1730 гг. было арестовано 10 512 человек, из них осуждено и наказано 4827 человек, в том числе к ссылке 820 [23, с. 46]. При этом 55% колодников (5685 человек), попавших в рассматриваемый период в Канцелярию, отпустили без наказания, так как выяснилось, что на них донесли ложно. Общее количество дел, рассмотренных Канцелярией в указанный промежуток времени, составило 1909, к так называемым политическим делам «по государеву слову и делу» относились 646 дел или всего 36% [24, с. 34].

К иным делам по установлению истины Канцелярией можно отнести 5 процессов по выявлению и привлечению к ответственности лжецаря, лжецаревичей и лжебояр. Однако проведенное нами исследование показало, что эти самозванцы не представляли собой никакой реальной опасности для руководства Российской империи [25]. Сторонников Елизаветы Петровны касалось 9 дел [26]. С недовольством иностранными гражданами связано 8 дел. В частности, к попытке воздействовать на судьбу наследования русского престола из-за границы можно отнести дело герцога де Фелари. Герцог привез в Россию условия, на которых герцог Мекленбургский, отец Анны Леопольдовны, племянницы Анны Иоанновны, соглашался на ее замужество с Антоном Брауншвейгским. Русской императрице не понравились озвученные условия, поэтому де Фелари был задержан сотрудниками Канцелярии, секретно помещен в один из московских домов, где, скорее всего, и скончался [26].

Проанализировав деятельность Канцелярии, С. М. Соловьев заключает, что сотрудники данного учреждения осуществляли установление истины более чем по сотне дел, связанных с убийствами, разбойными нападениями, казнокрадством, производом, взяточничеством и поджогами [27, с. 50–51].

Вместе с тем большинство лиц, задержанных и находящихся в Тайной канцелярии, проходили по

незначительным делам о «нѣпристойныхъ словахъ» и обсуждениях слухов и поэтому архив Канцелярии дает возможность представить нам совсем не страшную картину обыденного содержания подследственных в «свѣтлицахъ». Из анализа Журнала Тайной канцелярии мы узнаем, что солдатам, осуществлявшим караульную службу, разрешалось раздавать обвиняемым милостыню в виде продуктов питания, но категорически запрещалось передавать печатную продукцию. Так, солдат И. Козлов был наказан за то, что принес и передал подследственному «Великія Минеи Четіи» [28]. В Журнале Канцелярии систематически повторяются инструктажи, которые проводил лично А. И. Ушаков с караульными о том, что: «<...> стоять на карауле твѣрдо и разговоръ съ колодниками нѣ имѣть <...>» [29]. Данные неоднократные инструктажи, по нашему мнению, указывают на то, что солдаты его систематически нарушали.

В 1733 г. из Канцелярии произошел «побѣгъ». Копиист (переписчик) <...> К. Зыков, задержанный за ложный донос, был свободно отпущен солдатами за домашней пищей и в обозначенное время не успел вернуться. После его поимки караульных солдат, отпустивших обвиняемого, били в наказание «батогами нѣщадно». Самого К. Зыкова отстегали плетью и сослали в Сибирь на серебряные заводы [30, с. 58–59].

Однако, как показало проведенное нами исследование, деятельность Канцелярии формата 1718–1730 гг. значительно отличалась от последующих эпох. С 40-х по 70-е гг. XVIII в. сотрудниками Канцелярии в год осуществлялось установление истины в среднем по 1 тыс. 500 дел. В 1790-е гг. из-за политических карательных мер, проводимых Павлом I, количество дел, расследованных Канцелярией, увеличилось в два раза и составило более 2 тыс. 800 дел.

Стоит отметить, что основными методиками установления истины по делу, применяемыми Канцелярией в рассматриваемый период, были: 1) «розыскъ»⁷ (допросы с пытками) — битѣ кнутом⁸ на дыбѣ⁸; сжатіе пальцевъ рукъ и ногъ въ жѣлезныхъ тескахъ; вывертываніе рукъ, привязанныхъ къ хому-ту дыбы и вытягиваніе пытаемого за ноги, чтобы еще сильнѣе вывернуть руки; битѣ двумя или тремя горящими вѣниками по спине и сжатіе въ тискахъ (посредствомъ веревки) головы, — и затѣмъ на выбритое мѣсто на головѣ лили тонкой струей холодную

⁵ Согласно «Высочайше утвержденному доклад Сенат от 31 января 1731 г. «О дачѣ опредѣляемыхъ для пропитанія въ монастыри отставнымъ Штабъ и Оберъ-Офицерамъ и рядовымъ жалованья по приложенной табели противъ Московскаго гарнизоннаго оклада» это на 100 рублей превышало оклад армейского полковника.

⁶ Таким образом, рабочий день сотрудников Тайной канцелярии длился более 17 часов в сутки. Имелись ли выходные дни, к сожалению, установить не представилось возможным.

⁷ Поясним, что в ходе проведенного нами исследования было установлено, что в Тайной канцелярии допрос с применением пытки имел специальный термин «розыскъ», а непосредственно сам процесс допроса с пыткой обозначался глаголом «розыскивать».

⁸ Общее число ударов кнутом в ходе установления истины по делу практически всегда было более 10. Ни в одном источнике не встретили назначение более 70 ударов для одного обвиняемого. В подавляющем большинстве случаев назначалось от 10 до 30 ударов кнутом.

воду» [31]; 2) «допросы без пыток (очные ставки со свидѣтелями и доноситѣлями, распросъ, показания свидѣтелей)».

Вместе с «розыскомъ» и с допросами без пыток применялась также и иная вспомогательная методика установления истины по делу. В первую очередь это были обыски (либо выемки) у подозреваемых и обвиняемых. В большинстве случаев подканцеляристам и офицерам, а иногда солдатам и сержантам Тайной канцелярии, посылаемым для доставления в учреждение заподозренных в совершении противоправного деяния, вменялось в обязанности «<...> производство обыска съ опечатаніемъ подозрительныхъ вещей для ихъ препровождения въ Тайную Канцелярію <...> а иногда и помѣщения <...>» [32]. По Указу Петра I порутчику Я. Ледицкому и подканцеляристу С. Шурлову надлежало: «<...> прибывъ <...> на Васильевскій островъ <...> А. Д. Меншикова у бывшаго крестоваго попа (что нынѣ рострига) Никиты Терентьева дворъ его на помянутомъ острову подлѣ двора его свѣтлости деревянной, собравъ всякій багажъ, что есть, въ удобныя мѣста, запечатать и поставить караулъ, и о томъ въ Канцеляріи Тайныхъ Дѣлъ репортовать <...>» [33].

Если ни допросы, ни обыски (выемки), ни пытки не давали достаточно определенных сведений о виновности (либо о невиновности) конкретного лица в совершении противоправного деяния, то в соответствии с разработанной Канцелярией методикой обвиняемого сначала изнуляли пытками до предсмертного состояния⁹, а потом к нему, как ему казалось, для последней (предсмертной) исповеди призывался священник, которому заранее ставили задачу добиться признания в совершенном преступлении или получить исчерпывающие показания в отношении иных лиц [34].

Обратим особое внимание, что кроме рассматриваемых методов сотрудники Канцелярии для более успешного выявления лиц, планирующих либо совершающих противоправные деяния, «для болѣе успѣшнаго слѣдованія», стали первыми в истории правоохранительных органов нашего государства применять денежное вознаграждение за предоставление значимых для установления истины по делу сведений, «за правый доносъ». Точной денежной суммы таких вознаграждений не было. В подавляющем большинстве случаев она колебалась в пределах от 5 до 30 рублей и всегда зависела от важности предоставленной информации [35]. Так, в 1745 г. было выдано вознаграждение за «правый доносъ подпрапорщику Гр. Гладкову». Точно такие же выдачи последовали «по разсмотрѣнію

Тайной Канцеляріи 12 іюня 1751 г., 2 декабря 1752 г. и т. д.» [22, с. 104–105.]. Применяв мотив материальной заинтересованности в осуществлении осведомительства (отметим, что до данного момента предоставление значимых сведений было прямой обязанностью каждого гражданина государства) сотрудники Канцелярии создали еще одну методику установления истины по делу — негласную деятельность. Анализ имеющихся данных показал, что материальная заинтересованность в предоставлении значимой информации в Канцелярию довольно быстро стала приносить желаемый результат. Например, согласно экспертному мнению Т. В. Черниковой, в 1740–1790 гг. 90% всех дел по установлению истины сотрудниками Канцелярии стали возбуждаться по доносам частных лиц и только 10% по доношениям государственных органов [36, с. 214].

Таким образом, проанализировав деятельность подразделений, специализировавшихся на раскрытии преступлений в период становления абсолютизма при Петре I, можно сделать следующие выводы.

1. Первыми подразделениями в России, в компетенцию которых входило установление истины по делу на профессиональной основе, являлись Канцелярия розыскных дел и Тайная канцелярия. Эти учреждения выделялись из общей системы государственных органов.

2. Основными методами установления истины по делу, применяемыми сотрудниками специализированных подразделений, были допрос с пытками, очная ставка, распрос, показания свидетелей, обыск и выемка. Даже при незначительном кадровом составе данных учреждений результаты их деятельности были впечатляющими.

3. Петром I была предпринята первая в истории попытка создания всеобщей государственной системы осведомительства на территории Российской империи. Каждому жителю вменялось в обязанность без какого-либо страха предоставлять имеющуюся у него информацию о лицах, подготавливающих и совершивших противоправное деяние, невзирая на их социальный статус и принадлежность к определенному классу и сословию.

4. Сотрудники Тайной канцелярии первыми в истории правоохранительных органов нашего государства применили выдачу денежного вознаграждения за предоставление значимых сведений о лицах, подготавливающих или совершивших противоправные деяния, а также о готовящихся или совершенных преступлениях, создали новую методику установления истины по делу — негласную деятельность.

⁹ На основании проведенного нами исследования можно уверенно утверждать, что сотрудники Тайной канцелярии не имели задачи искалечить обвиняемого или довести его до смерти. Так, за первые 8 лет деятельности Канцелярии от пыток в ее стенах из более 10 000 обвиняемых умерло 7 человек.

В это же время Нижегородский отряд Сыскаго приказа довел пытками до смерти только за один 1733 г. 30 пойманных разбойников, а в 1735 г. — 56 разбойников.

Список источников

1. *Его Царского Величества Генеральный Регламентъ, или Устав, по которому Государственные Коллегіи, такожъ и всѣ оныхъ принадлежашіихъ къ нимъ канцеляреи и канторъ служители, не токмо во внѣшнихъ и внутреннихъ учрежденіяхъ, но и во отправленіи своего чина подданныѣше поступать имѣютъ : законъ от 28 февраля 1720 г.* // Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I: Редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники / под ред. и с предисл. Б. И. Сыромятникова. В 2 т. Т. 1 : Акты о высших государственных установлениях. М. — Л., 1945.
2. *Российское законодательство X–XX веков* / под общ. ред. О. И. Чистякова. В 9 т. М., 1984–1994 гг. Т. 3: Акты земских соборов / отв. ред. тома А. Г. Маньков. М., 1985.
3. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 848 и 935. Подлинники.*
4. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 880. Л. 6. Подлинник.*
5. *О нечиненіи доносовъ, о подметныхъ письмахъ и о сожиганіи оныхъ при свидетѣляхъ на мѣстѣ от 25 Генваря 1715 г.: указ Петра I* // Полное собраніе Законовъ Россійской имперіи, съ 1649 года: в 50 т. Собр. 1. Т. V. 1713-1719. СПб., 1830.
6. *Полное собраніе Законовъ Россійской имперіи, съ 1649 года. В 50 т. Собр. 1. Т. V. 1713-1719. СПб., 1830.*
7. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд. 1329. Именные указы. «Высочайшие» повеления Сенату (Коллекция). Опись 1. 1704-1917. Книга 27. Лист. 1. Подлинник.*
8. *Кутафин О.Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть в России: история, документы. В 6 т. Т. 2 : Период абсолютизма. М., 2003.*
9. *Письма и бумаги императора Петра Великого. В 13 т. Т. 13. Вып. 2. (14 июня-декабрь 1713 г.) / отв. ред. А. А. Преображенский. М., 2003.*
10. *Походный журнал 1717 года. СПб., 1855.*
11. *Архивъ Правительствующаго сената. В 2 т. Т. I : Опись именнымъ высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ царствованія императора Петра Великого. 1704-1725. Составилъ П. Барановъ. СПб., 1872.*
12. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов), гг. Петербург, Москва. Опись 2. Канцелярия Сената. Дела и приговоры Сената. Книга 51. Лист. 1. Подлинник.*
13. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Фонд 248. Сенат и его учреждения (объединение фондов), гг. Петербург, Москва. Опись 2. Канцелярия Сената. Дела и приговоры Сената. Книга 48. Лист. 399–400. Подлинник.*
14. *Бабич М. В. Государственные учреждения XVIII века: комиссии петровского времени. М., 2003.*
15. *Серов Д. О. Первые органы следствия России (1713–1723 гг.) // Российский следователь. 2014. № 14.*
16. *Веретенниковъ В. И. Исторія Тайной Канцеляріи Петровскаго времени. Харьковъ, 1910.*
17. *Серов Д. О. Высшие администраторы под судом Петра I: из истории уголовной юстиции России первой четверти XVIII в. // Известия Уральского государственного университета. 2005. № 39.*
18. *Российский государственный исторический архив (РГИА). Фонд 1329. Именные указы. «Высочайшие» повеления Сенату (Коллекция). Опись 1. 1704–1917. Книга 28. Лист 54. Подлинник.*
19. *Описаніе государственнаго архива старыхъ делъ, составленное Инспекторомъ государственныхъ архивовъ и Членомъ разныхъ ученыхъ обществъ П. Ивановымъ. М., 1850.*
20. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VIII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 269. Часть II. Подлинник.*
21. *Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны: изъ записокъ князя П. В. Долгорукова / переводъ съ французскаго С.М. 3-изданіе. М., 1911.*
22. *Веретенниковъ В. И. Изъ исторіи Тайной канцеляріи 1731-1762 г. Очерки. Харьковъ, 1911.*
23. *Черникова Т. В. Политические процессы 30-х гг. XVIII в. в России : дис. ... канд. истор. наук. М., 1989.*
24. *Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 6. Разряд VI. Уголовные дела по государственным преступлениям — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Д. 186, 187 и 192. Подлинники. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная*

экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 286. Подлинники. Фонд 349. Московская контора тайных розыскных дел, г. Москва. Д. 213. Подлинники.

25. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 291, 395, 416, 469, 502, 513, 551, 747, 750. Подлинники.

26. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 193. Подлинники.

27. Соловьев С. М. История России с древнейших времен: в 15 кн. / отв. ред. и авт. вступ. статьи Л.В. Черепнин. Кн. 10. Т. 19-20 / комм. С. М. Троицкого. М., 1963.

28. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 498. Л. 2. Подлинник.

29. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 498. Л. 8. Подлинник.

30. *Обрядъ* како обвиненный пытается // Русская Старина : ежемѣсячное историческое издание. 1873 г. Т. VIII. Всего 174 т. СПб., 1873.

31. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 354. Л. 10. Подлинник.

32. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 157. Л. 11. Подлинник.

33. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 7. Л. 43–45. Подлинник.

34. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 7. Разряд VIII. Преображенский приказ, Тайная канцелярия и Тайная экспедиция — (коллекция) Государственного архива Российской империи. Дело 103. Л. 78–80. Подлинник.

35. *Российский* государственный архив древних актов (РГАДА). Госархив. Фонд 6. Разряд VI. Уголовные дела по государственным преступлениям — (коллекция) Государственного архива Российской Империи. Д. 180. Л. 43–44. Подлинник.

36. Черникова Т.В. Документы Канцелярии тайных розыскных дел времен Анны Иоанновны // Люди и тексты. Исторический альманах. 2018. № 11.

УДК 340.112

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-67-70

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

Принципы права как фактор развития системы права в трудах российских юристов конца XIX — начала XX вв.

Алина Александровна Никитчик

преподаватель кафедры теории и истории права и государства¹,

✉ mamontova-97@mail.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

Совершенствование системы права и ее структурных элементов в отечественном правоведении конца XIX — начала XX вв. связывается с реализацией принципов права. В зависимости от сферы воздействия и функциональной роли мыслители различают общеправовые принципы, принципы правового регулирования и принципы отдельных отраслей права. Расширение предмета правового регулирования и возникновение новых отраслей обусловливается влиянием общеправовых принципов; принципы правового регулирования используются для структуризации правового материала по разделам, а принципы отдельных отраслей права — в целях сохранения системных связей и повышения качества правовой регламентации общественных отношений.

Ключевые слова: правопонимание, система права, отрасль права, принципы права, Б. Н. Чичерин

Для цитирования: Никитчик А. А. Принципы права как фактор развития системы права в трудах российских юристов конца XIX — начала XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 67–70.

Principles of Law as a Factor in the Development of the System of Law in the works of Russian Jurists of the late 19th — early 20th centuries

Alina A. Nikitchik

Lecturer at the chair of Law and State Theory and History¹,

✉ mamontova-97@mail.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

Improvement of the system of law and its structural elements in domestic jurisprudence of the late 19th — early 20th centuries is associated with the implementation of the principles of law. Depending on the sphere of influence and functional role thinkers distinguish general legal principles, principles of legal regulation and principles of separate branches of law. The expansion of the subject of legal regulation and the emergence of new branches of law are conditioned by the influence of general legal principles; principles of legal regulation are used to structure the legal material by sections, and principles of individual branches of law are employed in order to preserve system links and improve the quality of legal regulation of social relations.

Keywords: legal understanding, system of law, branch of law, principles of law, Chicherin B. N.

Citation: Nikitchik A. A. Principles of Law as a Factor in the Development of the System of Law in the works of Russian Jurists of the late 19th — early 20th centuries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 67–70 (In Russ.).

Научный интерес к проблемам структуризации правового материала обусловлен значением отраслевого строения системы права в механизмах правообразования и правового регулирования. Однако интеллектуальное наследие дореволюционных правоведов в обозначенном ракурсе остается вне поля зрения современного научного сообщества, поскольку отправной точкой в постижении права как многоуровневой отраслевой структуры, а равно — в исследовании принципов права, принято

считать процессы систематизации законодательства 30–40-х гг. минувшего столетия. Вместе с тем в юридической мысли конца XIX — начала XX вв. складывается понимание сложного внутреннего строения права, основанного на специфике регулируемых групп общественных отношений. Благоприятные условия для научного поиска были созданы в результате учреждения Университетского устава 1863 г., в котором закрепленный перечень кафедр юридического факультета («гражданское право и граждан-

ское судоустройство и судопроизводство», «уголовное право и уголовное судоустройство и судопроизводство», «полицейское право», «финансовое право» и другие) представлял юриспруденцию как совокупность знаний о праве, постигаемых на общетеоретическом и отраслевом уровнях.

Поднимая проблему структуризации правового материала, дореволюционные юристы сосредоточили внимание на двух ключевых аспектах: что следует принимать за критерий предполагаемой дифференциации и каким образом обеспечить эффективность правового регулирования в пределах развивающихся отраслей права. Поиск ответов на поставленные вопросы приводит к осмыслению преобразовательного потенциала принципов права, воспринятых в отечественном правоведении конца XIX — начала XX вв. как лейтмотив качественных изменений в системе права.

Сложность элементного состава системы права и многообразие структурных связей между правовыми нормами отражается в проводимом дореволюционными юристами разграничении принципов права в зависимости от области их регулятивного и созидательного воздействия.

В качестве идейной основы развития всей системы права мыслители рассматривают общеправовые принципы. Поскольку значительную часть научного сообщества привлекал вектор развития правовой политики, заданный либеральными реформами Александра II, наиболее развернуто в трудах российских правоведов раскрывается функциональная роль принципа гуманизма — нравственной идеи о незыблемой ценности человека, которая непременно должна лежать в основе всех государственно-правовых процессов.

Интенция к возвышению прав и свобод личности отчетливо прослеживается в работах ведущих представителей отечественной цивилистики С. А. Муромцева, И. А. Покровского и С. В. Пахмана. Названные мыслители позиционируют принцип гуманизма как преобразующее начало, признание которого влечет расширение предмета правового регулирования: если раньше гражданское право было сосредоточено на регламентации общественных отношений, возникающих по поводу благ, имеющих конкретную стоимостную оценку, то теперь в юридической защите нуждаются блага, ценность которых определяется их принадлежностью каждой личности как таковой [1, с. 235; 2, с. 17; 3, с. 309]. «Пренебрежение к духовным интересам является лишь психологическим отголоском старого времени. Рост духовной стороны человеческой жизни требует для этих интересов такого же признания, каким пользуются интересы имущественные», — подчеркивает И. А. Покровский [3, с. 117].

Более того, в контексте структурных изменений системы права общеправовые принципы рассматриваются в качестве фактора правообразования. Анализируя социальную дифференциацию российского общества сквозь призму принципов гуманизма и формального равенства, П. И. Новгородцев и И. А. Покровский настаивают на разработке специальных юридических норм, регламентирующих поддержку граждан, которые в силу объективных обстоятельств нуждаются в государственной защите. Тем самым правоведы на рубеже XIX–XX вв. закладывают основы формирования отрасли права социального обеспечения, самостоятельность которой была признана лишь в советский период.

Ранее проблема социального обеспечения поднималась в работах Б. Н. Чичерина, однако поиск способов ее разрешения мыслитель выносит за пределы правового регулирования [4, с. 267]. Критикуя позицию современника, П. И. Новгородцев подчеркивает, что признание так называемого принципа личности — прототипа принципа гуманизма — предполагает не только провозглашение личных прав и свобод, но и нивелирование препятствий в их реализации лицами, «страдающими от экономической зависимости, от недостатка средств, от неблагоприятно сложившихся обстоятельств» [5, с. 4–5]. «Задача и сущность права состоит действительно в охране личной свободы, но для осуществления этой цели необходима и забота о материальных условиях свободы: без этого свобода некоторых может оказаться пустым звуком, недостижимым благом, закрепленным за ними юридически и отнятым фактически», — заключает правовед [5, с. 6].

Резюмируя выводы П. И. Новгородцева, И. А. Покровский отмечает, что выделенное направление юридикации имеет не только общетеоретический, но и практический интерес, так как вопросы установления ответственности за невиновное причинение вреда и юридической защиты слабозащищенных категорий населения все чаще актуализируются в развивающихся гражданско-правовых отношениях. Однако прежде чем начать «работать», социальная функция должна быть осмыслена в качестве самостоятельного направления правовой политики государства, поскольку «вся область призрения представляет собой — с юридической точки зрения — совершенно особенную юридическую фигуру» [6, с. 25].

Следующий вид принципов, в отличие от принципов общеправовых, обусловлен связью с конкретным разделом системы права и имеет прикладной характер. Примечательно, что рефлексия авторов относительно начал, в соответствии с которыми должен осуществляться выбор юридических приемов и средств регламентации общественных отношений, предшествует постановке проблемы метода право-

вого регулирования и происходит в рамках поиска дополнительного критерия дифференциации правового материала [7, с. 32].

Согласно концепции Б. Н. Чичерина право является выражением свободы, однако правила ее реализации должны соответствовать особенностям тех общественных отношений, участником которых становится личность при совершении юридически значимых действий. «Это соответствие, — поясняет мыслитель, — выражается и во внутреннем расчленении юридического порядка... Мы видели, что свобода разделяется на внутреннюю, внешнюю и общественную. Соответствующее этому деление мы находим и в праве» [4, с. 88]. Внутренняя свобода касается чувственно-волевых аспектов поведения человека и исследуется, по мысли Б. Н. Чичерина, только при совершении противоправных посягательств. Выделение форм внешней и общественной свободы коррелирует с разграничением права на частное и публичное, при этом каждый из выделенных разделов обладает собственным набором принципов правового регулирования.

С позиции правоведа, господствующими в отраслях частного права являются начала индивидуализма, беспрепятственной реализации прав и равенства правовых возможностей. «Здесь человек представляется как свободное, самостоятельное лицо, которому присваивается известная область материальных отношений и которое состоит в определенных отношениях к другим таковым же лицам», — пишет Б. Н. Чичерин [4, с. 89]. В отраслях публичного права, напротив, ведущими принципами выступают приоритет общественных интересов и субординация, требующие четкого установления границ допустимой реализации личной свободы. «Как свободный член союза гражданин получает права, но непременно для этого условие заключается в способности понимать общественные интересы и действовать ввиду их. Признаки, которыми определяется способность, могут быть весьма разнообразны, смотря по местным и временным обстоятельствам; во всяком случае, их определение зависит от верховной власти, которая в установлении их руководствуется началом общественной пользы», — подчеркивает правовед [4, с. 90–91].

Логическое завершение данная мысль получает в рассуждениях И. А. Покровского: «Юриспруденция инстинктивно чувствует, что в основе различия лежит нечто не случайно-историческое, а глубоко принципиальное. Право, как известно, имеет своей общей целью регулирование междучеловеческих отношений. Но если мы присмотримся ближе к способам или приемам этого регулирования, то мы заметим крупное различие» [3, с. 38]. Правовое регулирование в публичном праве, считает мыслитель, основывается на принципе централизации, который заключается во всеобщем подчинении одной

руководящей воле — воле государственной власти, обладающей исключительными полномочиями по регламентации правового статуса субъектов и непосредственному вмешательству в разрешение возникающих конфликтов. Общественные отношения, входящие в область частного права, напротив, подлежат упорядочению по принципу децентрализации, где каждый из субъектов сам является «маленьким центром — самостоятельной социальной единицей», а государство выступает в роли органа, охраняющего реализацию индивидуальной воли [3, с. 39–40].

Раскрывая выделенные принципы, И. А. Покровский определяет содержание двух основных методов правового регулирования. Тезис о том, что «примем властного регулирования отношений из единого центра — принцип публичного права ... вносит легко обозримую определенность и планомерность во всю ту область жизни, к которой он применяется», отражает императивность правового воздействия в публично-правовых отношениях. «В свою очередь принцип юридической децентрализации, внося в соответствующую область общественной жизни известный элемент случайности и неопределенности, взамен вызывает наибольшее напряжение частной предприимчивости и энергии; если там эта последняя стимулируется принуждением, то здесь она стимулируется свободой и личным интересом», — пишет И. А. Покровский, разъясняя диспозитивность правового регулирования в отраслях частного права [3, с. 43–44].

Несмотря на то что рассуждения авторов не завершились разработкой дополнительного критерия структуризации правового материала, направление их мысли является достаточно прогрессивным: в советской юридической науке первая дискуссия о методе правового регулирования состоялась лишь в 1938–1940 гг. [8, с. 134].

Отдельное внимание дореволюционные юристы уделяют отраслевым принципам, цель которых состоит в установлении структурных связей внутри системы права.

Так, констатируя неоднозначность терминологического аппарата и наличие противоречий в определении содержания одних и тех же правовых институтов, С. В. Пахман призывает к разработке «общих начал и твердых точек опоры для правильного юридического анализа» [2, с. 4] в отрасли гражданского права. Преломляя содержание общеправовых принципов равенства, гуманизма и справедливости в соответствии со спецификой гражданско-правовых отношений, правовед в качестве таковых рассматривает беспрепятственную реализацию гражданских прав, неприкосновенность личности и имущества, судебную защиту и восстановление нарушенных законных интересов [2, с. 23–25]. «Вот и все основные положения, которые в значении „принципов“ следо-

вало бы, по нашему мнению, поместить в начало первой книги Гражданского уложения ... мы считаем внесение их в той или другой форме необходимым, так как, в противном случае, все остальные начала Уложения лишены были бы прочного фундамента», — заключает автор [2, с. 25].

Сходную позицию наблюдаем у В. М. Гессена. Он сосредоточен на критике отечественной административно-правовой политики, где приоритет государственной безопасности приводил к доминированию мер узкополицейского характера. Преодоление сложившейся ситуации мыслитель видит в признании «принципа содействия деятельности отдельных индивидов и свободных союзов» [9, с. 52], который сместит вектор развития общественных отношений в сфере внутреннего управления с нацеленности в сторону созидательной работы правительства. В предлагаемом отраслевом принципе с учетом специфики административно-правовых отношений находят воплощение общеправовые принципы гуманизма и демократизма: с одной стороны, перед каждой личностью открывается возможность беспрепятственной реализации своего потенциала, с другой — создается основа для солидарного участия граждан и властвующих субъектов в разрешении вопросов государственного значения. Наряду с изложенным, В. М. Гессен формулирует «принцип закономерного повиновения, — то есть повиновения единственно законным требованиям власти», который подчеркивает подзаконный характер актов административно-правового регулирования и ограничивает произвол со стороны властвующих субъектов.

Подход правоведов, при котором положения общеправовых принципов не просто транслируются на отдельные отрасли права, но и трансформируются в соответствии с особенностями правового регулирования выделенных групп общественных отношений, свидетельствует о рассмотрении отраслевых

принципов в качестве дополнительного критерия структуризации права. «Юридический принцип есть формула, обозначающая так или иначе известную группу правоотношений и соответствующих правоопределений», — пишет С. А. Муромцев [10, с. 86].

Таким образом, прогрессивное развитие отечественной системы права российские юристы конца XIX — начала XX вв. связывают с учреждением принципов права. Выделяемые правоведами направления их реализации в зависимости от области применения и выполняемой функции соответствуют классификации принципов права на общеправовые принципы, принципы правового регулирования и принципы отдельных отраслей права.

Основообразующая роль отводится общеправовым принципам, с влиянием которых мыслители связывают расширение предмета правового регулирования отдельных отраслей права (С. А. Муромцев, И. А. Покровский и С. В. Пахман), юридизацию общественных отношений (П. И. Новгородцев, И. А. Покровский) и формирование отраслевых принципов права (С. В. Пахман, В. М. Гессен). Выбор юридических приемов и способов упорядочения правоотношений авторы базируют на принципах правового регулирования: начала индивидуализма, беспрепятственной реализации прав и равенства правовых возможностей (согласно Б. Н. Чичерину) или принцип децентрализации (по И. А. Покровскому) определяют диспозитивность в частноправовых отраслях, а приоритет общественных интересов и субординация (принцип централизации) — императивность в отраслях публичного права.

Проведенный отечественными правоведами конца XIX — начала XX вв. анализ функционального назначения принципов права существенно ускорил процесс структуризации системы права и развития ее отдельных отраслей в последующий период нашей истории.

Список источников

1. Муромцев С. А. Определение и основное разделение права. М., 1879.
2. Пахман С. В. О значении личности в области гражданского права. СПб., 1883.
3. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. СПб., 1917.
4. Чичерин Б. Н. Собственность и государство. М., 1882. Ч. I.
5. Новгородцев П. И. О праве на существование // Социально-философские этюды П. И. Новгородцева, проф. Моск. ун-та и И. А. Покровского, проф. С.-Петербур. ун-та. СПб. — М., 1911.
6. Покровский И. А. Право на существование // Социально-философские этюды П. И. Новгородцева, И. А. Покровского. СПб. — М., 1911.
7. Уфимцева Е. В. Отраслеобразование в современном российском праве (доктринальные основы и критерии) : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2017.
8. Уфимцева Е. В. Развитие идей о критериях разграничения отраслей права в советской и современной юридической науке // Юридические исследования. 2015. № 4.
9. Гессен В. М. На рубеже : сборник статей. СПб., 1906.
10. Муромцев С. А. Очерки общей теории гражданского права. М., 1877.

УДК 343.1

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-71-76

5.1.4. Уголовно-правовые науки

Теория особых производств в уголовном процессе: методологические основы исследования

Любовь Андреевна Пупышева

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса¹,

✉ lyuba-shabalina@yandex.ru

¹ Омская академия МВД России (Омск, Россия)

22 июня 2022 г. в диссертационном совете Д 203.010.01, созданном на базе Омской академии МВД России, состоялась защита диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по специальности 12.00.09 — Уголовный процесс на тему «Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, в системе уголовного процесса», которую по праву можно считать этапом, логически завершающим исследование правового феномена «исполнение приговора» в российском уголовном процессе. Особый интерес вызвала выбранная методология исследования, позволившая квалифицировать производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора, как особое уголовно-процессуальное производство, что предопределило актуальность ее описания в рамках данной статьи.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, уголовно-процессуальное производство, стадия уголовного процесса, исполнение приговора, особое производство, методология исследования, методы исследования

Для цитирования: Пупышева Л. А. Теория особых производств в уголовном процессе: методологические основы исследования // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 71–76.

Theory of Special Proceedings in Criminal Procedure: Methodological Foundations of the Research

Lyubov A. Pupysheva

Doctor of Science (in Law), Associate-Professor, Professor at the chair of Criminal Procedure¹,

✉ lyuba-shabalina@yandex.ru

¹ the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs (Omsk, Russia)

On 22 June 2022 in the dissertation council D 203.010.01, created on the basis of the Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs, the defence of the dissertation for the degree of Doctor of Law in the specialty 12.00.09 — Criminal Procedure on the theme «Proceedings on consideration and resolution of issues related to the execution of the sentence in the system of criminal procedure» took place, which can rightly be considered a stage that logically completes the study of the legal phenomenon of «execution of the sentence» in the Russian criminal procedure. Of particular interest was the research methodology the author chose, which allowed her to qualify the proceedings on consideration and resolution of issues related to the execution of a sentence as a special criminal proceeding, which predetermined the relevance of its description within the framework of this article.

Keywords: criminal proceedings, criminal procedure, stage of the criminal trial, execution of sentence, special proceedings, research methodology, research methods

Citation: Pupysheva L. A. Theory of Special Proceedings in Criminal Procedure: Methodological Foundations of the Research. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 71–76 (In Russ.).

Актуальность заявленной темы определил правовая и доктринальный феномен «исполнение приговора». Предваряя описание выбранной для его исследования методологии, считаем необходимым сделать следующие замечания, касающиеся в первую

очередь степени научной разработанности проблем исполнения приговора в уголовно-процессуальной науке, а также их актуальности. В настоящее время можно констатировать кризисные явления в уголовно-процессуальной доктрине «стадия испол-

нения приговора», консолидировавшей на протяжении многих лет ученых-процессуалистов, проявляющих интерес к данной проблематике. Она (доктрина) перестала быть монолитной, «обросла» противоречиями. Приверженцы стадии исполнения приговора открыто стали отмечать ее необычность, своеобразие, обособленность по сравнению с другими стадиями производства по уголовному делу. При этом ее нетипичность связывается в основном со спецификой предмета доказывания и порядка рассмотрения судом вопросов исполнения наказания.

Плюрализм мнений о месте исполнения приговора в структуре уголовного судопроизводства проявился и в формировании в уголовно-процессуальной теории позиции, согласно которой исполнению приговора несвойственны, нехарактерны признаки стадии, понимаемой в теории и законодательстве (например, в ч. 2¹ ст. 281 УПК РФ) как этап развития уголовного дела [1].

Наиболее точно и оригинально уникальность данной стадии проиллюстрирована Л. В. Головки: «У стадии исполнения приговора нет и не может быть четко выраженного начала и окончания. В ее рамках нельзя даже выделить никакого одного итогового решения, что не только отличает данную стадию от остальных стадий, но и, строго говоря, плохо вписывается в общую теорию уголовно-процессуальных стадий, рассматривающую итоговое решение в качестве имманентного и конституирующего признака любой стадии уголовного судопроизводства» [2, с. 1251].

Вполне естественно, что при таком подходе еще в период действия УПК РСФСР 1960 г. стала проявляться позиция о наличии в системе уголовного процесса самостоятельного (особого) производства — производства по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с исполнением приговора. Данное научное направление получило частичное освещение в монографиях Т. Н. Добровольской [3] и Ю. К. Якимовича [4], а в 1989–1990 гг. оно было обстоятельно исследовано в докторской диссертации В. В. Николюка «Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР» [5], который ввел в научный оборот термин «уголовно-исполнительное судопроизводство». Большинство научных выводов и предложений, обоснованных В. В. Николюком, не потеряло своей актуальности и остается востребованным учеными и практиками. Однако за время, прошедшее с момента защиты указанного исследования (более 30 лет), существенным образом изменились условия правовой действительности: кардинально обновилось уголовное, уголовно-процессуальное, уголовно-исполнительное и иное законодательство (приняты новые кодифицированные акты), появились новые виды наказаний и иных мер уголовно-правового

характера, подверглась реформированию судебная система, а также система учреждений и органов, исполняющих наказания и многое другое.

После принятия и введения в действие УПК РФ на уровне докторских диссертаций и крупных монографических исследований процессуальные вопросы исполнения приговора изложены в работах А. А. Крымова [6] и В. И. Качалова [7]. Однако эти авторы придерживаются позиции о наличии в системе современного уголовного процесса «специфичной», «особой», «необычной» стадии — «исполнение приговора», в рамках которой судом рассматриваются и разрешаются соответствующие вопросы. Отметим, что данные исследования не учитывают принципиальных изменений и дополнений, сформулированных в относительно недавних разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, серьезно скорректировавших порядок рассмотрения судом вопросов исполнения приговора.

Несмотря на исключительно важное значение обеспечительно-пресекательных мер в виде задержания и заключения под стражу осужденного, использование которых и дает возможность проведения судебных заседаний по делам о замене наказания, данный правовой инструментарий не получил обстоятельного исследования в уголовно-процессуальной теории. Представители последней, резонно полагая, что задержание осужденных при исполнении приговора регламентируется нормами УИК РФ и является категорией уголовно-исполнительного права, не уделяли ей внимания при рассмотрении института задержания лиц по подозрению в совершении преступления. И только в последнее десятилетие в некоторых научных публикациях обозначены проблемы, касающиеся правовой природы задержания и заключения под стражу осужденных при исполнении приговора, порядка задержания и его соотношения с заключением под стражу осужденного [8; 9; 10].

Важным этапом проведения исследования стало участие автора в 2017–2018 гг. в составе рабочей группы по подготовке проекта постановления Пленума Верховного Суда РФ, предназначенного для корректировки разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам назначения и исполнения наказаний. Результаты изучения судебной практики применения законодательства об исполнении приговора в очередной раз убедили нас в том, что в уголовно-процессуальном законе не достигнут оптимальный уровень регламентации порядка уголовно-исполнительного судопроизводства. Это во многом объясняется тем, что производствам, предусмотренным гл. 47 УПК РФ, свойственны автономность от производства по уголовному делу, самостоятельная судебная процедура, в связи с чем они фактически являются особыми производствами в уголовном процессе. По-

этому возможности распространения на них норм УПК РФ, регламентирующих досудебное и судебное производство по уголовному делу и норм уголовно-исполнительного права ограничены.

Из-за законодательных пробелов, коллизий норм УИК РФ и УПК РФ суды уже в течение длительного периода (который смело можно отсчитывать с момента принятия УПК РФ 2001 г.) испытывают определенные трудности при осуществлении данной формы уголовного правосудия. Наиболее заметны они в делах о замене на более строгое назначенного осужденному наказания, отмене условного осуждения. Принимаемые в этих случаях решения, с точки зрения степени ограничения прав осужденного, равнозначны для него новому приговору. Однако в УПК РФ, несмотря на внесение в гл. 47 более 50 изменений и дополнений посредством принятия двух десятков федеральных законов, регламент рассмотрения таких дел, включая особенности применения к осужденному мер принуждения в виде задержания и заключения под стражу, прописан поверхностно.

В практике исполнения наказаний образовалась уникальная для российского права и противоречащая основам правосудия процессуальная конструкция признания факта отбытия осужденным наказания с освобождением его из-под стражи без рассмотрения судом по существу представления о его замене, когда срок заключения под стражу, установленный судом на основании п. 18 ст. 397 УПК РФ с учетом срока оставшейся неотбытой части наказания, истек еще до даты судебного заседания, назначенного для рассмотрения вопроса о замене наказания.

Из-за пробелов нормативного регулирования фактически блокируется действие принципа заменяемости наказаний в отношении злостно уклоняющихся от исполнения приговора несовершеннолетних, указанных в ч. 6 ст. 88 УК РФ.

В условиях неопределенности правового регулирования и, как следствие, наличия в практике множества проблемных ситуаций, их существования на протяжении многих лет, связи судебных решений с ограничением свободы осужденного большая ответственность по оптимизации правосудия, трансформировавшегося в ходе исполнения приговора в «квазиправосудие», приближению его к позициям Конституционного Суда РФ ложится не только на законодателя, Верховный Суд РФ, но и на юридическую науку.

Однако на всех уровнях (теоретическом, законодательном, прикладном) указанная категория дел явно недооценена в контексте влияния на реализацию назначения уголовного судопроизводства. Как показывают научные исследования, проведенные нами лично или с нашим участием, задержание

и заключение под стражу осужденных происходит «вне правового поля», на основе применения норм УПК РФ по аналогии, подкрепленного (МВД России и ФСИН России) далеко не бесспорным ведомственным регулированием. Соответствующая деятельность характеризуется многообразием, отсутствием единства даже в пределах одного субъекта РФ.

Специфика заключения под стражу осужденного при исполнении приговора, безусловно, предполагает дополнительную, самостоятельную по отношению к ст. ст. 108–109 УПК РФ регламентацию, чему должна предшествовать разработка соответствующей теоретической модели.

Вопросы специфики уголовно-процессуальной деятельности, связанной с исполнением приговора, определения ее места в системе уголовного судопроизводства отличаются повышенной сложностью и дискуссионностью, признаются одними из наименее разработанных в теории уголовного процесса. Вместе с тем по мере развития законодательства об исполнении приговора, формулирования Конституционным Судом РФ и Верховным Судом РФ ряда правовых позиций, связанных с применением норм гл. 47 УПК РФ, «раздвоением» процессуальной формы замены на более строгое назначенного осужденному наказания и отмены условного осуждения, когда часть таких вопросов разрешается судом в отсутствие осужденного, вызвали необходимость возвращения к, казалось бы, устоявшимся подходам к пониманию исполнения приговора как одной из стадий уголовного процесса. Перед научным сообществом ясно обозначились следующие проблемные ситуации, не получившие до сих пор ясной трактовки.

1. Может ли указанная часть уголовного процесса, условно именуемая «исполнение приговора» и характеризующаяся как не имеющая границ, являющаяся прерывистой, возникающая факультативно, своеобразными процессуальными очагами в ходе или даже по завершении исполнения наказания, не вписывающаяся в общую теорию процессуальных стадий, находиться вне системы уголовно-процессуальных стадий?

2. Если да, то какое место в структуре уголовного процесса занимает уголовно-процессуальная деятельность, объединяющая группу самостоятельных судебно-исполнительных производств, указанных в главе 47 УПК РФ?

3. Возможно ли найти компромисс между противоречивой и доминировавшей длительное время в уголовно-процессуальной теории точкой зрения, рассматривающей исполнение приговора в системе стадий производства по уголовному делу, и концепциями «исполнение приговора — стадия особого рода», «исполнение приговора —

особое производство в уголовном процессе, функционально встроенное в сферу исполнения обвинительного приговора?»

Очевидно, что назрела необходимость дополнительной интерпретации феномена «исполнение приговора» с учетом современных условий. Для этого потребовался новый доктринальный подход к исследованию особенностей и специфики уголовно-процессуальной деятельности по исполнению приговора — контекст ее переосмысления. Например, характеристику стадийности уголовного процесса неоправданно и незаметно переместили на страницы учебников и учебных пособий, придав ей значение одного из учебных вопросов, хотя она должна иметь статус институциональных проблем уголовно-процессуальной науки. Переосмысление должно было произойти и в части отказа законодателя от понятия «приведение приговора в исполнение», который во многом определял облик концептуализировавшейся еще в 60-х гг. прошлого века стадии исполнения приговора и по инерции продолжает фигурировать в отдельных литературных источниках.

Указанные обстоятельства обусловили выбор методологической основы диссертационного исследования, которую образовали положения общей теории гуманитарной науки, общей теории права и процессуальных правовых отраслей. Исходным был тезис о закономерном формировании по аналогии с гражданским и арбитражным процессом особых производств в рамках уголовного процесса, что служит выражением диалектического единства указанных отраслей права.

В ходе исследования в зависимости от вида решаемых задач применялись общенаучные методы: логический, исторический, анализа, синтеза, системно-структурный. Они позволили объяснить сложную структуру уголовного процесса, нормативно объединяющую различные виды обычных, усложненных, упрощенных производств по уголовному делу, особых производств, функциональная самостоятельность и стадийность которых детерминирована их назначением.

Исторический метод позволил проследить генезис формирования доктрины «стадия исполнения приговора», возникновения и разрастания внутри нее противоречий, зарождения альтернативной теории «исполнение приговора — особое производство в уголовном процессе».

С помощью частнонаучных методов (формально-юридического, сравнительно-правового, толкования или юридической интерпретации правовых норм, моделирования): изучены законодательные решения ряда стран в части регламентации особых уголовно-процессуальных производств; определено соотно-

шение основного, промежуточных и особых производств; показана трансформация понятия «стадия уголовного судопроизводства» как сугубо доктринальной конструкции в правовую, получившую выражение в УПК РФ; разработаны система модельных уголовно-процессуальных норм и проекты постановлений Пленума Верховного Суда РФ, призванных устранить многочисленные лакуны в законодательстве об исполнении приговора, унифицировать судебную практику.

Методы конкретных социологических исследований способствовали получению и использованию практических материалов, отражающих результаты уголовно-процессуальной деятельности в сфере исполнения приговора и указывающих на ее устойчивые проблемы, что помогло расставить приоритеты в научных исследованиях уголовно-исполнительного судопроизводства.

Новая методология исследования проблем исполнения приговора напрашивалась и с учетом мультиисточникового характера правового регулирования уголовно-исполнительного судопроизводства, где роль первой скрипки играют нормы УПК РФ, однако заметная роль отводится нормам УИК РФ, а также Закону «Об исполнительном производстве». Наглядно это демонстрируется на примере задержания и заключения под стражу осужденного, скрывшегося в целях уклонения от отбывания наказания, исполнения наказания в виде штрафа. Указанный фактор обусловил обращение к интегративному подходу, с помощью которого рассматривались понятия «система права» и «система законодательства», давалась оценка характеру регулируемых нормами УПК РФ и УИК РФ сходных правоотношений, обосновывалось расположение соответствующих норм в названных кодифицированных актах.

Для решения ключевых задач диссертационного исследования, замыкающихся на понятии «особые производства в уголовном процессе», требовалась новая, нетрадиционная методология научного поиска. В какой-то момент мы стали понимать, что уголовно-процессуальная наука не в полной мере использует достижения общей теории права, а также цивилистических процессуальных наук об особых производствах. Положения и предложения, сформулированные процессуалистами в своих работах по проблеме «особые уголовно-процессуальные производства», представляют несомненный интерес. Однако большинство из них спорны, порой не имеют под собой убедительной научной доказательственной базы. Во многом это объясняется тем, что соответствующие исследования феномена «особое производство» ведутся в отрыве от разработок в области общей теории права и отраслевых юридических наук.

Для целей формирования позиции по вопросам понятия, содержания и видах особых уголовно-процессуальных производств мы уделили более пристальное внимание отраслевым решениям законодателя и основным положениям доктрины особого производства в гражданском, арбитражном и административном процессах [11–13].

Мы убедились в том, что в каждой процессуальной правовой отрасли история становления особых производств индивидуальна. Вместе с тем проявляются и закономерности: прочная связь с нормами материального права; структурное обособление специальных процессуальных норм внутри законодательства; расширение перечня дел особого производства; закрепление общих положений, применяемых ко всем делам особого производства; подключение к рассмотрению отдельных гражданских дел особого производства АПК РФ, вследствие чего институт или правовое образование «особое производство» становится межотраслевым.

С помощью примененной методологии были установлены важность первостепенной разработки критериев выделения особых производств в уголовном процессе, понимания механизма их взаимодействия с основным производством, практического значения и способов нормативного выражения в структуре действующего УПК РФ. Указанный подход во многом и позволил предложить четыре универсальных критерия выделения особых производств в уголовном процессе, которые вошли в перечень положений, вынесенных на защиту: особым производствам как экстраординарным процедурам свойственны такие предмет уголовно-процессуальной деятельности и регулируемые правоотношения, которые обладают индивидуальными особенностями, заключающимися в том, что, во-первых, они направлены на достижение правового результата путем отправления правосудия (наряду с правосудием по уголовным делам), во-вторых, исключают возможность их праворегулирования только общими правилами уголовного судопроизводства, в-третьих, обуславливают введение в уголовный процесс специальных процедур, приспособленных для рассмотрения дел, относящихся к категории особых, в-четвертых, формируют специфичный субъектный состав процессуального производства.

Избранная методология исследования позволила разработать теоретическую концепцию «Исполнение приговора — особое производство в уголовном процессе России», суть которой состоит в следующем. Обоснованная теоретическая концепция объединяет комплекс институциональных, общих и частных положений, завершает становление нового самостоятельного научного направления, которое диссертационным советом было оценено как соот-

ветствующий критериям научного достижения в области уголовно-процессуального права.

В ходе работы в течение более 10 лет над концепцией исполнения приговора как особой уголовно-процессуальной правовой конструкции мы пришли к следующим теоретическим результатам:

1. Понятие «стадия уголовного судопроизводства» научно обоснованно раскрывать с учетом его нормативного выражения в УПК РФ. Если теоретическая концептуализация стадии исполнения приговора, сохранившая основные свои признаки до сегодняшних дней, окончательно завершилась с введением в действие УПК РСФСР 1960 г., то соответствующее правовое регулирование она получила только в УПК РФ 2001 г. В условиях правовых реалий и приращения новых научных знаний в течение полувека появились предпосылки для того, чтобы термины «стадия» и «производство по уголовному делу» рассматривались как парные правовые категории в уголовном процессе.

2. В контексте исследования системно-структурных связей российского уголовного процесса не могут оставаться незамеченными неустранимые противоречия теории «стадия исполнения приговора», некогда доминировавшей в науке уголовного процесса. Доктринальные понятия «уголовно-процессуальная стадия», «основное» и «промежуточное» уголовно-процессуальные производства приобретают научную ценность во взаимосвязи и системном единстве.

3. Аргументирован вывод об отсутствии формально-юридических и доктринальных предпосылок для трактовки регламентированной разделом 14 УПК РФ уголовно-процессуальной деятельности в качестве стадии производства по уголовному делу.

4. Установлены обстоятельства, как благоприятствующие, так и препятствующие позиционированию исполнения приговора как стадии особого рода в системе стадий уголовного судопроизводства. Трактовка исполнения приговора как стадии особого рода наиболее приближена к пониманию его как особого производства по уголовному делу.

5. На базе теории особых производств, сформировавшейся на общетеоретическом и межотраслевом уровнях, предложены новые, объединяющие критерии особых производств в уголовном процессе, выявлены объективные факторы (причины), детерминирующие феномен «особые производства в уголовном процессе», которые ранее не были предметом исследования ученых-процессуалистов.

6. Исследование сущности дифференцированных (упрощенных или усложненных) порядков производства по уголовному делу позволило обосновать тезис об их самостоятельном функционировании по отношению к особым производствам.

7. Еще один важный элемент концептуальных положений об уголовно-исполнительном судопроизводстве — авторское понимание и характеристика механизма правового регулирования особого судебного производства, предусмотренного гл. 47 УПК РФ, включающего уголовно-процессуальные и отчасти уголовно-исполнительные нормы, складывающиеся правоотношения, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Результаты эмпирических исследований позволили также наметить ряд новых законодательных мер, реализация которых будет способствовать распространению отдельных общих условий судебного разбирательства уголовного дела на уголовно-

исполнительное судопроизводство, что должно «смягчить» проблему пробельности его правового регулирования.

Не претендуя на исчерпывающее и окончательное решение большинства вопросов представленной в диссертации проблематики, мы полагаем, что концепция уголовно-исполнительного судопроизводства как особого производства в уголовном процессе устраняет иллюзию о достаточности действующего уголовно-процессуального регулирования, ориентированного на основное производство по уголовному делу, для нормального осуществления правосудия посредством разрешения вопросов исполнения приговора.

Список источников

1. Свиридов М. К. Сущность и предмет стадии исполнения приговора. Томск, 1978.
2. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. 3-е изд., испр. и доп. М., 2021.
3. Добровольская Т. Н. Деятельность суда, связанная с исполнением приговоров. М., 1979.
4. Якимович Ю. К. Структура советского уголовного процесса: система стадий и система производств. Основные и дополнительные производства. Томск, 1991.
5. Николюк В. В. Уголовно-исполнительное судопроизводство в СССР : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1990.
6. Крымов А. А. Уголовно-процессуальная деятельность органов и учреждений уголовно-исполнительной системы России : монография. М., 2017.
7. Качалов В. И. Производство по исполнению итоговых судебных решений в российском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017.
8. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Задержание осужденного, злостно уклоняющегося от исполнения приговора (отбывания наказания) // Уголовное право. 2013. № 6.
9. Муравьев К. В. Модель нормативного регулирования мер пресечения, действующих при производстве по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве (в развитие научного подхода Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора В. В. Николюка) // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 3.
10. Диваев А. Б. Природа и порядок заключения под стражу по основаниям, указанным в пп. 18 и 18¹ ст. 397 УПК РФ // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : мат-лы XIX всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. А. Г. Чириков. Новокузнецк, 2019.
11. Юдин А. В. Особое производство в арбитражном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2002.
12. Слепченко Е. В. Гражданское судопроизводство: проблемы единства и дифференциации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011.
13. Терехова Л. А. Дрейф административного судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10, № 3.

УДК 101.8:321.1:349.6

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-77-81

5.7.7. Социальная и политическая философия

Ведущая роль государства в решении глобальных экологических проблем: философский аспект

Елена Владимировна Рочняк

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории¹,

✉ lero1981@yandex.ru

¹ Горловский институт иностранных языков (Горловка, Россия)

В статье анализируется политическое направление в деле формирования гармоничного экообщества. В рамках социально-философских исследований рассматриваются необходимость и трудности проведения глобальной экоориентированной политики, а также обращается внимание на учет правового аспекта в процессе «построения светлого будущего человечества». В работе акцентируется, что именно государство должно инициировать такого рода деятельность как субъект, имеющий для этого наибольшие возможности.

Ключевые слова: государство, политические практики, экоориентированная политика, глобальные проблемы, экофильное общество

Для цитирования: Рочняк Е. В. Ведущая роль государства в решении глобальных экологических проблем: философский аспект // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 77–81.

The Leading Role of the State in Solving Global Environmental Problems: Philosophical Aspect

Elena V. Rochnyak

Candidate of Science (in Philosophy), Associate-Professor at the chair of History and Philosophy¹,

✉ lero1981@yandex.ru

¹ Gorlovka Institute of Foreign Languages (Gorlovka, Russia)

The article analyses the political tendency in the formation of a harmonious eco-society. Within the framework of socio-philosophical research, the necessity and difficulties of global eco-oriented policy are examined, attention being paid to the consideration of the legal aspect in the process of «building a bright future for mankind». The paper emphasizes that it is the state that should initiate this kind of activity as the subject with the greatest opportunities for doing this.

Keywords: state, political practices, eco-oriented policy, global problems, ecophilic society

Citation: Rochnyak E. V. The Leading Role of the State in Solving Global Environmental Problems: Philosophical Aspect. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 77–81. (In Russ.).

В социально-философских исследованиях в качестве стимулирующего фактора пробуждения индивидуального и общественного интереса к глобальным, в том числе экологическим, проблемам в большинстве случаев указывается резкое обострение общепла-

нетарной ситуации в последние десятилетия XX века. Действительно, с этим трудно поспорить. Однако достаточно часто такой интерес не может формироваться стихийно, без целенаправленного воздействия со стороны различных общественных и поли-

тических институтов в масштабах территориально-производственных комплексов и административных районов во всех странах мира.

Мы полностью согласны с мнением З. В. Зинченко: «Действительно, несмотря на привлекательность теории о заключенном в сознании человека понимании ценности природы как таковой, возможность самопроизвольного, спонтанного развертывания этой идеи представляется сомнительной. Современный цивилизованный человек, который с помощью технологических достижений приспособливает окружающую среду к себе, вряд ли способен к подобным „естественным“ проявлениям собственного сознания» [1, с. 80]. Вот здесь начинается социальная и даже политическая философия, переходящая непосредственно в политические практики.

Политические практики подразумевает одновременно действия «сверху» (уже имеющих представителей власти) и «снизу» (активное участие в политической и общественной жизни каждого). Однако если представители власти различных уровней проявляют хотя бы показную активность в решении существующих глобальных проблем, то подавляющее большинство населения Земли отличается пассивностью и безразличием, а также высокой степенью социального анархизма, что служит значимым ограничителем развития нашего общества. Этот факт, считает Р. Хиггинс, обусловлен тем, что в основном люди обладают «ограниченными талантами и кругозором, бесчисленными обязательствами и вынуждены действовать в рамках тяжелых обезличенных ограничений, накладываемых современным обществом» [2, с. 15]. Кроме того, не следует забывать и о стремлении большинства к «бегству от свободы», инфантильной склонности, впервые получившей теоретический анализ в работах Э. Фромма, переложить ответственность с себя на какого-либо лидера, патриарха, перенести на другого собственную неспособность и чувство вины.

Именно поэтому В. Хёсле [3], активно занимающийся философским наследием Г. Гегеля, внес дополнение в решение проблемы о роли государства в вопросах морали, поднимаемой основоположником западной философии. Г. Гегель полагал, что государство в нормальном состоянии требует для своего функционирования соответствия нормам нравственности. В. Хёсле подхватывает эту мысль и радикализирует ее, акцентируя, что переломные эпохи вызывают настоятельную потребность в активизации государства в сфере образования новой морали и ее принудительного повсеместного внедрения.

По поводу «принудительного» характера проведения реформ можно поспорить, поскольку история знает множество примеров неудач после такого рода нововведений, организуемых «огнем

и мечом». Однако бесспорно, что, как замечает Е. В. Гольцова, подобно «любимым эволюционным изменениям организмов, оно (нравственное оздоровление общества) (уточнение наше. — Е. Р.) должно начинаться с изменения системных характеристик, то есть на уровне управления обществом как целым» [4, с. 132]. Именно от правильности выбора политических задач зависит открытие возможностей для широкой активизации и развития нравственного чувства как великой созидательной силы у огромных масс людей. В качестве примера автор приводит исторический период хрущевской оттепели, которая «при всей ее противоречивости пробудила в людях огромный потенциал оптимизма и веры в добро, справедливость и творческие силы здорового коллективизма». Исходя из вышесказанного Е. В. Гольцова приходит к выводу, что главная задача политиков состоит в том, чтобы «человеческое в человеке» оказалось востребованным, «в создании социальных условий, стимулирующих и поддерживающих деятельность людей в нужном направлении» [4, с. 132]. Солидарность в этом вопросе высказывает также В. Б. Филимонов: «Без четко проводимой правительственными органами линии любое теоретическое достижение обречено на „бумажное пребывание“» [5, с. 6].

За повсеместные, всепланетные активные действия отвечает в первую очередь международная политика, в нашем случае — экоориентированная политика, без которой изменить ситуацию на Земле невозможно. Бесспорным является факт, что глобальные проблемы нельзя решить независимо от других, в рамках одного или нескольких государств, в их решении невозможно отделить одну часть человечества от другой, Север от Юга, богатых от бедных. И здесь очень точно передает смысл ситуации метафора лодки, точнее, единого для всех межзвездного корабля «Земля», которому требуются навигационные карты и единая в своих целях команда. В условиях же господства частной собственности и стихийной регуляции общественных отношений через рыночную сферу требуемого единства достичь невозможно.

На этот факт обращал внимание советский и российский философ, специалист в области социальной экологии, а также проблем взаимодействия общественных и технических наук Э. В. Гирусов [6], акцентируя, что в капиталистическом обществе любые меры по совершенствованию природопользования всегда будут носить частный, неполный характер, а это в итоге будет перечеркивать все полученные достижения, не давая возможности справиться с задачами в полном объеме.

Своего рода «конгениальным братом по духу» по отношению к Э. В. Гирусову в этом вопросе выступает В. Хёсле, рассматривающий в качестве одного из

негативов капитализма гипертрофированное увлечение государствами своей национальной экономикой без связи с общепланетарными проблемами, что приводит к невозможности выстраивания какой-либо глобальноориентированной экологической политики [3, с. 25].

Эту линию своеобразно продолжает в своей статье Ю. А. Шрейдер, привлекающий внимание к христианским идеям Божественного устроительства земной жизни: «Сегодня недостаточно ограничиться устроительством своего локального дома. Устроительству, то есть сохранению и улучшению подлежит наша общая планета Земля. Для этого необходимо обнаружить общность интенций на реализацию общечеловеческих ценностей при всем различии их выражений» [7].

Однако надежды на политическое объединение и единое мировое правительство в вопросе решения глобальных проблем достаточно жестко, но конструктивно критикуются Р. Хиггинсом: «Мировое правительство, даже если бы его удалось создать, также не смогло бы обеспечить стабильность. Национальное и региональное соперничество и накопившиеся несправедливости продолжали бы существовать еще долго. <...> Силы политической инерции все время заманивают нации в бездонную трясину узкого провинциализма». В своих рассуждениях он приходит к выводу не просто о сложности достижения всеобщего согласия, а об опасности ухода от существующего разнообразия: «Пока сохраняется внутреннее напряжение, демократия жива. Пока поддерживается международное напряжение, никто не хватается за оружие. Лучшее, на что мы можем надеяться в будущем, это непрочная гармония различных голосов, все попытки петь в унисон на национальном или международном уровне заканчиваются кровавыми баррикадами, концентрационными лагерями, репрессивными империями и братскими могилами» [2, с. 65].

В. Б. Филимонов в своем анализе направлений движения к будущему желаемому, экофильному обществу, помимо политического направления, подчеркивает необходимость выделения также правового, определяющего «свободу природопреобразующей деятельности человека» [5, с. 27]. Ведь следование социозэкологическим и экоморальным законам не может возникнуть само по себе и именно опора на законы и правовые нормы должна стать одним из основных моментов формирования членов нового экообщества. Как показывает практика, хотя многие правовые нормы совпадают с нормами морали, однако тот факт, что они, в отличие от последних, охраняются и обеспечиваются государственным принуждением, и делает их однозначно более эффективными.

И. Кант верил, что для нравственного поведения человеку достаточно здравого рассудка, однако история показывает, что для решения глобальных проблем одного разума и признания долга перед будущими поколениями недостаточно. Необходима, как минимум, четкая и эффективная правовая система, способная если не радикально изменить наше поведение, то значительно ограничить возможности негативных воздействий. А установление жестких правовых санкций за экологические правонарушения при условии их неотвратимости может стать одним из эффективных способов борьбы со сложившимся потребительским стереотипом по отношению к природе, к ее восприятию как некой монетизированной субстанции, ресурсной базы. Именно ужесточение контроля за соблюдением природоохранного законодательства назвало в качестве приоритетной меры, способствующей улучшению экологической ситуации в регионах РФ, подавляющее большинство (74%) респондентов опроса специалистов-экологов, проведенного в феврале 1997 г. в рамках мониторинга общественного мнения [см. по: 8, с. 33].

Однако следует быть предельно внимательным и осторожным при попытках пересмотреть и усовершенствовать уже существующую систему экологического права и ее норм в нужном направлении, ибо, как гласит китайская народная мудрость, «верные средства в неверных руках толкают на неверный путь». Особенно характерна такая ситуация для обществ, склонных к патернализму, с их жизненными принципами «пусть думают наверху / у руководителей голова болит», «партия сказала надо — комсомол ответил „есть“», «моя хата с краю — я ничего не знаю», «на мой век хватит».

Е. Н. Хохрина в своем докторском исследовании и вовсе объединяет политическое и правовое направление в единый политико-правовой аспект, предусматривающий «развитую современную демократию, конституционную власть, правовое государство, подлинно гражданское общество, социальную справедливость, обеспечение свободы и равенства всех людей перед законом, взаимную ответственность гражданина и общества, координацию правительственных и общественных структур в обеспечении ноосферного развития общества» [9, с. 225]. С ее точки зрения, и с этим трудно не согласиться, в поиске новых способов организации жизнедеятельности, новых форм цивилизационного развития должны систематически работать все общественные, гражданские, политические и правовые институты.

Весьма определенно на этот счет высказывается психолог, педагог и публицист А. Г. Асмолов, заявляя, что «чтобы «вылечить» человека, необходимо преобразовать ту систему, которая приводит к возникновению «болезни», изменить мир челове-

ка» [10, с. 86]. Эти же метафоры «болезни» и «здоровья» общества использует Э. Фромм [11], аргументированно доказывая, что в условиях современного общества появление нового человека, человека с бытийственным, а не потребительским мировоззрением, невозможно, а без него нельзя построить новое общество. Именно поэтому Э. Фромм как активный, а не созерцательно-пассивный философ предлагает начать с формирования здорового общества как основного условия появления нового человека. И в качестве конкретного пути построения называет гуманизацию общества методами социальной терапии, т. е. глобальной переориентации ценностных установок общества с обладания на бытие через установление контроля за потреблением и запрещение рекламного воздействия на сознание людей, а также через активизацию гражданской позиции людей и их активное участие во всех сферах жизни общества.

Сравнивая великие мировые учения, как религиозные (буддизм, иудаизм, христианство), так и идеологические (К. Маркса и др.), Э. Фромм оптимистически доказывает, что хоть задача и является непомерно сложной, однако не невыполнимой, а извечная мечта человечества о справедливом обществе в итоге будет воплощена в действительность: «Технические утопии — например, воздухоплавание — были реализованы благодаря новой науке о природе. Человеческая утопия мессианского времени — утопия нового объединенного человечества, живущего в братстве и мире, свободного от экономической детерминации, от войн и классовой борьбы, может быть достигнута, если мы приложим к ее осуществлению столько же энергии, интеллекта и энтузиазма, сколько мы затратили на реализацию технических утопий» [11, с. 256].

Подкрепляя эту мысль о необходимости «комплексной социальной терапии» (по А. И. Неклессу), которая бы способствовала «созиданию, удержанию, освоению» [12, с. 82] желаемого будущего человечества, а не «симптоматического лечения», решения отдельных конкретных проблем можно привести пронизательное, публицистически заостренное замечание писателя и эссеиста В. Ф. Тендрякова, высказанное им в очерке «Люди или нелюди»: «Благие призывы моралистов ко мне: совершенствуйся! Они давно доказали свое бессилие. Мы все воедино связаны друг с другом, жизненно зависим друг от друга, в одиночку не существуем, — а потому самосовершенствование каждого лежит не внутри нас: мое — в тебе, твоё — во мне! Не отсюда ли должна начинаться мысль, меняющая наше бытие?» [13]. Эти слова идейно перекликаются, кстати, со строчками Е. А. Евтушенко: «Ждет нас всеобщая гибель или всеобщее братство» [14].

Акцентируем, что задача сознательного построения «светлого человеческого завтра» не может быть решена в рамках только политики, права, экономики, инструментальных научных технологий или системы образования, ведь, как точно сформулировано у Э. В. Барковой, «экофилософски строящийся мир не может быть представлен в формах завершенных жестко объективированных систем, ибо он сам всегда — открытая, живая, саморазвивающаяся целостность» [15, с. 9].

Только векторные усилия человечества позволят получить равнодействующую в виде желаемого, не абстрактного и отвлеченного, а реального и вовлеченного будущего. При этом отметим, однако, что важно не сосредоточивать внимание на конкретных деталях, объектах, технологиях и сферах [16, с. 259]. Как иронично замечает американский писатель-фантаст, футуролог и один из классиков литературного жанра киберпанк Б. Стерлинг, «тот, кто сумеет нарисовать детальную и полностью адекватную картину будущего, просто не может быть человеком — это волшебник. Подобного пророка немедленно сочли бы крайне опасным и попытались бы изолировать от общества» [17, с. 9].

Необходимо делать акцент на осмыслении будущего как кумулятивного эффекта общественно значимых действий как отдельных индивидов, так и разномасштабных групп населения, имеющих зачастую несовпадающие или даже прямо противоположные цели. А решающим фактором в изменении существующей ситуации является конкретная практическая деятельность по преобразованию социального и природного мира на основании целостного мировоззрения широких масс, сформированного государством путем «глобального Эковсеобуча» (термин В. А. Зубакова [18, с. 79]), т. е. соответствующего всеохватывающего информирования, целенаправленного обучения и воспитания, подкрепленного набором технико-технологических, политических, административных, правовых и экономических решений.

С утверждением, что именно государство в первую очередь должно инициировать такого рода объединительную миссию как субъект, имеющий для этого наибольшие возможности, в частности, экономические, организационные и правовые механизмы, согласно значительное количество россиян. В частности, Т. Ю. Кирилина при анализе данных, полученных в результате общероссийских исследований в рамках социологии морали, проведенных Институтом социологии РАН еще в 2007 г., отмечает, что почти 60% молодежи и три четверти людей старшего возраста уверены в невозможности возрождения России без активной роли государства [19, с. 176].

Список источников

1. Зинченко З. В. Этические основания экологического менеджмента : дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2005.
2. Хиггинс Р. Седьмой враг. Человеческий фактор в глобальном кризисе (главы из книги) // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / пер. с англ. и франц. М., 1990.
3. Хёсле В. Философия и экология. М., 1994.
4. Гольцова Е. В. Экология социальной среды в современной России : дис. ... канд. филос. наук. Иркутск, 2005.
5. Филимонов В. Б. Методологические основания единства био- и социоцентризма в социальной экологии : дис. ... канд. филос. наук. Саранск, 1999.
6. Гирусов Э. В. Система «общество-природа» (проблемы социальной экологии). М., 1976.
7. Шрейдер Ю. А. Утопия или устроительство. Вводная статья // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности : пер. с англ. и франц. М., 1990.
8. Гришай Е. В. Формирование массового экологического сознания в современной России : дис. ... д-ра филос. наук. Нальчик, 2006.
9. Хохрина Е. Н. Философские основания выживания человечества в контексте глобального экологического кризиса : дис. ... д-ра филос. наук. Саратов, 2001.
10. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. М., 2007.
11. Фромм Э. Иметь или быть. М., 2006.
12. Неклесса А. И. Восстание личности // Стратегия России. 2018. № 10 (178).
13. Тендряков В. Ф. Люди или нелюди. URL: https://www.4italka.ru/proza-main/sovetskaya_klassicheskaya_proza/164720/fulltext.htm (дата обращения: 13.03.2023).
14. Евтушенко Е. А. Братская ГЭС. URL: <https://rustih.ru/evgenij-evtushenko-bratskaya-ges/> (дата обращения: 24.03.2023).
15. Баркова Э. В. Введение в экофилософию : избр. тр. Волгоград, 2021.
16. Закария Ф. Постамериканский мир будущего. М., 2009.
17. Стерлинг Б. Будущее уже началось: что ждет каждого из нас в XXI веке? Екатеринбург, 2005.
18. Зубаков В. А. Куда идем? К экокатастрофе или экореволуции // Философия и общество. 2000. № 2(19).
19. Кирилина Т. Ю. Нравственные аспекты модернизации современного российского общества // Лесной вестник. 2011. № 2.

УДК 1:2

doi: 10.24412/1999-625X-2024-192-82-86

5.7.9 Философия религии и религиоведение

Бюрократия и веротерпимость: трансформация государственно-конфессиональных отношений в России во второй половине XIX — начале XX вв.

Вячеслав Леонидович Данилов

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теологии, философии и культурологии¹,
✉ danilovvl@omsu.ru

Павел Леонидович Зайцев

доктор философских наук, профессор, директор школы академического и проектного развития
Уральского гуманитарного института², ✉ zaitcevpl@omsu.ru

¹ Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского (Омск, Россия),

² Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Революционные изменения, произошедшие на рубеже столетий в Российской империи, стали ключевым фактором трансформации многовековой модели взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви. Оказавшись перед необходимостью модернизации правовой системы государства, имперский законодатель пошел по пути укрепления начал веротерпимости, что неоднозначно было воспринято правящими церковными кругами, настаивавшими на необходимости искоренения сектантских движений. Российская империя оказалась в ситуации крупномасштабного политического кризиса, пережить который ей не удалось. Русская Православная Церковь была вынуждена адаптироваться под новые политико-правовые условия своего существования, отличавшиеся уравниванием правового статуса всех религиозных групп, а также обеспечением правовых гарантий свободы вероисповедания.

Ключевые слова: Священный Синод, Церковь, Временное правительство, Российская империя, обер-прокурор, сектантство, веротерпимость, К. П. Победоносцев

Для цитирования: Данилов В. Л., Зайцев П. Л. Бюрократия и веротерпимость: трансформация государственно-конфессиональных отношений в России во второй половине XIX — начале XX вв. // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 1(92). С. 82–86.

Bureaucracy and Religious Tolerance: Transformation of State-Confessional Relations in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries

Vyacheslav L. Danilov

Candidate of Science (in History), Associate-Professor, Associate-Professor at the chair of Theology,
Philosophy and Cultural Studies¹, ✉ danilovvl@omsu.ru

Pavel L. Zaitsev

Doctor of Science (in Philosophy), Professor, Director of the School of Academic and Project Development
at the Ural Institute of Humanities², ✉ zaitcevpl@omsu.ru

¹ Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia),

² Ural Federal University named after the first President of Russia Yeltsin B.N. (Ekaterinburg, Russia)

The revolutionary changes that took place at the turn of the century in the Russian Empire became a key factor for the transformation of the centuries-old model of relations between the state and the Russian Orthodox Church. Faced with the need to modernize the legal system of the state, the imperial legislator followed the way of strengthening the principles of religious tolerance, which was ambiguously perceived by the ruling church circles, who insisted on the obligatory eradication of sectarian movements. The Russian Empire found itself in a situation of a large-scale political crisis, which it was not able to survive. The Russian Orthodox Church was

forced to adapt to the new political and legal conditions of its existence, characterized by the equalization of the legal status of all religious groups, as well as the provision of legal guarantees of freedom of religion.

Keywords: Holy Synod, Church, Provisional Government, Russian Empire, Ober-Procurator, sectarianism, religious tolerance, Pobedonostsev K. P.

Citation: Danilov V. L., Zaitsev P. L. Bureaucracy and Religious Tolerance: Transformation of State-Confessional Relations in Russia in the second half of the 19th — early 20th centuries. *Scientific bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2024. Vol. 30, No 1(92). Pp. 82–86. (In Russ.).

Государственно-конфессиональные отношения актуальны с момента появления таких институтов, как государство и церковь. Баланс сил между ними менялся на протяжении многих веков, да и сами они не оставались неизменными. В Российской империи религия была одним из фундаментальных социально-политических институтов, одной из главных социальных ценностей, силой, сплачивающей людей, хотя со временем положение религии в обществе изменилось. Несмотря на несколько церковных реформ, произошедших за столетия российской истории, церковь оставалась неотделимой от государства: российские монархи короновались с помощью православной церемонии, для них православное исповедание было обязательным. В то же время была провозглашена веротерпимость, хотя свобода вероисповедания была весьма условной. Некоторые религии существовали вне правового поля, гражданский статус представителей этих религиозных движений не был внесен в регистрационные книги, что делало их менее защищенной группой. До 1905 г. выход из православия считался преступлением, влекущим за собой довольно суровое наказание (до 10 лет каторжных работ).

Оценивая историческую ретроспективу государственно-конфессионального взаимодействия в России, Н. М. Кропачев и Д. В. Шмонин утверждают: «Помимо культуро- и государствообразующего значения православия, благодаря которому сложилась и на протяжении многих столетий развивалась Россия, в нашей стране существуют и осуществляют свое служение другие христианские церкви, конфессии, деноминации» [1, с. 219]. Такое положение является не исходной данностью, а результатом долгого процесса, острейшая фаза которого, пришедшаяся на вторую половину XIX — начало XX вв. будет исследована в настоящей статье.

Позиция Русской Православной Церкви в отношении нетерпимых конфессий на начало данного периода сводилась к необходимости государственно-го ограничения и даже полного запрета сектантских религиозных движений. Отдельные протестантские секты, вроде штундизма, рассматривались как враги православной церкви, которые были не менее враждебны и Российскому государству. Церковь обращалась к гражданским властям, ходатайствуя о мерах пресечения тяжких преступлений против веры. По-

добные чувства регулярно высказывались православными священнослужителями на протяжении 1860–1870-х гг. Ситуация изменилась после 1881 г., когда на трон взошел Александр III. Одним из самых влиятельных советников нового царя стал его бывший наставник Константин Победоносцев, занимавший с апреля 1880 г. пост обер-прокурора [2, с. 24].

В 1900 г. К. П. Победоносцев, обер-прокурор Священного Синода, указывал в своем докладе царю, что его попытки бороться с развитием протестантского сектантства в России были парализованы указами Правительствующего Сената, высшего юридического органа империи. Это заявление, фактически, подвело итог многолетней борьбы, которую Российское государство и Церковь вели против евангельских движений. Хотя основные правовые запреты на деятельность сектантов были сняты только в 1905 г., стало ясно, что государство утрачивает возможности для эффективного противодействия распространению подобных движений.

Хотя в отечественной историографии К. П. Победоносцева часто изображали как бюрократа, использовавшего Церковь в качестве инструмента самодержавия, на самом деле он был гораздо более сложной фигурой со специфическим набором политических взглядов. Современное государство в его понимании было не более чем безжизненным устройством. Правительственная машина нуждалась в моральном руководстве и духовном вдохновении, которые можно было получить, только связав государственных лидеров с Церковью большинства населения.

По мнению К. П. Победоносцева, религиозное инакомыслие нельзя победить только с помощью административных и полицейских репрессий. Такие меры должны были лишь защитить Церковь и создать благоприятные условия для ее образовательной и миссионерской деятельности. К. П. Победоносцев лично следил за производством дел в суде, полиции и прокуратуре, требуя трактовать законы о вероисповедных преступлениях как можно шире [3, с. 128].

В мае 1880 г., через несколько дней после своего назначения, он обратился к царю с просьбой положить конец деятельности секты пашковцев, еще одного сектантского движения внутри протестантизма. В связи с этим была созвана специальная конференция под руководством председателя Комитета министров П. А. Валуева. Конференция постановила

запретить собрания пашковцев и депортировать лидера движения В. А. Пашкова и его ближайшего сотрудника графа М. М. Корфа.

К. П. Победоносцев сделал все возможное, пытаясь наладить бесперебойную работу духовных и мирских властей в борьбе с сектантством. В ходе этой работы духовенство сообщало о случаях пропаганды обер-прокурору, а последний передавал их министру юстиции и министру внутренних дел или его заместителю. Гражданские власти должны были докладывать обер-прокурору о принятых ими мерах. Церковная проповедь вместе с правительственными репрессиями должны были сыграть решающую роль в борьбе с сектантством. В соответствии с этой идеей обер-прокурор приступил к осуществлению комплекса мер, направленных на активизацию образовательной и миссионерской деятельности Церкви. Через две недели после закрытия общества пашковцев Победоносцев предложил епископу Херсонскому Никанору созвать высшее духовное собрание в связи с борьбой против штундизма. Ассамблея, которая проходила в Киеве в 1884 г., приняла ряд резолюций, направленных на ослабление штундизма. Она требовала углубленного изучения рационалистического сектантства в духовных семинариях, распространения специальной литературы и назначения специальных миссионеров для борьбы с сектантством. Духовенству было приказано открывать школы и библиотеки, организовывать публичные чтения, надлежащим образом проводить богослужения, запретить вымогательство и вести себя пристойно [4, с. 141].

В дополнение к этим мерам съезд высшего духовенства, состоявшийся в Казани в 1885 г., распорядился о наборе епархиальных миссионеров. В 1887 г. Первый миссионерский съезд в Москве представил окружных миссионеров. Была начата кампания образовательных и пропагандистских мероприятий, включающая публичные дебаты миссионеров с сектантами, религиозно-просветительские занятия, направленные на укрепление православной практики, публикацию и распространение антисектантских брошюр. Все эти меры позволили обер-прокурору доложить царю, что религиозное инакомыслие теряет свое влияние и скоро исчезнет. Однако в действительности программа, начатая К. П. Победоносцевым, столкнулась с серьезными препятствиями и обернулась провалом.

Представители государственной бюрократии относились к религиозной борьбе как к чуждой им задаче и старались не участвовать в мероприятиях, которые несли в себе риск социального переворота. Хотя некоторые представители управленческого ап-

парата (губернаторы Херсона, Витебска и Могилева) действительно сотрудничали с церковными властями, руководство Министерства внутренних дел не было в восторге от перспективы обострения внутрирелигиозной борьбы. Церковные власти пытались преследовать в судебном порядке даже принадлежность к иноверцам, в то время как государственные органы могли наказывать только за конкретные нарушения закона. По делам о штундистских собраниях, которые в результате кассации приговоров мировых съездов все же доводились до Сената, нередко выносились оправдательные решения [5, с. 43].

По просьбе обер-прокурора в 1889 г. министр внутренних дел издал специальный циркуляр, предписывающий провинциальным администрациям и полиции не допускать никакого снисхождения к сектантам и сотрудничать с духовенством. Но затем Сенат, орган, отвечающий за обеспечение соблюдения закона, подал протест. Уголовно-кассационный департамент, возглавляемый известным юристом А. Ф. Кони, отменил указы о закрытии штундистских молитвенных домов на основании Закона 1883 г. В 1892 г. А. П. Игнатьев, генерал-губернатор юго-западных провинций, использовал свои полномочия, чтобы запретить молитвенные собрания штундистов, но Сенат снова признал это действие незаконным [6, с. 34].

В начале 1891 г. епископ Анатолий Уманский, викарий Киевской епархии, потребовал в прессе ограничить свободу передвижения штундистов, отобрать у них детей, закрыть их места отправления культа и молитвенные собрания, а также ускорить и упростить любые судебные разбирательства с участием штундистов. В том же году Второй миссионерский конгресс потребовал, чтобы штундистам (а также молоканам, пашковцам и некоторым другим движениям) было запрещено занимать государственные должности, собираться на молитвенные собрания и покупать или арендовать землю.

Ситуацию в значительной степени изменил изданный в 1905 г. императором Николаем II Указ «Об укреплении принципов религиозной терпимости»¹, позволивший людям принимать иную веру, оставляя православие, а людям, исповедующим другие религии, но причисленным к православным, исключаться из числа православных христиан и исповедовать ту религию, которую они исповедовали до включения в список православных христиан, или ту, которую исповедовали их предки. Этот указ не уравнивал все конфессии и их приверженцев, но внес серьезные изменения в правовой статус лиц всех конфессий. Были сняты ранее существовавшие ограни-

¹ Об укреплении начал веротерпимости : указ от 17 апреля 1905 года // Полное собрание законов Российской империи : собр. 3-е. Т. XXV: 1905. СПб., 1908. С. 237–238.

чения, была установлена единая терминология в отношении всех религиозных групп, отколовшихся от Православной церкви [7, с. 43].

Была отменена уголовная и административная ответственность за выбор религии. Запрещены преследования людей, дискриминация и ограничение гражданских прав по религиозному признаку. Тем не менее ограничения на смену конфессий были отменены только в отношении других христианских конфессий, невозможно также было не принадлежать ни к одной конфессии. Русская церковь сохранила свой исключительный доминирующий статус, выраженный, в частности, в праве на духовную цензуру [8, с. 171].

Таким образом, законодательство того периода защищало православие как духовную и социальную ценность. В то же время в рассматриваемый период наблюдалось падение общего уровня религиозности, о чем свидетельствует феномен религиозного индифферентизма в поздней Российской империи.

Отречение Николая II от престола 2 марта 1917 г. и последующий крах империи застали многих православных христиан России врасплох. В течение нескольких дней русское православие и монархия перестали быть связанными. Отражая глубокое разочарование в имперском режиме, члены Священного Синода не выступили с публичным призывом поддержать монархию. 6 марта 1917 г., через четыре дня после отречения Николая II, Священный Синод направил краткое указание духовенству провести специальную молитвенную службу для успокоения страстей. Отныне молитвы за Временное правительство официально заменили молитвы за царя во время литургических служб.

Быстро меняющаяся социально-политическая среда оказывала слабую поддержку Церкви, которой пришлось вести переговоры с двумя сосуществующими центрами политической власти. Прежде всего это самопровозглашенное демократически ориентированное Временное правительство. Оно, хотя и не было идеологически враждебно настроено по отношению к православию, но выступало за постепенное продвижение к отделению церкви от государства. Вторым центром стал Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, чьи взгляды, укорененные в основном на марксизме, были враждебны церкви и религии как символам царского режима. Двоевластие Временного правительства и Петроградского Совета только усугубило внутренние потрясения в христианстве.

Хотя Священный Синод, предположительно, был свободен от вмешательства со стороны импер-

ского государства, тем не менее при Временном правительстве отношение государства к Церкви мало изменилось. Представитель правительства по связям с Синодом В. Н. Львов (1872–1930) взял на себя функции обер-прокурора. По-видимому, мало доверяя Священному Синоду в том, что он может верно направить институциональную Церковь в новых политических условиях, Львов неоднократно принимал односторонние решения, обосновывая свои действия ссылками на устранение «пагубных источников гангрены в Церкви».

В то время как члены Священного Синода продолжали настаивать на независимости от вмешательства государства, сельские приходские общины опирались на накопленный десятилетиями опыт и многие прихожане приняли концепцию соборности, чтобы сформулировать свое демократически обоснованное видение институционального будущего православия. Весной 1917 г. духовенство и миряне собирались на собрания в большинстве епархий. Делегаты готовились к выборам в предстоящий Собор и учредили выборы приходских священников и епархиальных епископов. Кульминацией этих епархиальных собраний стало десятидневное заседание в июне 1917 г. Всероссийского собрания духовенства и мирян. Ассамблея поддержала падение царского режима и почтила память всех тех, кто самоотверженно страдал и погиб в борьбе за права народа во время февральских восстаний. Делегаты высказались за будущее государство (предпочтительно демократическое), которое поддерживало бы народное правление, полную свободу вероисповедания и независимость Церкви от вмешательства государства.

Несмотря на отсутствие консенсуса в обществе по этому вопросу, Временное правительство оставалось приверженным постепенному отделению церкви от государства. Новые постановления «Об отмене вероисповедальных и национальных ограничений»² (март 1917 г.) и «О свободе совести» (июль 1917 г.)³ были шагами в этом направлении, формально положившими конец особому статусу православия как государственной религии.

Таким образом, октябрь 1917 г. подвел черту под внутренне неоднородной, раздираемой противоречиями историей государственно-конфессиональных отношений второй половины XIX — начала XX вв. С конца XIX в. по 1917 г. наблюдалось постепенное разрушение связей между Церковью и государством. Быстро развивающиеся события выявили глубокие разногласия во всех слоях российского общества, обострили вопросы свободы вероисповедания, взаимоотношения государства, общества и церкви.

² Об отмене вероисповедных и национальных ограничений : постановление Временного правительства от 20 марта 1917 г. // Вестник Временного правительства. 1917. № 15. 22 марта. С. 1.

³ О свободе совести : постановление Временного правительства от 14 июля 1917 г. // Там же. № 109. 20 июля. С. 1.

Список источников

1. Кропачев Н. М., Шмонин Д. В. Ценности в образовании и современный университет // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39. Вып. 2.
2. Карнишина Н. Г. Ober-прокурор синода К. П. Победоносцев: штрихи к портрету // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3.
3. Биюшкина Н. И. Правовое регулирование религиозных отношений в Российской империи в период с марта 1881 г. по 1894 г. // Проблемы права. 2011. № 1(27).
4. Зими́на К. Ю. Социально-политические воззрения М. А. Рейснера и К. П. Победоносцева на религиозную свободу в государстве // Вестник Владимирского юридического института. 2017. № 4(45).
5. Амбарцумов И. В. Русский штундизм, общество и власть в XIX — начале XX в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 5(42).
6. Рыбин Д. В. «Пасторские дела» в воспоминаниях А. Ф. Кони: проблемы свободы совести в Российской империи накануне первой русской революции // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 4.
7. Шингарева Н. В. Проблема свободы совести и веротерпимости в России в начале XX в. // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 11.
8. Терюкова Е. А. К вопросу о свободе совести и свободе вероисповедания в России в начале XX века // Труды Государственного музея истории религии. 2013. № 13.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ INFORMATION FOR AUTHORS

Журнал призван способствовать научным исследованиям и коммуникациям российских и зарубежных ученых. Целевая аудитория — научные и научно-педагогические работники. Редакция принимает к рассмотрению рукописи, соответствующие следующим научным направлениям (по отраслям наук): юридические науки, философские науки. Приоритетными для публикации являются:

- рукописи теоретических и прикладных статей по актуальным проблемам теории права, правовой политики, отраслевых юридических наук, а также рукописи, отражающие результаты научных разработок, выполненных на стыке юриспруденции и смежных областей социально-гуманитарного знания;

- рукописи, представляющие научную аналитику развития криминогенной обстановки в России и ее регионах, зарубежных государствах;

- материалы по проблематике социальной философии, философии политики, философии права, философии культуры, философии и методологии научных исследований;

- исследования, посвященные зарубежной научно-правовой мысли;

- материалы, отражающие вехи истории права, юридической науки и образования.

Журнал придерживается этических принципов и норм, принятых в области экспертизы и издания научной литературы.

Журнал считает важной максимальную доступность и демократичность. Плата за публикации не взимается, авторские экземпляры предоставляются безвозмездно, включая расходы на рассылку, номера журнала регулярно и бесплатно рассылаются в образовательные и научные организации МВД России, ведущие научные и образовательные центры России.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Все публикации начиная с 2005 г. находятся в открытом доступе на платформе Научной электронной библиотеки. Номера журнала размещаются на платформе ООО «ИВИС», партнера и дистрибьютора компании East View Information Services, Inc., и в научной электронной библиотеке «Киберленинка».

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные

The journal seeks to contribute to research activities and communications within Russian and international scientific community. The periodical is supposed to be required by scholars and professors. The Editorial Office considers original manuscripts without any signs of plagiarism and corresponding to the following science directions (branches of science): juridical sciences, philosophical sciences.

Priority is given to:

- manuscripts of theoretical and applied articles on the current problems in the theory of law, legal policy, juridical sciences, and those which comprise the results of research developments in the field of jurisprudence and related fields of social humanitarian knowledge;

- manuscripts comprising scientific analytics of development of criminogenic situation in Russia, its regions and abroad;

- materials on the current issues of social and political philosophy, philosophy of culture, philosophy and methodology of science research;

- researches covering foreign scientific juridical thought;

- materials on the milestones of history of law, juridical science and education.

We adhere to the ethical guidelines and rules accepted in the fields of scientific literature expertise and publishing.

Maximum accessibility and democracy are considered to be important. Publications and author's copies including their postage are free, the journal issues are regularly sent free of charge to the educational and scientific organizations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, leading national scientific and educational centers.

The journal is listed in the Russian Science Citation Index (RISC). All the journal's issues published since 2005 are available at the Scientific electronic library (<http://elibrary.ru>) and on the IVIS, Ltd platform, which is the partner and distributor of the East View Information Services, Inc. and at the scientific electronic library "Cyberleninka".

The journal is officially included on the List of peer-reviewed scientific editions where scientific results of doctoral and candidate of sciences theses are to be published.

The journal is a peer-reviewed periodical. The review estimates the importance of the paper's subject-matter, the level of scientific grounds of the theses, their novelty and significance, outlines positive as well as revealed manu

спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Редакция направляет авторам рукописей копии рецензий или мотивированный отказ.

В целях ускорения прохождения рукописей в печать просим соблюдать наши требования и пожелания к оформлению рукописи и метаданных.

Объем рукописи, как правило, не должен превышать 0,5 авт. л. (20 тыс. знаков, считая пробелы) с учетом рисунков, графиков и таблиц. Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных и т. п. лежит на авторах. Точки зрения редакции и авторов могут не совпадать. Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

Основной текст рукописи набирается через 1,5 интервала гарнитурой Times New Roman (14-й кегль) без знаков ручного переноса, неразрывных и двойных пробелов.

Важными структурными элементами рукописи являются:

- список ключевых слов (семь-девять речевых единиц);
- аннотация.

Цель аннотации — кратко и емко выразить суть статьи. В аннотации допускается отражение структуры аннотируемого текстового материала. Аннотация не должна быть перифразом заглавия статьи и включать малоинформативные формулировки.

К рукописи прилагается авторская справка.

Рукопись и сопроводительные материалы направляются в редакцию на электронном носителе (в формате Win Word или rtf) либо по электронной почте по адресу: d.rudman@list.ru. Наряду с электронной формой допустимо направление распечатки рукописи на бумажном носителе. Почтовый адрес: 644092, г. Омск, пр-т Комарова, д. 7, Омская академия МВД России, журнал «Научный вестник Омской академии МВД России». Контактный телефон: (8-3812)30-12-01 (главный редактор Рудьман Денис Сергеевич).

Представляя материал для публикации, автор (авторы) тем самым выражает согласие на размещение его метаданных, в тех информационных системах, с которыми у редакции имеются соответствующие соглашения.

Более подробная информация о журнале, его этической политике, требованиях к оформлению рукописи и метаданных, порядке рецензирования изложены на вэб-сайте по адресу: <http://nv.omamvd.ru/>.

Приглашаем к сотрудничеству.

script's arguable or negative points, makes recommendations to publish (reject to publish) the article or hand it back to the author for further elaboration. The editorial board is eligible to send submitted papers for reviewing, additional reviewing or reject them. The editorial board sends the manuscripts' authors copies of the reviews or rejection with the grounds given.

The manuscript must contain up to 0.5 author's sheet (20,000 characters and spaces) including pictures, graphs and tables. Line spacing — 1,5; "Times New Roman" and font size of 14 should be used, omit manual hyphenation and double space mark. Margin requirements: left margin — 3 cm, top and bottom margins — 2 cm, right margin — 1 cm. Authors assume responsibility for the accuracy of quantitative data, citations, last names and proper names.

Critical structural elements of a manuscript are:

- annotation;
- keywords (the number should not exceed 7–9 keywords).

The aim of the abstract is to briefly and concisely present the essence of the paper. The abstract can reflect the structure of the text. The abstract should not paraphrase the title and contain statements of little information value. Keywords concisely describe the subject, problem, purpose and main provisions of the research. Keywords can be both separate words and word combinations in nominative singular (if any).

The manuscript and accompanying materials are submitted to the editorial office by e-mail to the following address: d.rudman@list.ru or on electronic device (Win Word or rtf). It is acceptable to submit the printed version of a manuscript and metadata along with the electronic version. The manuscripts can be sent to: 644092, Omsk, pr. Komarova, 7, Omsk Academy of the Russian Interior Ministry, journal "Scientific Bulletin of Omsk Academy of the MIA of Russia". Telephone: (8-3812)30-12-01 (chief editor Denis Sergeevich Rudman).

Submitting the papers already published or submitted to other journals is not allowed.

The opinion of the editorial board can differ from the authors' visions.

Submitting the paper for publishing the author agrees to locate it and metadata in the informational systems the editorial board has appropriated agreements with.

The periodical was founded and is published by the Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

The journal is published quarterly.

More details concerning the journal, its ethics, requirements to arrangement of manuscripts and metadata and peer review procedure can be found on website: <http://nve.omamvd.ru/>.

Welcome to cooperate!